В.А.Анучин

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

В. А. Анучин

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

МОСКВА
«МЫСЛЬ»
1982

ББК 15.5
А 73

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научный редактор — доктор исторических наук, профессор *В. И. Куликов*

Рецензент — доктор географических наук, профессор *Н. А. Солнцев*

А $\frac{1905010000\text{-}86}{004(01)\text{-}82}$ 103-82

© Издательство «Мысль». 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы живем в очень сложный, характеризующийся крутыми поворотами период истории, когда уже сложились две системы — капитализма и социализма и все большая часть человечества встает на путь социалистического развития. Переход на этот путь проходит в обстановке усиления классовой борьбы, обострения экономических и социальных противоречий в капиталистическом мире, угрозы развязывания мировой войны силами империализма.

Капитализм характеризуется антагонистическим характером отношений между людьми и в целом общества к природе. В связи с этим мир оказался на грани, когда количественные изменения, связанные с ростом производства, ведут к быстрым качественным изменениям в биосфере. Эти изменения все в большей степени создают угрозу для жизни всего человечества. Возникла опасность глобального экологического кризиса.

Современная цивилизация встречает свое двухтысячелетие во все больших заботах о правильном разрешении проблемы взаимодействия человека и природы: потребности в природных ресурсах ускоренно растут, а возможности удовлетворения их чрезвычайно усложняются. Все это активизирует поиск более рациональных путей дальнейшего природопользования, привлекает внимание человечества к опыту мировой социалистической системы, так как только социализм создает возможности для реальной ликвидации сложившегося веками в широких масштабах несоответствия в развитии природы и общества.

Технология, созданная при капитализме, имеет ярко выраженную хищническую по отношению к природе направленность. Более 95% изымаемых из природы материальных и энергетических ресурсов превращается в так называемые отходы, загрязняющие биосферу и делающие ее непригодной для жизни человека. Более того, в силу своей классовой сущности развитие науки при капитализме подчинено гонке вооружений, усиле-

нию производственной мощи средств воздействия на природу без учета происходящих в ней изменений. При этом средства воздействия на природу развиваются параллельно с ростом все более мощных средств массового уничтожения людей.

В области взаимодействия общества и природы особую актуальность имеет изучение вопросов, связанных с воздействием на общество географического фактора, географической среды, а это требует привлечения к нему как естественных, так и общественных наук.

К сожалению, до настоящего времени история взаимодействия общества и природы изучена недостаточно. Научные исследования историков лишь в виде исключения касаются вопросов, связанных с рассмотрением географических условий. В опосредствованном виде это взаимодействие в какой-то мере вскрывается в трудах некоторых историков при рассмотрении того очевидного факта, что каждый новый этап в истории человечества является одновременно и качественно новым отношением общества к природе, дальнейшим осмыслением связей человека с географической средой, вовлечением в производство ее новых компонентов. Географы чаще всего избегают вторжения в область истории. В то же время на жизнь человечества воздействуют многие факторы. Среди них можно выделить прежде всего следующие: географический, экономический и социально-исторический, хотя их действие носит сопряженный характер и они не могут противопоставляться один другому.

Социальные аспекты воздействия общества на природу до недавних пор наукой почти не изучались. Поскольку использование природы носило преимущественно «производственный характер», его изучение было отдано «на откуп» представителям технико-экономических наук. И не удивительно, что в области исследований взаимодействия общества и природы образовалось «белое пятно». Лишь в самое последнее время к этим проблемам начали подходить с более широкими критериями и они стали объектом внимания многих представителей как естествознания, так и гуманитарных наук.

Нельзя забывать, что с самого начала выделения человека из животного мира он развивался сопряженно с географической средой, а современное человечество живет в условиях, в известной мере созданных ушедшими в прошлое человеческими поколениями. Даже дав-

но ушедшие общественные уклады, усилив в свое время территориальное разнообразие географической среды, продолжают тем самым ясно «проявляться» — воздействовать и влиять на взаимоотношение человека и природы в современных условиях. Географическая среда, воздействующая на жизнь современного общества,— это далеко не «чисто» природная категория, а одновременно и овеществленный результат труда огромного количества живших на Земле человеческих поколений. Поэтому оценивать современные территориальные комплексы среды и их воздействие на людей, ныне живущих, и тем более на людей будущего невозможно, игнорируя историю воздействия географического фактора на общество на всех ступенях его развития. При рассмотрении этого вопроса нельзя ограничиваться исследованием взаимодействия общества и природы в пределах какой-либо одной исторической эпохи. Важно показать преемственность процессов природопользования. Особенно большое значение при этом имеют ранние периоды истории человечества, когда закладывались основы современного этапа взаимодействия человека и природы.

В нашей стране сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции были заложены основы принципиально иного отношения к природе — оно перестало определяться довлеющим фактором — погоней за прибылью. В условиях развитого социализма осуществляется целая система мер, направленных на наиболее эффективную охрану природы. Огромную роль в этом сыграли решения XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. Они внесли существенные коррективы в практику природопользования. Определяя реальные пути в этом направлении, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев подчеркивает: «Мир — это не только вопрос безопасности, это и важнейшая предпосылка для решения крупнейших проблем современной цивилизации. А с ним связано само будущее человечества. Да, будущее всей планеты, с которым уже нельзя не считаться, решая проблемы сегодняшнего дня...» (*Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 4. М., 1974, с. 340). Борьба за мир, за разрядку международной напряженности, проводимая нашей страной и всеми социалистическими странами, органически увязывается с борьбой за сохранение географической среды как необходимей-

шего условия для жизни человека на Земле. При этом КПСС исходит из того, что предотвращение мировой войны, обеспечение прочного мира открывают новые широкие перспективы перед жителями Земли, создают предпосылки для решения многих важных проблем, встающих перед человечеством в целом. Среди них важное место занимает защита человека от опасностей, которыми ему грозит дальнейшее неконтролируемое техническое развитие,— обеспечение сохранности природы.

Большое внимание Коммунистической партии и Советского правительства к решению проблем, связанных с взаимодействием общества и природы, открывает широкие перспективы и для развития науки о природе и обществе, и особенно для географии, которая тесно связана как с общественными, так и с естественными науками. Это особенно важно подчеркнуть, так как в условиях научно-технической революции возрастает необходимость усилить взаимодействие общественных и естественных наук, что в свою очередь требует более интенсивных общественно-природных исследований, более всестороннего изучения географической среды.

Социализм устраняет элементы ведомственной односторонности в природопользовании, когда узко понимаемая экономическая рентабельность определяла общественное вмешательство в природные процессы. Не секрет, что в условиях развитого социализма все сколько-нибудь крупные проекты воздействия на природу подвергаются серьезной, всесторонней, научной проверке. Широкий общенародный, а не только технико-экономический подход к природе — требование реального социализма. При этом предусматривается, что решение задач охраны природы возможно только при рационализации природопользования и развитии производства. В нашей стране решение этой задачи во многом связано с большим размахом работ по освоению природных богатств, особенно в восточных районах страны, при усложнившейся демографической ситуации. «В 80-е годы, как вы знаете, будет действовать ряд факторов, усложняющих экономическое развитие. Один из них — сокращение прироста трудовых ресурсов. Другой — увеличение затрат в связи с освоением Востока и Севера, а также неизбежный рост расходов на охрану окружающей среды» (Материалы XXVI съезда КПСС, с. 38).

Постановка XXIV, XXV и XXVI съездами КПСС задач дальнейшего усиления взаимодействия общества и природы — творческое развитие идей К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по проблеме взаимодействия общества и природы, конкретизация их с учетом новых условий, сложившихся в современном мире. В этих решениях выражена научная оценка нынешней экологической ситуации, показан единственно правильный путь к устранению опасности глобального экологического кризиса.

Все сказанное выше объясняет большое значение и актуальность книги В. А. Анучина «Географический фактор в развитии общества». В ней с позиций марксистско-ленинской науки рассматриваются конкретные проявления воздействия географического фактора на историческое развитие человечества. Автор убедительно показывает, что воздействие географического фактора на жизнь человечества было, есть и будет не просто неотъемлемым условием жизни, но и постоянно меняющимся условием во времени и пространстве, фактором, по-разному влияющим на общественное развитие в каждых отдельно взятых исторических условиях, что и обусловливает географические различия между странами, районами, а в известном смысле и народами. И эти региональные различия в воздействии географического фактора усиливались и продолжают усиливаться, по мере того как общество достигает более высоких ступеней в своем развитии. Это подтверждает известное положение, что история человечества — продолжение развития природы.

Книга В. А. Анучина отличается большой широтой исследования как в географическом, так и в историческом аспектах. Ее содержание не укладывается в обычное отраслевое деление науки, и в этом ее несомненное значение, так как современная наука уже не может ограничиваться хотя бы и самыми углубленными исследованиями отдельных явлений. Став производительной силой общества, она непосредственно участвует в общественной практике, что требует большей комплексности, а следовательно, и усиления интеграции между ее отраслями. Сочетание дифференциации с интеграцией — всеобщее условие ее успешного развития. Поэтому наряду с углублением дифференциации большую актуальность приобрели работы, основанные на обобщениях —

синтезе результатов исследований дифференцированного характера, работы, развивающие науку вширь, посвященные не отдельным явлениям, а процессам и связям между ними. Книга В. А. Анучина, раскрывая в историко-географическом аспекте процесс взаимодействия общества с природой, представляет собою определенный вклад в интеграционное направление развития науки.

Использование В. А. Анучиным материала, включающего не только факты, точно установленные наукой, но и логические построения и гипотезы, неизбежно придает монографии некоторые черты дискуссионности. Однако то, что автор оперирует материалом с «переднего края науки», возможно не всегда еще достаточно проверенным, на наш взгляд, не только не является недостатком, а, наоборот, может рассматриваться как ее достоинство.

Настоящая книга ставит своей задачей комплексное освещение вопроса о влиянии географического фактора на развитие общества.

Книга предназначена для специалистов, исследующих эту проблему, и круга читателей с весьма различной специальной подготовкой.

Доктор исторических наук *В. И. Куликов*

Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере.

Л. И. Брежнев

ОТ АВТОРА

Если рассматривать содержание этой книги с позиций той или иной отдельно взятой области человеческих знаний, то она вряд ли выдержит критическое к себе отношение. Любой специалист в отраслях географии, геологии, антропологи, археологии и особенно истории не будет удовлетворен обстоятельностью освещения проблем «своей» науки. Но в предлагаемой вниманию читателя книге «Географический фактор в развитии общества» не анализируются отдельные формы материи. Цель книги в другом. Используя возможности, открывающиеся при синтезе естествознания и обществоведения, автор попытался исследовать не отдельные факты и явления, а *связи* между ними в процессе взаимодействия общества и природы.

Актуальность такого подхода постепенно становится очевидной. Современная наука не может ограничиваться познанием только отдельных форм и явлений материального мира. Наступил новый период в ее развитии. Наука непосредственно участвует в общественной практике, во всей общественной жизни. А это требует исследований «широкого профиля», выходящих за рамки исторически сложившейся отраслевой структуры человеческих знаний. Наряду с работами, основанными на продолжающейся углубляться дифференциации, четко выявляется необходимость в работах, где синтезируются результаты, достигнутые отдельными науками. Наука в целом не может успешно развиваться, когда представители ее отдельных сфер утрачивают взаимопонимание.

Но в то же время общеизвестно, что логические определения, построенные *только* на научных абстракциях, могут приводить к грубым ошибкам. В этом и состоит главная опасность на пути интеграции, немыслимой без абстракций. Истина конкретна. И если мы хотим видеть воздействие географического фактора на жизнь обще-

ства, то для этого недостаточно одних общих философских определений, хотя бы и правильных в своей основе. Необходимо конкретно рассмотреть, как взаимодействуют общество и природа на *всем* протяжении человеческой истории, тем более что на различных этапах процесса взаимодействия общества и природы были существенные особенности и региональные различия. Очень важно видеть связи всеобщности и конкретности. Выводы из абстракций столь же неполны, сколь и выводы из конкретного анализа, лишенного всеобщности, не опирающегося на определенные категории материалистической диалектики. Известно, например, что общественная жизнь зависит от уровня материального производства. Но конкретное изучение общественной жизни, подтверждая эту формулировку в качестве *главной* схемы, дает большой фактический материал, показывающий, что эта схема *не исчерпывающе* характеризует действительность. Выясняется, что и само материальное производство как материально, так и социально, а общественное развитие в своих конкретных проявлениях определяется не только непосредственно уровнем материального производства, но и социальной структурой общества, исторически сложившейся и всегда пространственно разной, что обусловлено географическим фактором. Говоря иначе, если в целом общественная жизнь в *конечном счете* определяется способом производства, уровнем развития производства и уровнем развития производительных сил, то это вовсе не означает, что и любое проявление общественной жизни всегда определяется ими же. Жизнь красочнее и разнообразнее любой теоретической схемы, любой абстракции. И произведенный нами некоторый конкретный анализ общественной жизни в связи с воздействием на нее географического фактора подтверждает и демонстрирует это положение.

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ХРОНОЛОГИЯ И ХОРОЛОГИЯ. О «НООСФЕРЕ»

Современная наука оценивает возраст Земли в 4,6 млрд. лет. Это время геологического развития нашей планеты можно рассматривать как ряд отдельных этапов, хотя лишь в последние десятилетия были начаты исследования наиболее древних этапов геологического прошлого. Это позволило создать новые основы геохронологии, и в частности выявить следы жизни на Земле, достигающие возраста свыше трех миллиардов лет!

Следовательно, геологическая и биологическая история Земли хронологически совпадают в гораздо большей степени, чем это сравнительно недавно считалось. Общепризнано, что жизнь возникла на Земле в результате закономерного, естественного процесса. В его основе «лежала эволюция соединений углерода, которая происходила во Вселенной задолго до возникновения нашей Солнечной системы и лишь продолжалась во время образования планеты Земля — при формировании ее коры, гидросферы и атмосферы. Все более интенсивное проникновение человека в космос позволило выявить в различных небесных телах углеродистые соединения, среди которых встречаются и весьма сложные. Эти находки дают возможность судить о доземной эволюции органических веществ; мы теперь знаем, что Земля с самого начала своего существования содержала значительное количество углеродистых соединений»[1].

Не будем в данном случае рассматривать существующие гипотезы о том, где и как впервые зародилась жизнь. Произошло ли это в «первичном бульоне» Мирового океана, или первые зачатки жизни, содержащиеся в сложных углеродистых соединениях космоса, попав на Землю, впоследствии развились в органические соединения.

Еще В. И. Вернадский обратил внимание на то, что развитие жизни на Земле в очень большой степени обу-

[1] *Опарин А. И.* Предисловие. — В кн.: *Руттен М.* Происхождение жизни. М., 1973, с. 5.

словлено воздействиями космических факторов, в частности воздействием мощных потоков космических излучений. «Вещество биосферы благодаря им проникнуто энергией: оно становится активным, собирает и распределяет в биосфере полученную в форме излучений энергию, превращает ее в конце концов в энергию в земной среде свободную, способную производить работу»[1]. И далее: «Биосфера не может быть понята в явлениях, на ней происходящих, если будет упущена эта ее резко выступающая связь со строением всего космического механизма»[2]. Люди не только «дети Земли», но и «дети Солнца»! Подчеркнем лишь, что жизнь существует на Земле гораздо дольше, чем это сравнительно недавно считалось, а «живое вещество» с самого своего возникновения оказывало постоянно возрастающее воздействие на земную кору. Географическая оболочка на Земле формировалась *сопряженно* с развитием жизни.

«Переход от химической эволюции к биологической потребовал обязательное возникновение индивидуальных фазообособленных открытых систем, способных взаимодействовать с окружающей внешней средой, используя ее вещества и энергию, и на этой основе способных расти и подвергаться естественному отбору»[3].

При этом возрастающее значение приобретала *энергетическая насыщенность* земной поверхности, обеспечивающая питание вновь возникавшим формам жизни и вызывающая у этих форм различия в их энергетических потенциалах, что приводило к пространственному разнообразию географической оболочки, ставшей наиболее сложной частью Земли, насыщенной разнообразными видами свободной энергии, обусловливающей возможность сосуществования внутри нее твердых, жидких и газообразных веществ. Одновременно в географической оболочке выделились тропосфера, гидросфера, атмосфера, что в свою очередь привело к созданию условий для развития земных форм жизни.

Однако невозможно познать жизнь, не зная условий ее возникновения и последующего развития. «После того как сделан переход от химии к жизни, надо прежде всего рассмотреть те условия, в которых возникла и су-

[1] *Вернадский В. И.* Биосфера. М., 1967, с. 227.
[2] Там же, с. 231.
[3] *Опарин А. И.* Проблемы происхождения жизни. М., 1975, с. 7.

ществует жизнь,— следовательно, прежде всего геологию, метеорологию и остальное. А затем и сами различные формы жизни, которые ведь без этого и непонятны»[1]. Хронологический переход к жизни неоднократно подчеркивался в работах К. Маркса и Ф. Энгельса: «...*действительный* переход только в *истории* — солнечной системы, Земли...»[2]

В то же время географическая оболочка развивалась в непосредственной связи и зависимости от общего, геологического развития планеты, а «эволюция Земли как планеты — это эволюция не только ее поверхности и верхних слоев (земной коры), но, главным образом, всей ее внутренней структуры»[3].

Соотношение противоположно заряженных носителей энергии с самых первых стадий возникновения жизни было также одним из главных факторов усложнения географической оболочки Земли, что усиливало движение и внутри ее отдельных частей (территориальных и акваториальных). Энергия всегда возрастает при ускорении движения, поэтому в отдельных частях географической оболочки, где начали формироваться *ландшафты,* энергия увеличивалась в результате усиления ее притока из внешних материальных систем природы. «Энергия, получаемая в виде света поверхностью Земли, уравновешивается энергией, излучаемой с поверхности Земли в форме невидимого теплового излучения. Сущность жизни состоит в непрерывной последовательности таких изменений, как рост, самовоспроизведение и синтез сложных химических соединений. Без переноса энергии, сопровождающего все эти изменения, не было бы ни жизни, ни экологических систем. Мы, разумные существа, не должны забывать, что наша цивилизация — лишь одно из замечательных явлений природы, зависящих от постоянного притока концентрированной энергии светового излучения»[4].

Поляризованная географическая оболочка с формирующимися в ней ландшафтами позже, после появления человека с его целенаправленной деятельностью, развивается в географическую среду. Все это требовало повышения в ней запаса свободной энергии, что на-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 566.
[2] Там же, с. 564.
[3] *Монин А. С.* История Земли. М. — Л., 1977, с. 6.
[4] *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975, с. 52—53.

глядно демонстрируется выделением тепла при окислении органических веществ. Поляризация географической оболочки энергетически неустойчива и требует усиленного освоения внешних источников энергии, что без биогенных превращений энергии не могло быть достигнуто. В свою очередь без поляризации жизнь внутри географической оболочки в существующих формах была бы невозможна, так как поверхность Земли оказалась бы лишенной и почвы и атмосферы. Не было бы кислорода. Именно растения и гидробионты своей жизнедеятельностью, постоянно обогащающей почву и воду свободной энергией и воспроизводящей кислород в атмосфере, создают необходимые условия для жизни более сложным биологическим организмам.

На формирование разнообразия географической оболочки в огромной степени повлияло взаимодействие между Солнцем, Землей и ее атмосферой. «Приход и расход тепла в географической оболочке определяются радиационными процессами между Солнцем, Землей и ее атмосферой. При этом тепловое равновесие между Землей и ее атмосферой не бывает одинаковым в каждой точке земного шара или даже на любой широте. В одних частях земного шара приход тепла может быть больше расхода и атмосфера окажется перегретой по сравнению с земной поверхностью; тогда избыток тепла должен быть унесен воздушными и океаническими течениями в те части земного шара, где ощущается его недостаток. В других частях Земли атмосфера может быть сильно охлаждена, и для поддержания теплового равновесия системы «Земля — атмосфера» туда должно быть принесено необходимое количество тепла»[1]. Радиационные процессы между Солнцем, Землей и атмосферой наряду с характером рельефа обусловливали увеличение пространственных различий географической оболочки, что сначала привело к созданию ландшафтов, а затем к их переформированию. При этом с возникновением жизни в земную кору стало поступать все большее и большее количество биогенного вещества, неизменно намного превышающее совокупность всех элементов, извлекаемых организмами из неорганических форм земной коры.

На развитие жизни на Земле сильно влияла внут-

[1] *Витвицкий Г. Н.* Зональность климата Земли. М., 1980, с. 112.

ренняя энергия, ей присущая, гравитация, вулканическая деятельность, вращение Земли вокруг ее оси (центробежная сила), вращение системы «Земля — Луна» (приливы). Но, изучая земные факторы, нельзя забывать о главном. Земля, как частица космоса, подчинена законам космоса, с которым она постоянно обменивается веществом и энергией, при этом солнечная радиация — основной источник энергии, обусловливающий происходящие в земных ландшафтах процессы. «Вся энергия, действующая на Земле в настоящее время, есть превращенная солнечная теплота» [1].

Сформировавшиеся различия в географической оболочке, развитие в ней ландшафтов привели к значительному разнообразию растительного покрова. Это в свою очередь не могло не привести и к разнообразию фауны, что способствовало ускорению темпов развития всех биологических форм животного мира. Вообще внутри ландшафтов наблюдалась определенная закономерность во взаимоотношениях составляющих компонентов. Н. А. Солнцев установил на этой основе последовательность компонентов ландшафта, получившую известность под названием «ряд Солнцева» [2]. Пространственные различия в животном мире, следовательно, результат не только существующих в нем хорологических различий, но и взаимодействия его с флорой. Да и сама флора богатством форм обязана не только хорологическим, но и хронологическим факторам. Помимо пространственного разнообразия было необходимо *время*. Эволюция возможна лишь у тех форм, которые имели время для трансформации («переходный период») в новые формы. А это означает, что необходимо определенное время для получения эволюционного результата, который можно было бы рассматривать как результат воздействия географического фактора. Однако для эволюции организмов кроме изменений среды требуется борьба за существование, естественный отбор, наследственность. Но в то же время без географического (=хорологического) разнообразия животные не смогли бы выработать необходимые вариации, потенции, предпосылки: они не приобрели бы способность приспосаб-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 562.

[2] *Солнцев Н. А.* О взаимоотношениях «живой» и «мертвой» природы. — Вестн. МГУ. Сер. геогр. М., 1960, № 6.

ливаться, так как не к чему было бы приспосабливаться!

Следовательно, хронология хотя и имеет свои принципиально важные различия с хорологией (время—пространство), тем не менее по своей сущности, по влиянию на эволюционный процесс выступает в единстве с хорологией, в чем и проявляет себя единство пространства и времени. Общность здесь состоит в том, что изменения во времени зависят от различий в среде (в земном пространстве). Эти последовательно происходящие изменения не выходят далеко за пределы тех качеств, которые вообще существуют на Земле для каждого данного времени. Хронология комбинирует элементы хорологии. При этом возникают новые качества, но лишь на основе синтеза уже сложившихся ландшафтных различий. История природы, как, впрочем, и история общества, изменяет все существующее в природе и обществе. Но все новые качества не оторваны от старых форм, они возникают на основе старых. Вся основа земной природы осталась прежней. В то же время ледниковый период, например, принес на Землю новые качества, как бы «наслаивавшиеся» на уже существующую основу. Это привело к усилению хорологического разнообразия, а следовательно, усилило воздействие географического фактора на развитие земной природы.

Общепризнанное положение марксистско-ленинской философии о том, что пространство и время — формы бытия материи, находит здесь свое яркое проявление. «Предмет естествознания — движущаяся материя, тела́. Тела́ неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что́ оно есть... Познание различных форм движения и есть познание тел» [1]. Новое качество внутри материи возникает лишь в результате движения материи в пространстве и времени, ибо движение вне пространства и времени не существует. Иначе говоря, движение — это взаимодействие хронологии и хорологии. «Движение есть сущность времени и пространства» [2]. Пространство само по себе (как и время) не существует и не может поэтому быть

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 67—68.
[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 231.

предметом изучения особой науки о пространстве, как не может быть и такой науки. Поэтому, по нашему мнению, глубоко ошибаются те географы, которые вслед за А. Геттнером[1] продолжают утверждать, что «пространство есть предмет познания географии»[2]. Пространство независимо от того, в «ньютоновском» или «эйнштейновском» определении его понимать, не может быть предметом науки как нечто не существующее[3]. В мире нет ничего, кроме материи, движущейся во времени и пространстве, нет ничего, кроме движения.

Географическая оболочка с момента возникновения внутри ее жизни постепенно, но в то же время интенсивно как бы «насыщалась» жизнью, «живым веществом», по терминологии В. И. Вернадского, и в результате трансформировалась в биосферу, внутри которой, первоначально в ее небольших частях, образовались условия, благоприятные для жизни человека. Эти условия мы называем средой общественного развития, или географической средой[4]. Возникновение среды общественного развития, а отсюда и определенная деформация природы под воздействием человека начались на самых ранних ступенях человеческой истории. Одно из первых отличий человека от животных в том и состояло, что его влияние на природу определялось общественными (первоначально-стадными) потребностями, а не индивидуальными, причем в этом влиянии все сильнее и сильнее проявлялись целесообразность и целенаправленность. И хотя во взаимодействии человека с природой длительное время преобладала биологическая сторона, однако *чисто* биологическим оно, вероятно, никогда не

[1] См. *Геттнер А.* География, ее история, сущность и методы. М. — Л., 1930.

[2] *Асланикашвили А. Ф., Саушкин Ю. Г.* Новые подходы к решению методологических проблем современной географической науки. Тбилиси, 1975, с. 22.

[3] «Пространство и время объективно существуют лишь в виде множества пространственно-временных отношений материальных объектов и систем и поэтому зависят от законов их структурной организации, связей и форм движения» (*Мелюхин С. Т.* Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М., 1966, с. 161).

[4] География — наука, где все еще нет строгого упорядочения в терминологии. В данном случае между географической оболочкой и биосферой можно поставить знак равенства. Однако не следует забывать о хронологическом различии между ними. Географическая оболочка возникла раньше биосферы. Географическая среда, соотносимая с человеком, сформировалась позже, уже внутри биосферы.

было. Человечество с самого начала возникновения развивалось в результате закономерностей, внутренне ему присущих, не только приспосабливаясь, но и приспосабливая к своим нуждам то географическое окружение, в котором оно развивалось. При этом взаимодействие с природой все время углублялось и осложнялось, постоянно расширяясь и усиливаясь. Воздействие общества на биосферу постепенно приобрело глобальный характер, а само понятие «биосфера» стало возможным заменять понятием «географическая среда» или понятием «географическая основа человеческого общества». «В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа,* на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря vis inertiae, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму»[1]. При этом уже здесь необходимо подчеркнуть, что человеческое общество всей своей материальной сутью на всех этапах своего развития было, есть и будет специфической частью природы. «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию,— телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе. Мы здесь не можем, разумеется, углубляться ни в изучение физических свойств самих людей, ни в изучение природных условий — геологических, оро-гидрографических, климатических и иных отношений, которые они застают. Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»[2].

Отсюда география как наука самым теснейшим образом связана с историей. Физическая география немыслима без истории всей земной природы (а не только одной литосферы). Экономическая география, включающая все общественные разделы географической науки, немыслима без истории общества. Прошлое для географа всегда было и есть важнейшая часть исследования, ключ к настоящему и будущему.

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 174.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 19.

Географическую среду как среду общественного развития[1] следует изучать в ее сопряженном развитии с обществом. Только выявив тенденции развития географической среды, ее территориальных комплексов для определенного отрезка исторического времени, можно получить основу для прогнозирования материальной базы общества. Представляя собой диалектическое единство, хорология и хронология географической среды, следуя законам материалистической диалектики, являются одновременно и противоположностями. Неразрывность (=единство) пространства и времени как бы уравнивает их значимость для жизни общества, так как хорологический элемент, любое самое малое пространство включены в общий поток времени. На стадиях общественного развития, соответствующих первобытному обществу, географические различия, создаваемые людьми, проявлялись еще очень слабо. Они были чаще всего незначительны, а развитие среды почти целиком определялось природными процессами. Для первобытного общества решающее значение имело кровное родство. И хотя природа на него тоже влияла, но лишь своим общим разнообразием, где еще почти не выделились хорологические и хронологические факторы. Хорологические различия в географической среде начинают проявляться по мере появления хронологических изменений, происходящих неравномерно на всем пространстве земного шара. Другими словами, неравномерность исторического развития неизбежно усиливает территориальные различия в географической среде, что в свою очередь усиливает воздействие географического фактора на общество. Извержения вулканов, тектонические сдвиги,

[1] Понятие и термин «географическая среда» в географической литературе употребляется неоднозначно. Под географической средой иногда понимают вообще земную природу, сложившиеся на земной поверхности условия безотносительно к тому, средой для развития чего или кого они являются. Например, может рассматриваться географическая среда для жизни животных. В данной работе понятие «географическая среда» имеет своим содержанием среду для развития общества, т. е. оно соотносительно с обществом. Эта среда возникла вместе с обществом и является необходимейшим условием общественного развития; в то же время именно она подвергается наибольшим воздействиям со стороны общества, а в ряде случаев создается людьми в процессе их взаимодействия с земной природой. Со своей стороны именно географическая среда, а не природа вообще воздействует на общество, определяя материальные условия его развития.

имевшие неповсеместный характер, падение метеоритов и другие явления с ограниченным ареалом действия нарушали горизонтальную равномерность в хронологическом развитии нашей планеты. Абсолютно равномерного хронологического развития на земной поверхности никогда не существовало.

Пространство и время сами по себе не обладают способностью что-либо изменять. Любое действие — это движение, представляющее собой единство пространства и времени. Отсюда разнообразие — понятие динамическое. Степень разнообразия определяется при этом величиной и качеством взаимодействующих процессов.

Кроме чисто природных и чисто общественных существует немало природно-общественных компонентов географической среды. Существование их даже более очевидно, чем чисто общественных или чисто природных. Абсолютно общественных элементов (=компонентов) в природе нет. Мы обычно называем так компоненты или явления природы, которые возникли в результате общественного на нее воздействия. Однако все эти компоненты и их комплексы развиваются и под воздействием «обесчеловеченной» природы, хотя бы и трансформированным в той или иной степени общественным на нее воздействием. В наши дни географическую среду, кроме ее потенциальных форм, можно рассматривать как общественно-природную категорию.

Поскольку земля со всеми природными компонентами, сформировавшимися на ее поверхности, стала с определенного времени подвергаться воздействию человека, постольку она перестала быть чисто природной категорией даже в своей неорганической части. Это тем более так, если учитывать не статику, а происходящее на земле развитие, которое переставало быть природным самодвижением, по мере того как общество активизировало вмешательство в природные процессы.

Итак, воздействие природы на общество проявляет себя в двух диалектически связанных формах: в хронологической и хорологической, что выражает собой конкретное проявление единства пространства и времени. На ранних этапах истории это единство имело три формы влияния на первобытных людей:

— посредством естественных изменений в географической среде, что особенно проявлялось при наступлении и отступлении ледников;

— влиянием различий в территориальных комплексах географической среды;

— воздействием однообразной географической среды на первобытные общества, длительное время жившие в одной и той же местности.

Все три формы воздействовали без вмешательства человеческой воли. Люди просто вынуждены были приспосабливаться к географической среде, *случайно* (для себя) встречаясь с ее новыми компонентами.

Процесс антропосоциогенеза первоначально имел две противоречивые тенденции своего развития — непосредственно биологического приспособления к природным условиям и к их изменениям при помощи хотя бы и самых примитивных орудий труда. Естественно, сначала преобладала первая тенденция, доминировал процесс приспособления людей к природе. При этом для первобытного человека особенно большое значение имели не только хронологические изменения в природе (те же изменения в ледниковом покрове, например), но и хорологические различия (горизонтального порядка — на самых ранних этапах первобытного общества и вертикального — с момента создания примитивных орудий земледелия).

Для того или иного племени первобытных людей горизонтально однообразной можно считать территорию, покрытую лесом, вперемежку с речными долинами и участками степей. Горизонтально однообразной такую среду можно считать лишь до тех пор, пока племя использует только лес и его обитателей. Затем на какой-то ступени развития племя переходит к использованию степных участков и речных долин, т. е. использует горизонтальное разнообразие среды, что не требует от людей каких-либо больших усилий. Хозяйственно неделимая единица, впоследствии связанная с другими подобными неделимыми единицами, в данном примере — племя.

Возьмем теперь более высокую ступень общественного развития: рассмотрим племена, перешедшие к примитивному земледелию и установившие между собой пусть еще не совсем систематический, но обмен [1]. Несом-

[1] Палеоботанические и археологические исследования подтверждают полицентрическую теорию происхождения земледелия. Возделывание культурных растений возникло, видимо, в нескольких очагах субтропической зоны, откуда затем распространилось в другие райо-

ненно, что межплеменной обмен продуктами стал одним из важнейших факторов общественного развития. Но обмен *разными* продуктами обусловлен различиями в географической среде, в которой живут обменивающиеся продуктами племена. Так что этот фактор по своей сути имеет географический (хотя и опосредствованный) характер. В то же время, сознательно изменяя почву, люди тем самым усиливали различия в ней. По мере углубления вспашки возникали трудности, которые преодолевались усовершенствованием способов обработки почвы. И если географическая среда влияла на развитие живущих в ней племен, то та же среда, будучи модифицированной в результате приложенного труда, влияла на них еще сильнее.

Однако горизонтальное хорологическое разнообразие как сочетание устойчивых разностей в определенном природно-территориальном комплексе надо отличать от хронологического разнообразия только тогда, когда на той или иной территории нарушается горизонтальное разнообразие. Иными словами, неизменность горизонтальной хорологии исключает значимость хронологических изменений. Для травоядного животного практически не существует различий между верхними и нижними слоями почвы. Только человек, начав сознательно изменять почву, начал использовать не только ее поверхностный слой, но и более глубокие слои, применяя для этого орудия пахоты. В наши дни мы встречаемся с еще более совершенными способами обработки почвы: используется безотвальный плуг, применяется целая система улучшения земель, *мелиорация*. Однако человечество пришло к этому не столь быстро, и горизонтальные, хорологические различия в этом отношении имели на протяжении огромного периода решающее значение [1].

ны земного шара. Основными очагами древнего земледелия, по мнению многих ученых, следует считать: Переднюю Азию, Балканы и районы Юго-Восточной Европы, бассейн реки Хуанхэ, Центральную Америку и Перу.

[1] Вплоть до неолита человечество непосредственно «вписывалось» в биосферу. В эпоху неолита оно сделало громадный скачок в своем развитии, в результате чего произошел переход от собирательства к производству. Коренным образом изменился весь характер воздействия людей на природу. Он стал *общественным*; человек выделился из биосферы в ее особую, специфическую часть. Начиная с неолита взаимодействие природного и социального сконцентрировано (слито) в человеке, представляющем собой единство природ-

Распашка земель с постепенным углублением пахоты по своей сути — выявление уже не горизонтального, а вертикального хорологического разнообразия. Но это весьма условно, ибо мы имеем не принципиально качественно новые предметы труда, не использование новых материалов природы, способных вызвать новые потребности, качественно иные, чем они были при собирательстве, а лишь переход от простого к более сложному использованию той же самой земли — от собирательства к продуктивному землепользованию. В известном смысле это был процесс *количественного* порядка, который тем не менее привел к резкому изменению в жизни общества, к изменению *качественного* характера.

Воздействие на общественное развитие — свойство географической среды, немыслимое вне ее взаимодействия с обществом. Но это воздействие может быть различным по силе и направленности. Оно связано с хорологическими различиями самой среды, которые и определяют как количественные, так и качественные различия в географической среде в том или другом регионе. «По Марксу, географическая среда влияет на человека через посредство производственных отношений, возникающих в данной местности на основе данных производительных сил, первым условием развития которых являются свойства этой среды»[1]. Каким же свойством географической среды объясняется ее воздействие на общество? Несомненно, что таким общим свойством является ее *территориальное разнообразие,* как горизонтальное, так и вертикальное. Но каким образом оно воздействует на историю общества? Чтобы решить эти вопросы, рассмотрим территорию, казалось бы совершенно лишенную горизонтального разнообразия. Но

ного и социального при определяющей роли в его дальнейшем развитии социального. Под неолитической революцией обычно подразумевают возникновение скотоводства и земледелия примерно 15 тыс. лет тому назад, в начале нового каменного века.

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 456—457. Работа Г. В. Плеханова «Основные вопросы марксизма» вышла в свет в 1908 г. В «Литературе» к своей статье «Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма)» В. И. Ленин назвал эту работу Г. В. Плеханова в числе книг, содержащих лучшее изложение философии марксизма (См. *Ленин В. И.* ПСС, т. 26, с. 88). Полный текст указанной работы смотрите в кн.: *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Т. 3. М., 1957, с. 124—196.

даже такая среда любой сколько-нибудь крупной территории все же будет обладать каким-то минимальным разнообразием, пусть даже только одним вертикальным, представленным, например, такими явлениями, как глубина залегания почв, их сложность, различия в физической структуре, химических свойствах и т. д. Такое разнообразие (вертикальное) получает возможность воздействия на общество только на его относительно высокой ступени развития — при переходе к земледелию. На самых же ранних этапах человеческой истории положительное влияние оказывало почти исключительно одно горизонтальное разнообразие географической среды. Истощение верхнего почвенного слоя или просто низкие урожаи и недостаток продовольствия для выросшего народонаселения вызывали потребность в более глубокой пахоте. Переход этот обусловливался, следовательно, общественной необходимостью. Причина такого перехода уже в очень от нас далекие времена заложена была *внутри* общества, когда более легкий способ получения от природы средств жизни переставал удовлетворять общественные потребности. Но условия для разрешения (=снятия) возникавших кризисов всегда предоставляла природа своим хорологическим разнообразием. Опять, как и везде, общественное развитие обусловлено и здесь двумя факторами:

— общественной необходимостью;

— географической средой.

Общественная необходимость заставила (в данном примере) земледельцев перейти к более глубокой пахоте. Однако люди пришли к этому только тогда, когда мотыжное земледелие перестало удовлетворять их насущные потребности.

Трудности, возникшие в результате самодвижения общества на базе вертикального разнообразия земли, преодолеваются через усовершенствование орудий труда. Это и есть то *общее,* в чем проявило себя воздействие природы на развитие человеческого общества на очень важном его этапе — возникновения и первоначального развития земледелия.

Вообще в истории человечества основным, если не единственным фактором технического прогресса всегда было возникновение внутри общества жизненной необходимости в нем. Хорошо известны случаи, когда научно-технические открытия, в которых не было *обществен-*

ной необходимости, не использовались, а часто и надолго забывались. В частности, это наглядно демонстрируется развитием земледельческого труда.

Естественный прирост народонаселения в древних ойкуменах культуры приводил к необходимости освоения новых земель. Уже в начале и особенно с середины второго тысячелетия до нашей эры в плотно заселенных ареалах как богарного, так и поливного земледелия проявлялись демографический и аграрный кризисы из-за того, что земель, которые можно пахать деревянным или бронзовым плугом, постепенно недоставало. За эти уже освоенные земли вспыхивала ожесточенная борьба между народами [1].

На какое-то время кризисная ситуация преодолевалась путями освоения новых богарных земель. Однако ограниченные возможности деревянных и бронзовых сельскохозяйственных орудий позволяли распахивать лишь участки с рыхлыми почвами. Таких почв оказывалось не столь уж много, да и их естественное плодородие сравнительно быстро утрачивалось.

Здесь уместно рассмотреть вопрос о приращении разнообразия географической среды, когда произвольно расширяются границы рассматриваемой территории, и о правомерности сопоставления разнообразия крупного региона с его отдельными частями. Например, можно ли утверждать, что географическая среда всего Средиземноморья разнообразнее, чем острова Крит? Очевидно, сравнение разнообразия столь разных по размерам территорий не правомерно. Земля в целом по обилию, богатству разнящихся между собой компонентов природы и их комплексов, несомненно, разнообразнее любой части света, любого континента. То же самое можно отметить и при сопоставлении любого региона с какой-либо его частью. Вообще сравнение географического разнообразия отдельных регионов имеет смысл только при внесении в это сравнение общественного аспекта.

[1] Общий кризис, вызванный низкой производительностью деревянных, а позже и бронзовых земледельческих орудий, захватил, очевидно, в XIII и XII вв. до н. э. значительную часть заселенной в то время Евразии. При этом в нем проявились и социально-экологические факторы, такие, как быстрое истощение плодородия в верхнем слое почв в районах богарного земледелия, особенно на обезлесенных склонах гор и холмов, где уже в то время начала проявлять себя и эрозия. Вполне вероятно, что в этом состояла причина гибели так называемой культуры Триполья.

Часть света (континент) будет действительно более разнообразна, чем какой-либо ее участок (ее часть), только в том случае, когда вся данная часть света составляет географическую основу единого по своему социально-экономическому типу общества, когда вся она связана едиными общественными отношениями, единым способом производства. Но на создание столь обширной по территории географической базы требовалось время и значительная энергия, которую общество вынуждено расходовать на то, чтобы преодолеть препятствия, мешающие установлению связей, их объединяющих.

Это препятствия двух принципиально различных типов. Первые — чисто природные, прежде всего пространственные, требующие на свое преодоление значительной энергии, тем большей, чем больше осваиваемое обществом пространство. Вторые имеют общественный характер, они обусловлены различиями между территориями, по-разному используемыми обществом.

В истории человечества известно много примеров, когда и ограниченные естественными или исторически сложившимися рубежами территории, заселенные отдельными племенами и народами, со временем приобретали географическую специфику, в какой-то мере сохранившуюся и в наши дни.

Здесь следует напомнить, что, для того чтобы вывести отдельные племена и народы из их географической изоляции и установить между ними прочные и действенные связи, требуются не только удобные пути сообщения (в степной зоне, например, пути всегда были удобны), но и соответствующий уровень развития этих племен и народов, их производительных сил и определенные *качественные* различия в производимой ими продукции.

Не транспорт сам по себе, а внутриобщественные причины производственного характера имеют решающее значение как для развития производительных сил, так и для хозяйственных связей между племенами и народами. А различия в географической среде — первая предпосылка как для развития производительных сил, так и для возникновения межплеменных связей.

Так, например, уже в самом начале формирования классового общества большое значение приобрели как внутренние, так и внешние хозяйственно-политические связи. В отличие от внутренних внешние связи всегда были менее организованны. (В древнейшие времена они

осуществлялись и путем открытого грабежа.) Происходил случайный обмен подарками, постепенно зарождался частный обмен при полнейшем отсутствии какого-либо регулятора в виде закона стоимости [1].

Внутренние связи всегда отличались большей ограниченностью и, даже можно сказать, гармоничностью начиная чуть ли не со времени первобытного человека. В них с самого начала господствовали не столько экономические, сколько родственные, семейные связи. Но и в семье, по словам К. Маркса, были заложены зародыши противоречий. Уже в самых ранних семьях имелось разделение труда хотя бы на чисто физиологической основе.

Разложение больших семей происходило путем естественного отбора — процесс также органический, биологический. Возникает парная семья и род, т. е. объединение семей уже на хозяйственной, а не только на родственной основе, хотя родственные связи и продолжают играть ведущую роль. Когда два рода (как минимум два, обычно их было больше) образуют племя, то между ними прежде всего устанавливается половой обмен, т. е. обмен женщинами или мужчинами. Род со всеми его обменными функциями и совместным хозяйством основывается на общности происхождения. Но в нем формируется и определенная хозяйственная (экономическая) общность, особенно там, где на фоне охотничье-рыболовного хозяйства уже возникает земледелие. В тех случаях, когда хозяйство рода зиждилось на скотоводстве, внутреннее разделение труда имело меньшее хозяйственное значение, чем на более ранней ступени общественного развития, когда женщины занимались земледелием, а мужчины — охотой и рыбной ловлей, причем женщины в таких случаях часто занимали господствующее общественное положение. С развитием скотоводства резко усиливается патриархат. И именно развитие патриархальной семьи было главной причиной разложения родового строя в скотоводческих районах и приводило к возникновению и усилению значения частной собственности.

На первых стадиях земледелия люди чаще всего вели общинное хозяйство. Основой общины у древних гер-

[1] Регулярный обмен на основе действия закона стоимости развивался по мере возникновения капиталистического способа производства, т. е. значительно позднее.

манцев и славян служили, например, общие интересы ведения хозяйства в суровых условиях лесной зоны и необходимости защиты от нападений соседних народов. Общинные условия давали определенные преимущества, особенно при расчистке леса, непосильной для отдельной семьи, а также при выпасе скота на общем выгоне. Не следует забывать, что в лесной зоне Европы скотоводство длительное время оставалось чуть ли не основным занятием населения (наряду с земледелием, а иногда оно даже доминировало). На этой хотя и примитивной хозяйственной базе, но все же более сложной в сравнении с чисто скотоводческим, кочевым хозяйством постепенно развивается более рационально организованный, сложный социально-хозяйственный комплекс. Здесь уже сами хозяйственно-производственные, а следовательно, и технические элементы получают большее, а главное, постоянно растущее значение.

В общем сельская община уже была развитой хозяйственной и социальной организацией, где надстройка органически увязывалась с экономической и технической базой. В этом организме возникло и получило интенсивное развитие взаимодействие всех элементов, какие только объединяли когда-либо людей в социальные группы, а именно:

1. Элементы социальные, развитые и «окультуренные» в процессе исторического развития.

2. Элементы хозяйственные (экономические) в виде общности в регулировании некоторых весьма важных сторон хозяйственной жизни.

3. Элементы технические и технологические.

И наконец, дополнительное отличие общин от более ранних объединений небольших групп людей — это территориальная определенность, обусловленная техническими возможностями (условиями) производства и самими природными условиями.

Общинные объединения представляли собой, следовательно, территориальные комплексы, обладающие многосторонним разнообразием, сцементированным внутренними связями, придающими общинам определенную ограниченность и прочность. Но в них еще не было общественного разделения труда. Господствовало натуральное хозяйство, каждая семья производила все необходимое для жизни, что тормозило развитие хозяйственных связей.

Хозяйственные связи первоначально развивались прямо пропорционально росту производительных сил внутри племен. В то же время возникшие межплеменные связи со своей стороны стимулировали дальнейший рост производительных сил и внутри отдельных племен. Но это влияние зависело от внутренней организации производства, от разнообразия условий его развития.

Первое место в этих условиях принадлежало (и принадлежит!) среде общественного развития. Важнейшим признаком внутриплеменной географической среды, имевшим решающее значение для ускорения темпов общественного развития, служит все та же степень ее разнообразия. Поэтому весьма важно установить ее наиболее благоприятные стороны для развития данного общества в данное историческое время, выявить оптимальность географической среды для общественного развития. При этом для каждого периода в истории, для каждого способа производства эта оптимальность будет разной, а следовательно, география (страноведение) должна выявлять ее *конкретно* для данного места и времени. Совершенно очевидно, что для каждой ступени общественного развития существует некая оптимальная именно для данного времени степень разнообразия географической среды.

Иными словами, страна, обладающая оптимальными условиями развития, может развиваться более ускоренными темпами (при прочих равных условиях), так как географическая среда других стран будет предоставлять меньше возможностей для развития их производительных сил.

Отсюда характер и уровень развития наиболее передовых стран и районов с оптимальным разнообразием географических условий *определяют характер и уровень общественного развития человечества для того или иного периода.*

Но это не может продолжаться слишком долго. Развитие производительных сил отличается территориальной метахронностью. В число передовых стран и районов выдвигаются ранее отставшие, так как развитие производства неизбежно приводит к изменениям в общественных потребностях, к усилению разнообразия географической среды, оптимальность которой в результате этого территориально смещается. Наиболее благоприятными для развития общества с новым способом

производства, новой технической оснащенностью, новыми общественными потребностями в природных условиях и ресурсах становятся территории с оптимальным разнообразием географической среды. На примере Крита можно видеть, как отдельные, обособленные «островные» районы, пройдя ускоренными темпами от первобытнообщинного строя до феодализма, подходят к разложению феодализма в то время, когда феодальная формация, как таковая, в ее западноевропейской форме еще и не возникала [1]. Крит завершил феодальное развитие за 1000 лет до н. э., т. е. примерно за 1500 лет до возникновения феодализма в Северо-Западной Европе. Отсюда возникают вопросы: как понимать хронологическую последовательность смен формаций? Так ли уж они синхронны? Можно ли отвергать возможность существования капиталистических отношений (в их начальных формах) в каком бы то ни было районе Земли в период до XV в. [2]?

Во всяком случае несомненно, что последовательность смены способов производства не повсеместна в каждом регионе Земли, но далеко не все страны проходили через все социально-экономические формации. Если можно считать, что время возникновения капитализма в отдельных регионах (отнюдь не повсеместно!) более или менее установлено (XV—XVI вв.) и, очевидно, до этого периода капиталистического способа производства в сколько-нибудь развитой форме на Земле не существовало, то разве можно утверждать, что и феодализм, как таковой, впервые возник в эпоху крушения Римской империи или после этого крушения, примерно в период между III—VI вв. н. э.? Очевидно, нельзя. Метахронность общественного развития и в прошедшие

[1] «Остров Крит уже во II тысячелетии до н. э. имел высокоразвитое общество классового типа, достигшее изумительных результатов в искусстве... Критское государство можно считать наиболее ранним из всех классовых образований восточной части Средиземноморья, но все же и это государство сложилось примерно на 2 тыс. лет позже первых городов-государств Сумера и Аккада (в Ираккараби)» (*Морозов Н. В.* Продвижение цивилизации от Передней Азии к Северо-Западной Европе. — В кн.: География и хозяйство. М., 1968, с. 177—178).

[2] К. Маркс относил начало капиталистической эры к XVI в., но начало развития капитализма определялось им значительно раньше, в XIV и XV вв. (См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 508).

периоды человеческой истории проявляла себя чрезвычайно сильно.

Можно считать установленным, что для разных ступеней общественного развития на данной территории значение географического разнообразия меняется. Но что означает «разные ступени» в развитии общества в их хронологическом смысле? Становление классового общества, например, для Египта хронологически приурочивается к периоду примерно 5 тыс. лет до н. э., для Германии — к II—III вв. н. э., т. е. Германия в этом отношении отстала от Египта более чем на четыре тысячи лет! Какой же смысл тогда говорить о *разных* ступенях общественного развития, имея в виду человечество в целом? Ведь факт, что в одно и то же время на территории Земли существуют народы, находящиеся на стадии первобытного, родового строя, и народы, посылающие свои корабли в космос. Аборигены Австралии, живущие чуть ли не в эпоху собирательства, и жители научных центров находятся в одном общем физическом времени! Следовательно, для каждого географического комплекса однозначные по своей сути ступени общественного развития сильно отличаются во времени и часто относятся к разным хронологическим периодам истории. Общечеловеческая хронологическая периодизация в действительности может быть принята лишь в самом схематичном понимании. А раз это так, то получается, что для каждого общественно-природного регионального комплекса нужна своя хронология.

Вместе с тем столь большие хронологические различия в уровнях общественного развития приводят к тому, что в каждом достаточно четко выделяющемся регионе географической среды значение ее природных компонентов в воздействии их на развитие общества будет различным, даже если они будут по своим естественным количественно-качественным показателям абсолютно одинаковыми, так как различия в уровне общественного развития (т. е. различия хронологические) неизбежно приводят к различиям в природопользовании, а отсюда, следовательно, и в общественном производстве. К. Маркс в «Капитале» писал: «...один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям

и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[1]. При анализе этих «эмпирических обстоятельств» на одно из первых мест выдвигается необходимость анализа и учета воздействия на общественное развитие географического фактора. Каждая в той или иной мере обособленная географическая среда (ее территориальный комплекс) специфически воздействует на общество, и это различие может проявляться не только на темпах общественного развития, но и на его качестве и направленности.

Географический фактор должен учитываться не изолированно от всего хода общественного развития, обусловленного внутренне присущими обществу закономерностями его развития. Об этом еще в 20-х годах хорошо говорил Н. Н. Баранский: «Мы должны учитывать «географический фактор» не обособленно от всего на свете, не метафизически, как «учитывали» его разные натурфилософы, а должны учитывать его диалектически, т. е. в связи с состоянием техники, в связи с производственными отношениями, в связи со всей вообще общественно - исторической обстановкой данной страны на данной ступени ее развития»[2].

Говоря иначе, качественные различия в географической среде разных регионов (в смысле степени и качества ее разнообразия) однотипны по своему характеру и своему значению с различиями внутри одной и той же географической среды, которые раскрываются последовательно во времени, по мере развития в данной среде общества.

Показать такого рода однотипность лучше всего на примерах. Возьмем для сравнения уже упоминавшиеся наиболее различные территориальные комплексы географической среды — Египет и Германию. Что здесь общего?

Прежде всего почвы, пригодные для земледелия, или возможность земледелия при использовании примитивных орудий труда. Это, пожалуй, наиболее важная общ-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

[2] *Баранский Н. Н.* Краткий курс экономической географии. М., 1929, с. 24.

ность между Египтом и Германией. Но возможность земледелия была реализована в Египте на 4 тыс. лет *раньше,* чем в Германии. Однако и в Европе были районы, где земледелие развилось в то же время, что и в Египте (и даже несколько раньше). «Земледелие надежно упрочилось на территории Фессалии и современной Югославии с середины VII тыс. до н. э. и несколько позднее в древней Македонии. В VI тыс. до н. э. земледелие существовало уже в южной и западной частях Балканского полуострова. Греция — один из основных районов земли (по свидетельству Н. И. Вавилова.— *В. А.*), где обнаружена дикорастущая пшеница» [1].

Почему это случилось? Обычно объяснение ищут только в различиях общественного характера. В Германии перешли к земледелию во II—III вв. н. э., почти одновременно с крушением Римской империи, а последняя, точнее, античная, рабовладельческая формация возникла после упадка рабовладельческого Египта.

Эти две эпохи, переход к земледелию в Германии и переход к земледелию в Египте, отделяются громадным хронологическим периодом, во время которого в этих регионах дважды сменился социально-экономический строй. На этом основании Египет и Германию к моменту возникновения там земледелия иногда относили к двум совершенно различным ступеням общественного развития. Но ступени общественного развития различаются прежде всего по их социально-экономическому содержанию. А принципиальных социально-экономических различий между Египтом V—IV тыс. до н. э., когда там шло становление классового общества, и Римской империей эпохи Цезаря и Тацита, когда зарождалось классовое общество в Германии, не обнаруживается. С социально-экономической стороны это были эпохи, в очень большой мере тождественные одна другой. А раз это так, то, вероятно, не вполне правомочно все сводить к хронологии и утверждать, что германская почва стала использоваться под земледелие позже, чем египетская, хотя это исторически доказано, из-за того, что в V—IV тыс. до н. э. она еще не была подготовлена для земледельческого использования. И еще менее позволительно было бы утверждать, что земледелие возникает

[1] *Блаватский В. Д.* Природа и античное общество. М., 1976, с. 18—19.

и почва становится орудием сельскохозяйственного производства лишь на повсеместной ступени исторического развития — ступени общечеловеческой, общепланетарной, *географически обезличенной*[1]. Таких общечеловеческих ступеней исторического развития в действительности не существовало! А когда мы пользуемся марксистско-ленинским понятием социально-экономических формаций, последовательно сменяющих друг друга, то это деление истории человечества всегда относится к определенным регионам. У К. Маркса это относилось к ведущим, наиболее передовым территориально-хозяйственным звеньям, к наиболее развитым государственным, территориальным образованиям. И характерно, что именно эта историческая последовательность формаций крайне *метахронна,* она всегда сопровождалась сменой территориальных комплексов географической среды, сменой театров (и декораций!) исторического действия!

Из этого следует, что одни и те же комплексы компонентов географической среды вовлекались в производственное использование разными народами в разное время, и именно тогда, когда эти комплексы сформировывались в относительно далеких друг от друга регионах. Разные стороны одного и того же комплекса географической среды могут вовлекаться в использование разновременно, по мере общественного развития, и не развития общества вообще, а конкретно в том или ином регионе.

В Египте земля была вовлечена в земледельческое использование почти сразу же после заселения долины Нила. В Германии, напротив, люди целые тысячелетия обходились без земледелия. Связано это было прежде всего с тем, что в долине Нила люди не смогли бы жить без земледелия, а у жителей Германии долгое время в нем не было необходимости.

Разнообразие географической среды действует развивающим образом для какого-либо конкретного общества потому, что люди этого общества в прошлом постоянно вступали все в новые связи с ее элементами (и их комплексами). Следовательно, в условиях более разнообразной географической среды усиливается (услож-

[1] Эти наши утверждения отнюдь не исключают самого понятия «ступени общественного развития».

няется) и весь процесс взаимодействия общества с природой. А это в свою очередь создает больше возможностей для прогресса данного общества в сравнении с другими, находящимися в условиях меньшего разнообразия географической среды. И это вполне объяснимо, если учитывать, что из всех многочисленных компонентов и свойств географической среды действенное значение приобретают прежде всего те из них, которые вовлечены в общественное производство.

При этом наиболее распространены были два варианта. В первом люди сами начинали испытывать потребность в том или ином новом материале природы, о котором им уже кое-что было известно (например, финикияне, искавшие олово в Испании и на Британских островах). Во втором в поиске того или иного материала природы (например, мрамора или золота) люди случайно находили новые материалы, ранее неизвестные или малоизвестные. Чтобы войти в общественный обиход, такого рода «находки» должны были иметь хотя бы небольшое сходство с другими, уже освоенными людьми материалами природы, что практически только и могло обеспечить освоение нового материала, которого первоначально люди не знали.

Однако возможности для удовлетворения возникших общественных потребностей всегда заложены в земной природе. И насколько эти возможности велики или, наоборот, ничтожны, во многом зависит от характера и темпов общественного развития. «Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда; благодаря смене тех естественных условий, в которых приходится жить человеку, происходит умножение его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда» [1].

Возникновение классового общества для своего времени можно было считать одним из важнейших проявлений закона возрастания организованности в развитии

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 522.

земной природы. Конкретная реализация этого закона сопровождается усложнением форм материи, а применительно к Земле — усложнением форм ее природы, возникновением и развитием географической среды общественного развития. Это же можно сформулировать и по-другому: закон возрастания организованности материального мира проявляется через прогрессирующее (и ускоряющееся) усложнение природы. Человечество также подчинено действию этого закона, имеющего, очевидно, всеобщий характер.

В человечестве воплощены (и овеществлены!) наиболее существенные черты всей эволюции земной природы. И не только эволюции, ибо в истории природы тоже были «скачки»! И хотя в данной книге мы рассматриваем лишь развитие взаимодействия общества и природы в земных пределах и главное внимание уделяем проблеме воздействия географического фактора на общественное развитие, но, как уже указывалось, не следует забывать о том, что земная природа развивается и под воздействием космических сил.

Люди переходят от простого к более сложному постепенно (эволюционно) и скачками (революционно). Но в обоих случаях переход от одного качества к другому подразумевает переходные исторические периоды. При эволюционном развитии переходные ступени могут быть кратковременными и для людей почти незаметными. Переход к дальнейшему усложнению общественной жизни (к новому качеству) всегда подразумевает борьбу, преодоление старых и возникновение новых трудностей, преодоление которых выдвигается на новом этапе общественного развития. Усложнение жизни на определенном (одном) этапе становится условием и предпосылкой ее дальнейшего усложнения на последующих. При этом внутри общества, как и внутри сферы производства, возникают свои движущие силы в виде противоречий.

Но такого рода самодвижение в развитии общества относительно. Оно возрастает, по мере того как общество входит в новые контакты с географической средой или с другими обществами, находящимися в иных географических и социально-экономических условиях. Следовательно, влияет и включение в развитие новых природных и общественных элементов, лежащих вне данного общества, но входящих в него затем в качестве

новых условий его развития. Таким образом, географическая среда непрерывно расширяется, и тем самым создаются более благоприятные условия общественного роста.

Здесь мы еще раз встречаемся с необходимостью сочетания причин и условий, вне и без которого жизнь общества и развитие его отдельных сторон невозможны. В то же время по мере развития общества усложняются и взаимодействия между ним и природой.

* * *

В последнее время в географической (и не только в географической) литературе все чаще употребляется понятие и термин «ноосфера» со ссылкой на В. И. Вернадского. Действительно, видя, что под воздействием человеческой деятельности биосфера подвергается качественным изменениям, В. И. Вернадский назвал эту измененную и изменяемую обществом биосферу, ставшую средой общественного развития, ноосферой, т. е. сферой разума. Говоря иначе, этим понятием и термином он заменил понятие и термин «географическая среда». На наш взгляд, такая замена неправомерна.

Термин «ноосфера» заимствован В. И. Вернадским у математика и философа-идеалиста Э. Леруа и у другого французского ученого — теолога П. Тейяра де Шардена (1881—1955). Личность Тейяра де Шардена, несомненно, весьма колоритна. В 1929 г. он вместе с Пэй Вэньчжунем и Д. Блэком открыл синантропа. Антирасист, диалектик-эволюционист, гуманист, католический священник и член «Общества Иисуса», Тейяр де Шарден стремился «включить в христианство наиболее жизненные силы нашей эпохи — науку и деятельность человека по созиданию своего будущего». Он утверждал, что «религия и наука — две неразрывно связанные стороны, или фазы, одного и того же полного акта познания, который только один смог охватить прошлое и будущее эволюции, чтобы их рассмотреть, измерить и завершить»[1]. Под ноосферой он понимал особую обволакивающую земной шар оболочку, насыщенную мыслью. «Мысль становится множеством, чтобы завоевать все обитаемое пространство поверх любой другой формы

[1] *Тейяр де Шарден.* Феномен человека. М., 1965, с. 24—25.

жизни. Другими словами, дух ткет и развертывает покров ноосферы»[1]. Тейяр де Шарден, будучи абсолютно далеким от материалистической диалектики, оставаясь на позициях идеализма, стремился синтезировать христианство с теорией эволюции.

Для нас совершенно очевидно, что человеческий разум не способен непосредственно проникать в материальные компоненты природы. Подобного рода утверждения весьма далеки от материализма. Следует обратить внимание на то, что В. И. Вернадский старательно отмежевывался от философии. «Стоя на эмпирической почве, я оставил в стороне, сколько был в состоянии, всякие философские искания и старался опираться только на точно установленные научные и эмпирические факты и обобщения...»[2] Но, придав разуму «сферичность», он не смог обойтись без философии. Оставив в стороне материалистическую философию, он использовал философию идеалистическую. Ну как здесь не вспомнить основоположников марксизма! «Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями»[3].

Представители материалистической философии еще до В. И. Вернадского отчетливо видели, как изменяется природа в результате общественного воздействия на нее и как изменяемая природа воздействует на общество. Так, например, Г. В. Плеханов писал: «Взаимоотношение между общественным человеком и географической средой *чрезвычайно изменчиво*. Оно изменяется с каждым новым шагом, достигнутым развитием производительных сил человека. Вследствие этого влияние географической среды на общественного человека приводит к *различным* результатам в различные фазы развития этих сил»[4]. Но В. И. Вернадский, игнорируя материалистическую, марксистскую философию, заимствовал тер-

[1] *Тейяр де Шарден.* Феномен человека, с. 189.
[2] *Вернадский В. И.* Биосфера. М., 1967, с. 350.
[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 525.
[4] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956, с. 157.

мин, а в известном смысле и понятие «ноосфера» у представителей идеалистической философии, что было определенной данью идеалистическому мировоззрению.

Творчество и мировоззрение В. И. Вернадского не были лишены противоречий и ошибок. Отрывая философию от науки, он рассматривал ее в одной общей плоскости с религией, которую считал необходимой для нормального развития науки. Более того, он всемерно подчеркивал благотворную связь науки с религией (особенно католической), их взаимное обогащение в процессе совместного сосуществования. Например, он писал: «Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке. <...> Если... мы всмотримся во всю историю христианства в связи с вековым его спором с наукой, мы увидим, что под влиянием этой последней понимание христианства начинает принимать новые формы, и религия поднимается в такие высоты и спускается в такие глуби души, куда наука не может за ней следовать... Как христианство не одолело науки в ее области, но в этой борьбе глубже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет сломить христианскую или иную религию, но ближе определит и уяснит формы своего ви́дения» [1].

Поэтому не удивительно, что для названия изменяемой человеческой деятельностью биосферы В. И. Вернадский заимствовал «ноосферу» у священника Тейяра де Шардена, а не «географическую среду» у марксистов. Некоторые советские географы также уходят от употребления понятия и термина «географическая среда», пытаясь заменить его понятием «ноосфера», говоря, кстати, не столько в понимании Вернадского, сколько в понимании Тейяра де Шардена!

Утверждается, например, что «ныне формируется особым образом организованная сознательной человеческой деятельностью сфера взаимодействия природы и общества, в которой люди целесообразно, сообразно собственным потребностям и познанным законам природы направляют и контролируют ход при-

[1] *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981, с. 51—52.

родных процессов»[1]. Ноосфера рассматривается как «особый структурный элемент космоса, выделяемый по социальному охвату природы»[2]. Иногда идут и еще дальше. «Синтез этих идей в рамках универсальной космосоциологической доктрины Ш. Фурье приводит к первой формулировке представления о «сфере разума» как планетарном явлении, имеющем свое внешнее выражение (северное сияние, полярные сегменты, кольца Сатурна и т. п.), причем характер последнего обусловлен уровнем социального развития и цивилизации и масштабами ее хозяйственной активности»[3]. «Для современной теории и практики экологических разработок предыстория понятия «ноосфера» представляет поучительную картину не только отдельными ходами мысли, но и общим пафосом борьбы за познание и признание космической миссии индивидуального и общепланетного разума»[4].

Абсолютно противопоставляя идеальное материальному и полностью отрывая человеческое знание от процесса труда, И. М. Забелин утверждает, «что с появлением человека на Земле начался ноогенез, понимаемый мной в принципе так же, как его понимал Тейяр де Шарден»[5]. И далее: «Ноосфера образована бесчисленным количеством идеалей — знаний, сведений, мыслей, образов, бесчисленным количеством идеальных явлений, отвлеченных от непосредственных предметов и существ...»[6]

«Ноосфера» —термин отнюдь не новый. Ноосфера — это, по утверждениям теологов, природа, сформировавшаяся на Земле в результате воздействия (=отражения) божественного разума, духа. Целесообразность, существующая в природе вследствие эволюции, объясняется действием высших, духовных сил. В природе как бы растворен божественный разум, постепенно охватыва-

[1] *Трусов Ю. П.* Понятие о ноосфере. — В кн.: Природа и общество. М., 1968, с. 33.

[2] Там же, с. 35.

[3] *Гаврюшин Н. К.* Предыстория понятия «ноосфера». — В кн.: Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1974, с. 39—40.

[4] Там же.

[5] *Забелин И. М.* Физическая география и наука будущего. М., 1970, с. 120.

[6] Там же, с. 124. Эти определения понятия «ноосфера», к сожалению, почти дословно повторяются И. М. Забелиным и значительно позже (См. его статью в кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 69).

ющий пространства космоса. «...Ссылки на царствующую в природе целесообразность давно и широко используются теологами...»[1] Экологическая опасность связывается с нарушениями безбожными людьми порядка, установленного высшими силами. Подобные высказывания не редкость в США. Даже журнал «Америка» уделил им внимание. «Исходя из уже накопленных данных, можно предполагать, что человеческий интеллект представляет собой лишь один из видов разумного начала, распространенного в космическом океане познания»[2]. «Растворенный в земной природе разум», «космический океан познания», «ноосфера как расширяющаяся космическая область», «общепланетный разум» — все эти определения близки друг к другу, но они не менее близки и к теологии...

В биосфере идет процесс ее очеловечивания в результате воздействия не разума, а *труда*. В природе овеществляется не разум, а труд, происходивший и происходящий в определенных *исторических* условиях. Подмена понятия «труд» понятием «разум» в применении к проблеме взаимодействия общества с природой означает отрицание в этом взаимодействии значимости общественного производства. Если в природе овеществлен не труд, как считал К. Маркс, а разум, то «отпадают» в этом взаимодействии и такие понятия, как способ производства, производительные силы, производственные отношения; все это «растворяется» в понятии «ноосфера». Извращается весь характер взаимодействия общества и природы. Воздействие общества на природу превращается в некую духовную, чисто интеллектуальную категорию...

Конечно, труд без участия разума невозможен, но труд — процесс, определяемый далеко не только одним разумом, а теми или иными общественными, производственными отношениями, и ставить знак равенства между разумом и трудом так же недопустимо, как и абсолютно противопоставлять их.

Взятие «на вооружение» понятия и термина «ноосфера» означало бы стремление противопоставить эволюционную теорию развития материального мира марксистско-ленинской философии, подменить первым второе!

[1] Коммунист. М., 1982, № 2, с. 127.
[2] Америка, 1977, октябрь.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Знакомство с антропологической литературой показывает, хотя все еще в значительной степени предположительно, что наш общий с обезьянами предок жил в начале миоцена, очевидно более 20 млн. лет тому назад, а человекообразные животные (гоминиды), ставшие предками рода человеческого, населяли Землю примерно 14—15 млн. лет тому назад. Вполне возможно поэтому, что горные гориллы Экваториальной Африки — прямые потомки нашего общего с обезьянами предка — сохранили многие его особенности. Эволюция горных горилл могла быть чрезвычайно замедленной, поскольку географическая среда, сравнительно медленно менявшаяся в этом районе, способствовала «консервации» видов живущих в ней животных [1].

Дифференциация животных от прочего мира происходила по законам естественного отбора. Воздействие изменяющейся географической среды и наследственность — вот главные факторы органической дифференциации. Игра стихийных сил природы, слепое приспособление животных к среде создавали представление об удивительной целесообразности, что и наводило людей на мысль об участии в ней высшего разума.

Длительная эволюция живой материи характеризовалась приспособлением к меняющимся географическим условиям. Происхождение прачеловека и его жизнь в наиболее продолжительный по времени период физиологического формирования следует рассматривать в осо-

[1] Сроки появления на Земле человекообразных животных, как и прачеловека, неоднократно уточнялись в сторону их все большего удаления в глубь веков. Ну а если «возраст» человека «увеличивается», то следовало бы пересмотреть и отношение между биологическим и историческим временем (считая историческим время после возникновения человека). Возможно, и геологические, а не только климатические изменения в географической оболочке могли играть определенную роль в расселении прачеловека и в его дальнейшем развитии. В частности, история палеолита в формировании человечества играла, видимо, значительно большую роль, чем это считалось совсем недавно.

бенно тесной связи с происходившими в то время изменениями в географической среде. Это тем более так, если учесть не только сильную непосредственную зависимость первобытного человека от природы, но и определенную хронологическую сопоставимость в развитии земной природы и человекообразных животных.

Особенно большое значение для жизни первобытного человекообразного животного, как и прачеловека, имели изменения в климате, в свою очередь обусловливаемые как космическим фактором, так и изменениями в рельефе. Все эти процессы одновременны и взаимосвязанны, и их нельзя отрывать один от другого. К. К. Марков пишет: «Периодичность горообразования не создает вновь и вновь все те же и те же черты рельефа. И облик гор, и облик равнин меняются, изменения имеют поступательный характер...» [1] И далее: «Изменения климата в течение истории Земли не были цикличны, повторность сходных типов климата не являлась полной» [2].

Очевидно, здесь К. К. Марков не совсем точен. Изменения климата были все же цикличны, но их цикличность была не абсолютна [3].

Происходило движение не по кругу, а по спирали. «...Сходные этапы эволюции климата Земли не являются тождественными» [4]. Цикличность характерна не только для этапов развития климата. Она характерна для географической среды в целом, это всеобщее свойство развития. В то же время цикличность как форма развития исключает абсолютное повторение. Иначе она отрицала бы развитие! И прав К. К. Марков, утверждая, что «рельеф Земли неповторим, океаны Земли неповторимы, климаты Земли также неповторимы во времени» [5].

Климатические условия в истории Земли особенно сильно изменялись в умеренной и арктической зонах. Меньшие изменения в ландшафтах происходили в эква-

[1] *Марков К. К.* Палеогеография. М., 1951, с. 78.

[2] Там же, с. 165.

[3] Здесь следует напомнить, что наземная жизнь стала возможной именно благодаря изменениям в климате, прежде всего в результате возникновения озонового щита. Атмосферный озон (озоновый щит), поглощая ультрафиолетовую радиацию, создает условия для жизни на суше. В то же время он задерживает часть земного излучения, предохраняя тем самым земную поверхность от охлаждения.

[4] *Марков К. К.* Палеогеография, с. 166.

[5] Там же.

ториальной зоне, где климат отличался относительно большей устойчивостью. В этой связи вполне вероятно, что мнение Чарльза Дарвина, считавшего Африку прародиной человечества, в известной степени подтвержденное последними археологическими исследованиями, окажется правильным. В то же время высказывается ряд предположений о том, что прародиной человека были другие регионы [1]. Мы не ставим перед собой задачу знакомить читателя с антропологическими гипотезами. Нас интересуют лишь наиболее вероятные взаимодействия, складывавшиеся между возникающим человечеством и природой в наиболее крупных регионах раннего заселения.

Если брать одинаковые по площади территории Азии и Европы, то легко убедиться, что они обладают не одинаковой степенью разнообразия. Европа в этом отношении будет значительно превосходить Азию. Но в каком смысле можно об этом говорить? Что любая часть Западной Европы будет разнообразнее, чем такая же площадь в Тибете, бесспорно. Но вряд ли можно то же самое сказать о сравниваемой площади в Индии, Китае, Афганистане и т. д. Можно ли определять здесь степень разнообразия лишь по рельефу, флоре и фауне, не учитывая климата? Очевидно, нельзя. В прошлом значение климата оценивалось по-разному. Вульгарные материалисты его значение явно преувеличивали. Иногда его объявляли чуть ли не главным фактором общественного развития, что, конечно, неправильно. С другой стороны, ландшафтоведы недооценивали значение климата, как его ландшафтообразующей роли, так и его воздействия на хозяйство.

Ландшафт, как первичный территориальный комплекс географической среды, воздействует на жизнь общества не какой-либо отдельной своей стороной, а всеми компонентами в их взаимной связи и во всей их взаимодействующей сложности. Но это верно только в том смысле, что он взаимодействует с обществом в

[1] Современные ученые обычно определяют прародину человечества в Африке (В. П. Алексеев, И. К. Иванова) и в Южной Азии с участком Северо-Восточной Африки (М. Ф. Нестурх). В. П. Якимов констатирует, что проблема прародины человека еще не получила окончательного решения (См. *Алексеев В. П.* География человеческих рас. М., 1974; *Иванова И. К.* Прародина человека. — Природа. М., 1974, № 10; *Нестурх М. В.* Происхождение человека. М., 1970; *Якимов В. П.* Антропогенез. — БСЭ. Т. 2. М., 1970).

процессе развития производства каждым отдельным компонентом не изолированно, а комплексно и в том его состоянии, в каком он конкретизируется под воздействием всех его отдельных компонентов. Поэтому, анализируя влияние различных природных факторов на любой конкретной территории, следует концентрировать внимание не на климате пояса или зоны, куда эта территория входит (например, не на климате тропиков, как таковых), а на конкретных климатических условиях, сложившихся в данном ландшафте (группе ландшафтов). Отсюда — значимость мезоклимата и микроклимата. И это обычно делают, когда более или менее всесторонне пытаются охарактеризовать ландшафты.

Происходит это оттого, что климат включается в ландшафт опосредованно через флору и почву; он как бы оматериализовался в других компонентах ландшафта. Но и такой подход ландшафтоведов страдает упрощенчеством. При нем основное внимание уделяется одной стороне, а именно форме организации материи. Остается вне исследования другая, более важная сторона — форма движения материи. Иными словами, ландшафтоведы все еще недостаточно выявляют энергетический баланс ландшафта.

Непрерывность действия при его одновременном непостоянстве выдвигает климат в одно из ведущих звеньев и при рассмотрении взаимодействия общества и природы. Именно климатические изменения заставляли людей менять свое отношение к природе. И если мы признаем факт определенных «толчков» со стороны природы на общество, то это прежде всего были толчки со стороны климата. Но и это воздействие с момента усиления общественного развития в условиях цивилизации стало определяться общественными потребностями, корректироваться людьми.

Особенно сильно воздействовали климатические изменения на человека на первых стадиях его развития. Возможно, они приводили и к катастрофам[1]. Очень

[1] По мнению А. С. Монина, «никаких климатических катастроф на Земле не происходило» (История Земли. М., 1977, с. 194). Однако это высказывание чрезмерно категорично, хотя и правильно, если учесть, что «климатические катастрофы» не принимали глобальных масштабов, не вели к полному уничтожению жизни, а их влияние на земную природу оказывалось в конечном счете даже меньшим, чем воздействие незаметно происходящих, но постоянных процес-

возможно, что 14—15 млн. лет назад ландшафты Земли предоставляли для жизни прачеловека более благоприятные условия, особенно в экваториальном поясе, чем они оказались в последующие 10 млн. лет, что не могло не привести к сокращению районов расселения прачеловека и не задержать его эволюцию. Здесь огромное поле для научных, прежде всего палеогеографических, исследований.

Так или иначе, но некоторые материальные доказательства позволяют считать, что общий предок современного человека мог жить 14—15 млн. лет назад. Новые находки, свидетельствующие о жизни прачеловека, относятся к 1—3 млн. лет назад. А для 10 млн. лет, разделяющих эти два периода, таких доказательств пока не найдено.

Разгадка этой тайны — дело будущего. Но резонно предположить, что она может быть разгадана на основе изучения ландшафтных изменений, происходивших на Земле и чрезвычайно сильно влиявших на эволюцию всей живой природы.

Но далеко не один только климат своим воздействием определял характер ландшафтных влияний на прачеловека. Изменения могли происходить и по другим причинам и иметь далеко не всегда эволюционный характер. В свете современной генетики известно, например, что наследственные свойства меняются вследствие мутаций, вызываемых радиацией. А радиация на земной поверхности всегда отличалась «от места к месту». Одним из источников радиации является вулканическая деятельность, а вулканические осадки нередко находят при раскопках стоянок прачеловека. Поэтому, не была ли Африка колыбелью человечества благодаря имевшейся там повышенной радиации?

Вообще при изучении прошлого человечества нужно больше внимания уделять исследованиям географической среды. Только при комплексном археолого-географическом подходе могут быть найдены ответы на многие вопросы о происхождении человека. Возможно, малочисленные пралюди смогли уцелеть лишь в некоторых

сов. Не следует забывать и о том, что эволюционное развитие нашей планеты обусловлено закономерностями, действующими и в настоящее время. Нет оснований предполагать, что на Земле действовали какие-то иные, ныне отсутствующие силы.

ареалах. И не в этом ли причины археологических «провалов», если для огромных, в миллионы лет, периодов нет никаких находок, свидетельствующих о жизни прачеловека?

Существуют предположения, что человекообразное животное, жившее в неогене, было довольно широко распространено на Земле. Затем значительная часть этого вида погибла из-за резко изменившихся условий жизни. Отдельные, разрозненные группы человекообразных животных, ставшие общими предками людей, смогли сохраниться в нескольких ареалах, скорее всего в экваториальном поясе, где условия жизни могли минимально изменяться, а также в районах более засушливых, где условия для жизни этих животных были приемлемыми, хотя и суровыми.

Дальнейшая эволюция была крайне медленной. И если это так, то неудивительно, что раскопки наиболее древних предков современного человека в 1—3 млн. лет давности показывают, что разница между этими «предками» и человекообразными животными, жившими 14—15 млн. лет назад, была не столь уж велика, хотя и несомненна. Поскольку один и тот же вид по-разному эволюционировал в каждой отдельной группе, это, безусловно, наложило на них свой отпечаток и могло способствовать формированию подвидов внутри единого вида гоминидов. Происходила определенная морфологическая дифференциация, следы которой все чаще обнаруживает археология. Вполне вероятно, что морфологические различия между питекантропом и неандертальцем были весьма большими, потому что они возникли еще в процессе длительной эволюции гоминидов, живших раньше неандертальцев и питекантропов.

С другой стороны (что особенно важно!), общий вид прачеловека наряду с большими внутренними различиями приобрел общие свойства, окончательно отделившие его от остальных животных в биологическом отношении. Он стал обладать генетической стойкостью, невозможностью гибридизации с другими животными, хотя бы и близкими и, вполне возможно, имевшими в более раннюю эпоху общих предков с прачеловеком. Именно это биологическое свойство отделило гоминидов от остального животного мира. Если бы не было региональных «неогеновых катастроф» и группы человекообразного единого вида не оказались бы в трудных условиях,

заставивших их объединяться в стада, чтобы выжить, заставивших их совместно, но в изоляции от других животных вести тяжелую борьбу за существование, то невозможность гибридизации с другими животными могла бы генетически не закрепиться.

Общность вида определяла и общность основных потребностей. И именно общие потребности, а не только воздействие географического фактора стали определять дальнейшее развитие гоминидов. В этой связи, забегая вперед, следует сказать несколько слов о встречающемся преувеличении значимости миграций и взаимных воздействий между отдельными племенами и народами.

Так называемая диффузия культуры, когда все открытия и изобретения объявляются результатом заимствований из отдельных немногих центров, не может быть, во всяком случае полностью, принята в качестве теории общественного развития, хотя никто не отрицает значения взаимосвязей и заимствований между племенами и народами. Диффузионисты ошибаются в главном. Они не видят процесса внутреннего развития культуры, имевшегося у каждого племени, у каждого народа, не видят самобытности, возникающей в результате воздействия географической специфики той территории, на которой развивались племена, а позже — народы.

Непреодолимость генетического барьера, не позволяющего человечеству раствориться в животном мире или иметь какие бы то ни было промежуточные гибридизации, говорит в пользу моноцентризма в происхождении человека. Но он утверждает также огромную продолжительность эволюции уже не животных, а человека! Вот что писал о первых людях Демокрит: «Тогдашние люди, первобытные и неопытные, не знали ...что такое болезнь или смерть, и, падая на землю, как на ложе, испускали дух, не понимая, что с ними происходит, они вели стадную жизнь: вместе выходили на пастбище, как животные, и вместе кормились плодами деревьев и овощами. Они помогали друг другу против зверей, сражаясь с ними голыми руками, сами голые. Не имея ни одежды, ни защищенных жилищ, ни утвари, они не умели и откладывать плоды в запас, а только поедали ежедневный сбор, и с наступлением зимы многие погибали. Наконец, понемногу научаемые необходимостью, они стали укрываться в дуплах деревьев, в зарослях, расщелинах скал и пещерах и, распознав, какие из пло-

дов пригодны для хранения, стали складывать их в пещерах и питаться ими в течение всего года. Находясь в таких обстоятельствах, они до познания огня вели жизнь простую, свободную от излишеств и взаимно дружелюбную, не имея ни царей, ни начальников, ни властителей, не зная ни войн, ни насилий, ни хищений и умея вести только эту свободную жизнь без излишеств и во взаимном дружелюбии. Но когда они, став изобретательнее и предусмотрительнее, открыли употребление огня, то обратились и к более горячим, т. е. более хитродерзостным, делам»[1]. Этот абзац — прекрасная иллюстрация того, что антропологические гипотезы наших дней не столь уж далеко ушли вперед в сравнении с гипотезой Демокрита...

История цивилизации совсем не так схематична и регионально всеобща, как она иногда представлялась. Существование на Земле одновременно и повсеместно каменного века (как и бронзового и железного) по меньшей мере сомнительно. Вся хронология имеет свой региональный аспект, причем регионализм проявлялся на всех этапах развития человечества. И хотя его проявление в историческом плане было разным, но оно всегда оставалось весьма сильным[2].

И если мы не имеем полного доказательства моноцентристской теории (в том числе и «широкого» моноцентризма) происхождения человека, то тем более нельзя говорить о каком-то абсолютном и всестороннем единстве ранних человеческих культур, имевших очаговое распространение и крайне противоречивый, прерывистый характер развития. Многое бы дали для правильного понимания семейно-брачных и общинно-родовых отношений специальные исследования первобытной экономики, которая вряд ли была повсеместно абсолют-

[1] *Лурье С. Я.* Демокрит. Л., 1970. с. 351—352.

[2] Археологи делят историю первобытного человека на три эпохи — каменный век, бронзовый век и железный век. Но это чисто хронологическая периодизация, не учитывающая хорологию, а поэтому и недостаточно удовлетворительная, что начинают осознавать современные ученые. «Такая периодизация, хотя и охватывает очень широкие территории, все же не абсолютно всеобща. К палеолиту Южной Африки, Пакистана и Индии она может быть применена лишь частично. Палеолит Китая, Японии, Юго-Восточной Азии, Австралии и Америки тоже целиком не укладывается в ее деления» (*Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979, с. 18). География отрицает повсеместность и одновременность каменного, бронзового и железного веков.

но примитивной. Закономерные связи существовали между материальной культурой и социальной жизнью не только в классовом обществе. Они, несомненно, возникли гораздо раньше, еще в то время, когда человек начал создавать условия своей жизни. «Нормальное существование животных дано в тех одновременных с ними условиях, в которых они живут и к которым они приспосабливаются; условия же существования человека, лишь только он обособился от животного в узком смысле слова, еще никогда не имелись налицо в готовом виде; они должны быть выработаны впервые только последующим историческим развитием. Человек — единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*»[1]. Следовательно, с самого своего возникновения человек активно воздействовал на среду своего развития, на географическую среду! В то же время не следует историю наиболее удаленных от нас этапов развития трудовой деятельности отрывать от биологической истории самого человека[2].

Удовлетворение жизненно важных потребностей в результате трудовой деятельности сделалось могущественным стимулом преобразования человека, но это произошло на определенной естественной основе. Предки человека, называемые иногда антропоморфными обезьянами, были, подобно большинству современных приматов, общественными животными, совместно собиравшими дары природы. В то же время только постоянное использование орудий труда открыло для первых людей возможность, активно используя природные богатства, расширить свою пищевую базу и обезопасить себя от хищников. А это способствовало увеличению численности первых человеческих стад, превращавшихся в результате совместной охоты, а затем совместного произ-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 510.

[2] «Гоминиды отделились от человекообразных обезьян по меньшей мере 15 млн. лет назад... Примерно 5 млн. лет назад они развились в два-три разных типа... Один из этих типов продолжал развитие, в результате чего приобрел более мощный мозг и создал примитивную материальную культуру... Эти достижения помогли ему около миллиона лет назад вытеснить своих ближайших родичей... С тех пор он живет на Земле в одиноком величии» (*Мейтленд Иди.* Недостающее звено. М., 1977, с. 53).

водства и потребления в первые общественные коллективы, объединенные совместной трудовой деятельностью. Труд и привел к возникновению и развитию общинной собственности. Общество возникло в процессе труда, и решающее значение при выделении человека из животного мира было не просто использование орудий труда, имеющихся в природе (на что способны некоторые животные и даже птицы), а создание их, создание средств развития орудий. «Конституирующий человеческое качество деятельности элемент предметной структуры возникает тогда, когда начинается создание искусственных средств развития орудий... Только с этого момента предметно-опосредствованная деятельность приобретает непрерывно воспроизводящуюся основу своего прогресса» [1]. Итак, положение Ф. Энгельса о том, что труд создал человека, остается незыблемым и в свете современной науки [2]. Общество возникло в процессе труда, особенно создания орудий, а позже — техники. Без общества нет человека, как не может быть и общества без людей с определенными не только социальными, но и биологическими свойствами. Трудовая теория антропогенеза, несомненно, продолжает и развивает основные тезисы марксизма. «Животное, в лучшем случае, доходит до *собирания,* человек же *производит;* он создает такие жизненные средства (в широчайшем смысле этого слова), которые природа без него не произвела бы. Это делает невозможным всякое перенесение, без соответствующих оговорок, законов жизни животных обществ на человеческое общество» [3].

Но все сказанное не дает оснований считать, что с возникновением общества законы природы, и в частности биологические закономерности, перестали в нем действовать. Скорее наоборот, их действие усиливалось, получив биосоциальное содержание. Владение орудиями труда первоначально не могло не усиливать действие естественного отбора, который позже заменялся социальными закономерностями через биосоциальные. Длительное время зарождавшиеся социальные закономерности усиливали естественный отбор, а орудийная деятельность первоначально использовала и морфологические преобразования человека. Видимо, в этом одна

[1] *Хрустов Г. Ф.* Рубеж человека. М., 1976, с. 20—21.
[2] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 486.
[3] Там же, с. 622.

из причин, во-первых, огромной хронологии гоминидной стадии и, во-вторых, сравнительно быстрого развития человека на последующих стадиях его развития. Так, воздействие природы со времени использования орудий труда стало сочетаться с взаимодействием внутри возникавшего природно-общественного единства. Природа начинает постепенно включаться в производительные силы общества, входить в его материальное содержание. И в этом причина ослабления чисто биологической эволюции у первобытных племен, уже обладавших пусть еще весьма примитивными, но все же орудиями труда. «...Биологическая эволюция гоминидов по мере приближения к современной геологической эпохе — голоцену — неизбежно шла к затуханию, поскольку они формировались как существа социальные, приспособляющиеся к природе и использующие ее с помощью орудий как «искусственных органов»»[1].

Следовательно, уже на самых ранних этапах жизни человечества возникала *культура*. Становление человека сопровождалось очеловечиванием природы, поскольку орудия труда, как правило, были уже материалами природы, обработанными трудом человека. «...Большинство средств удовлетворения потребностей людей составляет преображенная, «очеловеченная» природа. Созданная трудом людей, культура значительно расширила их возможности адаптироваться к различным природным условиям, и в частности обитать в условиях, существенно отличных от тех, в которых сформировался род человеческий. Как отмечал еще Л. Мечников, историческая ценность той или иной географической среды, в физическом отношении при обстоятельствах остающаяся неизменной, «бывает различна в разные исторические эпохи» (*Л. Мечников.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924, с. 69)»[2].

На Земле в одно и то же время были *разные* уровни развития первобытных человеческих культур. Не могли они не существовать и на гоминидной стадии, особенно в периоды сильной изоляции между отдельными заселенными регионами. «Мы знаем, что изготовление орудий и эволюция гоминидов сопутствовали друг другу... Но самые ранние этапы пока еще нам совер-

[1] *Нестурх М. Ф.* Происхождение человека. М., 1970, с. 280.
[2] *Бромлей Ю. В.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 86.

шенно не известны. Мы снова обращаемся к покрытому тьмой началу истории гоминидов, к тому времени, когда, возможно, практически еще нельзя было отличить изготовленное орудие от подобранного удобного камня, к тому времени, когда даже такое примитивное существо, как рамапитек, быть может, уже экспериментировало с каменными приспособлениями»[1].

В свое время мы указывали, что и по ископаемым останкам вымерших животных не во всех случаях можно делать правильные выводы хронологического характера. Специфические для данной территории взаимосвязи всегда влияют на скорость и направление развития во времени. Без учета пространства опять же невозможно правильно определить развитие во времени. Метахронность — характернейшая особенность развития всех земных ландшафтов. Характерна она и для развития общества. Историческое изучение как человечества, так и тем более географической среды должно исходить из метахронности — одного из всеобщих законов развития материального мира на Земле.

Касаясь проблем, связанных с взаимодействием общества и природы, мы исходим из того общего положения, что всякое развитие возможно лишь в единстве двух противоположных процессов — дифференциации и интеграции. Отсюда и происхождение человека схематически может быть представлено следующим образом. Среди млекопитающих в результате дифференциации выделился вид стадных животных, обладавших рядом особенностей: преимущественным прямохождением и освободившимися в связи с этим передними конечностями со специфическим строением кисти. Дифференциация в животном мире, обусловившая возникновение такого животного, связана с усилившимся *в это же время* разнообразием окружающей природы. Нет необходимости останавливаться на достаточно известных фактах, свидетельствующих об изменениях в рельефе, климате, гидрографии, растительном покрове. Для нас важно лишь обратить внимание на одновременность дифференциации в животном мире и в земной природе в целом. Различия в воздействии территориально дифференцированной природы естественно привели к возникновению различий внутри биологического вида гоминидов. И та-

[1] *Мейтленд Иди.* Недостающее звено. М., 1977, с. 127.

кая внутривидовая дифференциация *усиливала* единство вида и противопоставляла его остальному животному миру. При этом внутривидовые различия положительно влияли на развитие вида как целого в результате усиления процесса внутреннего взаимодействия, а вместе с тем и взаимообогащения генетическими свойствами. «Постоянно действующий естественный отбор поддерживает тенденцию вида к улучшению, к развитию тех черт, благодаря которым он будет еще лучше приспосабливаться к условиям окружающей среды... Вид должен обладать генетическим разнообразием, иначе он не сможет измениться в соответствии с изменениями окружающей среды»[1]. Одновременно внутривидовые различия в опосредствованной форме выражали специфику воздействия природы, всегда несколько разной в различных ареалах расселения. В развитии внутривидовой дифференциации гоминидов ярко проявлялось воздействие географического фактора через географическое разнообразие, которое мы и постараемся проследить на всех этапах последующей истории человека. В дальнейшем географическая изоляция исчезала как благодаря изменениям в природе, так и вследствие необходимости стадам прачеловека перемещаться по мере уничтожения пищи в зоне их первоначального расселения. «...Истреблению фауны содействовали и успехи в организации охоты загоном... убивали намного больше, чем могли употребить в пищу»[2]. Такое расхищение даров природы при одновременном количественном росте стад неизбежно приводило к миграциям.

На ранних ступенях общественного развития решающее значение в нем имело биологическое совершенствование индивидов, в чем большую роль имело запрещение браков внутри рода — экзогамия. «Не подлежит сомнению, что племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью»[3].

Природа своими хронологическими изменениями способствовала развитию экзогамии. Люди придумывали

[1] *Мейтленд Иди.* Недостающее звено, с. 38.
[2] *Рогинский Я. Я.* Проблема антропогенеза. М., 1977, с. 72.
[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 43.

многое, а природа отбирала и укрепляла то, что среди придуманного людьми оказывалось целесообразным.

Серьезные сомнения вызывают встречающиеся иногда утверждения о наличии у гоминидов абсолютно тупиковых ветвей. Если, например, считать непосредственными предками человека разновидности палеоантропов, живших 250 тыс. лет назад и более известных под названием неандертальцев, то вряд ли можно утверждать, что предками людей стали лишь поздние (более развитые), или, как их называют, прогрессивные, неандертальцы, полагая, что все прочие вымерли, будучи тупиковыми ветвями. Все палеоантропы принадлежали к единому биологическому виду и могли смешиваться между собой. Конечно, здесь можно возразить, указывая на разную хронологию у неандертальцев ранних (250—70 тыс. лет назад) и поздних (живших, скажем, от 70 до 40 тыс. лет до н. э.). Но убедительных доказательств больших хронологических различий между прогрессивными и непрогрессивными неандертальцами пока нет.

Руководствуясь моноцентристской концепцией происхождения человека, антропологи часто старательно выстраивали обнаруживаемые останки гоминидов в хронологический ряд. Но фактические данные той же антропологии плохо укладываются в хронологию. В самом деле, древнейшие люди, архантропы, населявшие огромные территории Африки и Евразии, отличались определенным морфологическим разнообразием. Следовательно, примерно в одно и то же время на Земле жили различные группы архантропов. Питекантропы и синантропы, видимо, тоже значительный отрезок времени, примерно 500 тыс. лет тому назад, жили совместно. Однако было бы ошибкой считать, что питекантропы вошли в «ряд» предков современного человека, а синантропы оказались вымершей, тупиковой ветвью. Если же считать предками современного человека и питекантропов... и синантропов, то это означает, что люди произошли от смешения разных подвидов единого биологического вида. Подобных примеров можно привести предостаточно, и все они доказывают, что человечество формировалось не по «прямой» хронологической линии, а в процессе дифференциации и интеграции, под сильным воздействием географического фактора. Этот процесс и привел к

сапиентации, т. е. к формированию людей современного вида.

Более развитые группы неандертальцев имели все возможности смешиваться с менее развитыми. «Большинство ученых вначале отрицали саму возможность существования неандертальского человека; затем, смирившись с этим фактом, отвели ему место тупиковой ветви на родословном древе человека... <...> ...Вариации физического типа людей в неандертальскую эпоху не находились в причинно-следственной связи с уровнем материальной и духовной культуры, с уровнем социального прогресса, как не состоят в такой связи и сегодня...»[1] И далее: «Неандертальцы не только не были вытеснены кроманьонцами, но сами постепенно превратились в них»[2]. Различия между жившими на Земле гоминидами были прежде всего географическими, а развитие человечества было органически связано со всеми гоминидами, как более, так и менее развитыми. Весьма сомнительно, например, что рамапитеков (живших 14—8 млн. лет назад) можно относить к гоминидам, т. е. к предкам людей, а не обезьян, а живших ранее, но и *одновременно* с ними дриопитеков считать общими предками как человека, так и обезьян. Логика здесь явно страдает. Ведь, вероятно, около 3 млн. лет дриопитеки и рамапитеки жили на Земле вместе, принадлежали к одному биологическому виду, а если это так, то кто и как сможет доказать, что между ними не было смешений?

Вероятнее предположить, что приматы отделились от генетического ствола человека раньше появления гоминидов, в том числе и дриопитеков. И если род человеческий начался с изготовления орудий труда, то ведь именно гоминиды уже умели их делать и ими пользовались. Следует иметь в виду, что ««семейство гоминидов» гораздо более широкое по объему понятие, чем «человек», которым и философски и практически обозначается поздний представитель гоминидов, изготовляющий орудия и обладающий сознанием»[3]. Возникновение такого гоминида-человека уже не уходит от нас в глубину миллионов лет. «Анализ приведенного материала

[1] *Констэбл Д.* Неандертальцы. М., 1978, с. 5—7 (Предисловие Ю. Г. Рычкова).

[2] Там же, с. 124.

[3] *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977, с. 92.

дает основания считать, что первое достоверное появление верхнего палеолита отмечается в Европе и Юго-Восточной Азии около 38—40 тыс. лет тому назад... Люди ранней поры верхнего палеолита принадлежат, по всем имеющимся данным, к Homo sapiens» [1].

Первая дифференциация могла возникнуть уже 14—15 млн. лет назад, когда на Земле жило не менее двух подвидов гоминидов — дриопитеки и рамапитеки. В дальнейшем возникали новые подвиды, но одновременно смешивались и разные подвиды. В результате усиливались внутривидовые различия. В то же время в географической среде происходили и такие изменения, которые нарушали географическую изолированность. В результате усиливались миграции, контакты, оживлялись интеграционные процессы внутри вида гоминидов. Существовавшие еще в эпоху собирательства военные столкновения из-за даров природы также могли способствовать интеграции. Это положение основано на палеогеографических данных, подтверждающих изменения на земной поверхности в неогене и антропогене, которые просто не могли не оказывать воздействие, в одних случаях усиливая изоляцию отдельных населенных гоминидами ареалов, а в других, наоборот, нарушая ее.

Весь накопленный материал исследований происхождения человека подтверждает это. В частности, обширные территории в Африке, Южной и Юго-Восточной Азии, где появились первые люди, обеспечивали самые широкие возможности как для дифференциации, так и для интеграции [2]. Здесь было достаточно много геогра-

[1] *Иванова И. К.* Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965, с. 172.

[2] Общеизвестно, что первичными областями земледельческих культур были нагорные районы с высотами от 500 до 2500 м над уровнем моря, являющиеся и ныне хранителями сортовых богатств. Вертикальная зональность, представляя собой большое разнообразие жизненных условий для человека, несомненно была одним из важных проявлений положительного воздействия географического фактора на общественное развитие, особенно на его ранних стадиях. Не с этим ли связано то обстоятельство, что, как указывал Н. И. Вавилов, горные районы Азии и Африки представляли собой наиболее заселенные регионы. Даже почти в наше время (в первой половине XX в.) более половины всего человечества оказывалось приуроченным к этим районам, составляющим примерно $^1/_{20}$ часть территории Земли. Только во второй половине XX в. наблюдается перемещение значительных масс народонаселения к океаническим и морским берегам.

фических рубежей изоляции, к тому же древние люди не обладали оседлостью земледельцев. Охота требовала миграции древнего народонаселения, преодоления географической изоляции. Древние охотники населяли даже северо-восток Европы вплоть до полярного круга. Отдельные группы позднепалеолитических охотников жили в Якутии и на Камчатке. Поэтому у неандертальцев формировались и более примитивные и более прогрессивные признаки, причем обладатели этих признаков нередко смешивались друг с другом [1].

Для человечества характерно поступательное развитие. А оно подразумевает *единство дифференциации и интеграции!* И только такого рода единство могло обеспечить прогресс общего биологического вида прачеловека. «Гоминизация, если ее применять к предчеловеческому этапу антропогенеза, происходила прежде всего в ходе эволюции довольно многих видов ископаемых ортодоксальных антропоидов плиоцена и плейстоцена, очутившихся вместо привычного леса в условиях более или менее открытой равнинной или скалистой местности» [2].

Но эволюция человечества не была абсолютной. Наряду с длительными эволюционными периодами в развитии гоминидов должны были быть и кратковременные периоды своеобразных скачков в поступательном развитии, как, например, при начале использования огня [3]. Могли быть и периоды временной деградации. И опять характер развития в очень большой мере определялся географическим фактором. Если говорить о развитии человека разумного, то оно в огромной степени обусловлено ледниками. «Ледники оказали весьма многообразное влияние на жизнь палеолитических людей. Смена оледенений и более теплых межледниковых периодов очень существенно отражалась на животном и растительном мире, представлявшем пищу палеолитическому человеку. Льды образовывали барьеры, препятствовавшие заселению тех или иных территорий и создававшие изоляцию отдельных групп людей. Исчезновение этих барьеров в межледниковые эпохи благо-

[1] См. *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.

[2] *Нестурх М. Ф.* Происхождение человека. М., 1970, с. 124.

[3] Люди значительно раньше научились пользоваться огнем, чем его добывать. Отсюда обычай поддерживать неугасимый огонь.

приятствовало расселению человечества»[1]. Говоря иначе, природа обусловливала поочередно то дифференциацию, то интеграцию человечества!

Но в то же время следует сказать, что мы еще мало знаем о всех причинах, воздействовавших и определявших возникновение и развитие человечества на его первобытной стадии. В частности, не преувеличивается ли роль ледников в становлении человека разумного? Существует, например, гипотеза о большом значении изменений в радиации для возникновения мутаций у животных, и в том числе у человека. «Еще в 60-х годах генетики писали, что, «возможно, само появление человека с развитыми полушариями коры головного мозга, вертикальным положением тела, дискретной речевой сигнализацией является следствием крупных мутаций. В пользу этого свидетельствует очень короткий промежуток времени эволюции человека, за который мелкие мутации вряд ли могли накопиться в таком количестве и дать такой значительный эволюционный эффект» (*Лобашев М. Е.* Генетика. М.—Л., 1967, с. 687). В связи с этим уместно вспомнить и высказывание И. И. Мечникова: «Приходится допустить, что некоторые виды организмов не подчиняются медленному развитию, а появляются внезапно... Человек, вероятно, обязан своим происхождением подобному же явлению. Какая-нибудь человекообразная обезьяна в период изменяемости своих специфических свойств народила детей, снабженных новыми признаками» (*Мечников И. И.* Этюды о природе человека. М., 1961, с. 64—65)»[2].

Наука пока не имеет достаточно убедительных доказательств того, какие конкретные факторы определили возникновение человека. Вероятнее всего, это было несколько факторов, и в том числе один из важнейших — климатические изменения. Но всегда ли он был определяющим? На этот вопрос однозначно и утвердительно ответить нельзя. Видимо, правильнее учитывать *весь* комплекс географических условий, в которых происходил процесс возникновения человека: тектонику, наличие или отсутствие рифтов, сейсмическую активность, вулканизм, наличие или отсутствие урановых месторождений. И не только это. Чрезвычайно важны *сочетания*

[1] *Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества, с. 7.
[2] *Матюшин Г. Н.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 141.

всех этих компонентных воздействий посредством ландшафтов.

Но так или иначе, начиная с самого момента появления человека разумного, его развитие определялось процессом дифференциации и интеграции. При этом, по мере того как географическая среда все больше очеловечивалась, интеграционные процессы внутри человечества заметно усиливались, начинали превалировать над дифференциацией, отнюдь не уничтожая ее.

Дифференциация внутри единого человечества, внутри землян, несомненно, сохранится (иначе развитие остановилось бы!). Но эти различия будут социально-культурного, а не биологического характера, хотя и биологические различия в полной мере далеко не сразу уйдут в прошлое. Первой общественной формой людей было первобытное человеческое стадо. В этом понятии диалектически слито общественное с биологическим. Подчеркнуто переходное состояние от предчеловеческого стада животных к человеческому обществу. Последующие изменения привели к возникновению первых зародышевых форм производственных отношений, развивавшихся по мере совершенствования орудий труда. Образовалось первое подлинно *человеческое* общество, обусловленное родо-племенными отношениями, возник родовой *общественный* строй. Конечно, первобытный строй был не застывшей, а динамичной организацией с большими различиями в пространстве и времени. Наиболее развитые и сравнительно более поздние ступени развития тех же неандертальцев весьма близко стояли к родо-племенной организации, и поэтому их иногда называют первобытными общинами.

Стадная форма была необходима для становления человеческого общества вовсе не потому, что индивид прачеловека был не способен в одиночку добывать средства для своего существования. Собирать растения, выкапывать корни, ловить мелких зверьков человек мог и в одиночку. Для продления рода могли быть достаточны и случайные встречи разнополых индивидов из разных семей.

Одной из главных причин образования и длительного сохранения стадной формы у прачеловека явилась борьба с крупными хищниками, одержать победу над которыми человек в одиночку был не способен. Стадо возникло как необходимость для борьбы с элементами

внешней среды, характеризующимися следующими признаками.

Во-первых, это были хищные животные, имевшие потребность входить в очень тесные контакты с людьми, которых хищники пожирали.

Во-вторых, в отличие от прочих условий крупные хищные животные были могущественнее человеческих индивидов, но не обладали все же столь сокрушающей силой, чтобы противостоять человеческому стаду.

Если бы Земля не имела на своей поверхности других организмов, кроме растений и мелких животных, стадная форма могла бы и не возникнуть или во всяком случае не утвердилась бы на столь длительное время. Но было бы это благоприятно для развития человеческих индивидов? Охота на мамонта и борьба с крупными хищниками, вызвав к жизни стадо, явились вместе с тем и лучшей школой воспитания индивида. Эта борьба не имела бы развивающего значения, если бы борющиеся силы были слишком разновелики, если бы звери во всех случаях выходили победителями, пожирая людей. Но этого не было, как не было и простого избиения крупных хищных животных людьми. Была борьба *почти* «на равных» в начале довольно длительного стадного периода в истории человечества.

Стадо как переходная форма к обществу явилась той примитивной, но все же организацией, которая сделала человека сильнее всех других животных, населявших Землю, сделала его во много раз могущественнее. Но стадо — это форма, известная не только людям. Почему же у людей она получила столь большое развитие? Не потому ли, что только человек, взятый как индивид, физически был значительно слабее крупных хищных животных? Вооруженный камнем человек был гораздо слабее даже волка, не говоря уж о более крупных хищниках и даже некоторых травоядных животных. Поэтому эффект, получаемый при стадной организации, был у людей выше, чем у любого другого вида крупных животных.

Стадо позволяло людям концентрировать свои силы не только для самозащиты, но и для нападения на крупных животных, что было совершенно исключено для отдельных индивидов. Стадная форма давала возможность использовать такие орудия и способы охоты, какие были непосильны для индивида. Группа людей, не име-

ющих оружия, так же беззащитна, например, против тигра, как и один человек, но если они вооружены хотя бы только камнями и организованы — они уже сила. Иными словами, эффективность примитивных орудий (и оружия!) достигалась на этом этапе только в стадной организации людей.

Палка или дубина, взятые в руки человеком, увеличивали не только чисто физическую, механическую силу индивида, но изменяли и его *психическое* состояние, укрепляли уверенность, смелость, отвагу, вытесняли робость и неуверенность. И все это усиливалось, когда индивид знал, что он не только вооружен, но и не одинок. Это настолько воодушевляло, что в накале борьбы он, не колеблясь, жертвовал жизнью. И именно такие жертвы обеспечивали жизнестойкость стада. Чувство коллективизма, самопожертвования во имя других — вот то неоценимое свойство, которое начало приобретать человечество в те далекие от нас времена, свойство, без которого и в наши дни жизнь общества немыслима.

Но почему волки, объединяясь в стаи, не приобрели таких же или похожих свойств? Очевидно, потому, что все приемы и способы, применяемые волчьими стаями, весьма однообразны, почти неизменны, поскольку их стаи безоружны. Биологические изменения самого волка, и только они, способны изменить приемы волчьей охоты. Но биологические изменения происходят медленно. Орудия охоты изменялись в человеческом стаде за несравнимо более короткое время, а это вело к совершенствованию способов и приемов охоты.

Человек поистине дитя природы. И это далеко не просто избитое утверждение. Многие географического характера воздействия природы способствовали возникновению человека. Между тем эту истину часто если не отвергали, то забывали. «Мы привыкли человеческий мир отделять каменной стеной от мира природы; это несправедливо... Человек — не вне природы и только относительно противоположен ей» [1], — писал А. И. Герцен. Именно воздействие географических условий определяло возможность как возникновения, так и всего последующего развития человечества. И эту истину нельзя опровергнуть никакими рассуждениями о географическом детерминизме!

[1] *Герцен А. И.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1946, с. 123—124.

Если жизнь в целом, как и вся биосфера, развивается в исторических и пространственных границах (пространство — время) с четко выраженной амплитудой необходимых условий, то и человечество могло развиваться только в определенных пространственно-исторических границах и также с определенной амплитудой условий, подчиняясь общим законам жизни.

Иногда утверждают, что основные разновидности внутри человечества, в частности происхождение рас, следует считать результатами одной только адаптации человеческого организма к воздействию климата. Видимо, это не совсем так. Если расовые различия и можно назвать результатом адаптации, то это относится к очень глубокой древности, когда по сути дела еще не было человека разумного. Кроме того, предку современного человека приходилось приспосабливаться не только к одним климатическим условиям, несомненно игравшим очень важную роль, но и к воздействию всего территориального комплекса земной природы в ареалах его распространения. Остатки ископаемых приматов находят в самых различных регионах Земли, и, хотя некоторые из них синхронны, все же, как уже отмечалось, пока невозможно определить территорию, на которой произошла сапиентация. Палеогеографические исследования показывают достаточно благоприятные условия для прачеловека на больших пространствах Африки и Юго-Восточной и Центральной Азии. Возможно, выделение человека из животного мира связано с жизнью в предгорьях, где разнообразие условий «толкало» приматов к большему универсализму. Не исключено, что первые предки людей были жителями лесостепных теплых и влажных пространств, где условия в свою очередь «толкали» к прямохождению. Несомненно также, что именно географический фактор обусловил происхождение человеческих рас — результат «материковой» изоляции между отдельными частями первобытного человечества с разнонаправленной адаптацией между ними. Адаптация к условиям жизни свойственна всем живым организмам. Человек в этом отношении не исключение. Более того. Есть мнение, что человек среди других высших животных, в частности среди млекопитающих, в наибольшей степени способен к адаптации.

Скрещивание между расами, видимо, оказывало положительное воздействие на их развитие. Но скрещива-

ния эти имели скорее эпизодический, чем систематический, характер, поэтому они не могли играть решающей роли.

В позднем палеолите сформировалось несколько (не менее четырех) регионов человеческой культуры: европейский приледниковый, сибирско-китайский, африканско-средиземноморский и юго-восточноазиатский. Каждая из этих культур имела свои особенности, определявшиеся различиями в воздействии географического фактора. В приледниковых ареалах, например, люди охотились на мамонтов и северных оленей и вынуждены были приспосабливаться к суровым климатическим условиям. При этом условия в Восточной Европе и тем более в Сибири отличались наибольшей суровостью по сравнению с условиями в Западной Европе.

Ледники, несомненно, сыграли большую роль не только в формировании человека, но и в развитии цивилизации. Они требовали от жителей приледниковых зон умения приспосабливаться к суровым условиям. Заставляя их защищаться от холода, они способствовали появлению одежды. Смещение к югу влажных атмосферных масс в результате оледенения изменило баланс тепла и влаги в современной пустынной и полупустынной зонах, создав в них более благоприятные условия для человеческой жизни. И не поэтому ли в этих увлажненных и теплых ареалах на гранях между природными зонами возникали наиболее древние цивилизации, позже вследствие отступления ледников и чрезмерного использования ирригации в ряде случаев погибшие из-за локальных экологических кризисов, вызванных засушливостью?

Постепенно человеческое общество стало превращаться в универсальную адаптивно-адаптирующую систему, адаптация человека стала выражаться не столько изменениями человеческого организма, сколько изменениями в условиях человеческой жизни. «Суть специфики человеческой адаптации к среде в том и состоит, что приспособительный эффект достигается людьми не путем их генетической перестройки, как это имеет место при биоэволюции, а путем материально-производственного преобразования природы»[1].

[1] *Маркарян Э. С.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 98.

Существует мнение, что с развитием цивилизации, когда жизнь человека начинает зависеть от общественных условий, воздействие природы на его организм стало повсеместно одинаковым (искусственным), всякая адаптация человеческого организма прекратилась из-за ее «ненадобности». Это вроде бы подтверждается и антропологическими исследованиями. «За последние десятки тысяч лет скелеты представителей различных групп Homo sapiens не претерпели таких изменений, которые свидетельствовали бы о продолжающейся видовой эволюции», — утверждает М. Ф. Нестурх, правда, тут же оговаривается: «Во всяком случае эти изменения несоразмерно малы по сравнению с преобразованием в ходе развития общества»[1]. Но развитие, в том числе и биологическое, может продолжаться и без значительных изменений скелета.

Здесь прежде всего надо отметить, что как для доказательства, так и для опровержения подобного рода утверждений мы не имеем достаточно убедительных фактов. Рассуждения о том, что человек биологически не изменился, скажем, со времен Римской империи и до наших дней и что ребенок, родившийся в эпоху рабовладения, окажись он в XX в. и получив соответствующее воспитание, ничем бы от людей XX в. не отличался, не могут, на наш взгляд, приниматься во внимание. Во-первых, такого опыта никто не проделывал и, естественно, проделать не может. Во-вторых, если бы он полностью подтвердил вышеприведенные рассуждения, он ничего бы не доказал, так как этот отрезок времени ничтожно мал в сравнении с периодом биологической адаптации человеческого организма, насчитывающим не тысячи, а сотни тысяч, если не миллионы лет. Так что здесь мы бы не получили необходимой для доказательства временно́й сопоставимости.

Представляется, что говорить об отсутствии развития чего бы то ни было живого вообще нельзя. Может меняться его направление, или меняться его знак — с «плюса» на «минус». При «плюсе» идет развитие от простого к сложному. Применительно к любому организму это будет означать превращение более простой его формы в более сложную, применительно к челове-

[1] *Нестурх М. Ф.* Происхождение человека. М., 1970, с. 379.

честву — его общее дальнейшее совершенствование. Если бы наука установила отсутствие какой-либо адаптации человеческого организма, следовательно, и невозможность его биологического совершенствования, то стало бы очевидным другое. Началось бы развитие со знаком «минус», или биологическая деградация. А она неизбежно привела бы человечество к деградации и социальной. Всякая абсолютизация противопоставления человека как биологической особи человеку как носителю социальных, общественных функций никогда еще не приводила и не может привести к научно обоснованным выводам.

В развитии человеческого организма была и, вероятно, еще будет своя периодизация. Очевидно, на ранних этапах доминировали изменения чисто физические, или, точнее, физико-анатомические, когда человеческое тело формировалось в его современном виде. Позже наибольшее значение приобрело развитие физиологическое и, наконец, в историческое время, особенно в условиях классового общества, психологическое. Но было бы неправильно абсолютизировать и такое деление. Не заменяется одно направление развития другим, скажем вместо физико-анатомического развития стало идти только физиологическое, а позже вместо физиологического — только психологическое. Новое выступает здесь не только вместо старого, но и вместе со старым, доминируя над ним. Происходит усложнение развития и, очевидно, его ускорение, а не развитие одного за счет деградации другого. И если современный человек развивается прежде всего интеллектуально, это не означает, что абсолютно прекращается его физиологическое и даже физико-анатомическое развитие. Но если изменения физико-анатомические происходили за миллионы лет, физиологические, очевидно, за сотни тысяч или десятки тысяч лет, то изменения психологические происходят гораздо быстрее — за тысячи, а возможно, всего лишь за сотни лет. К сожалению, наука не располагает здесь сколько-нибудь убедительными эмпирическими данными. Однако общая тенденция ускорения развития высших форм материи в сравнении с низшими, несомненно, существует и себя в данном случае проявляет, хотя и здесь, очевидно, есть свои циклы, эволюционные «паузы» и динамические «скачки».

Можно с достаточной убежденностью считать, что в

истории рода человеческого не было эпохи, когда анатомическая его сторона, равно как и физиологическая и психическая, была бы абсолютно стабильна. Но происходящие изменения не исключают, а, наоборот, подразумевают стремление человека, сохраняя свои физические и физиологические свойства, изменять географическую среду, с тем чтобы приспособить ее к требованиям своего организма. С тех пор как воздействие человека настолько возросло, что оно превратилось в один из важнейших факторов развития земной природы, взаимодействие общества с природой, его характер и интенсивность стали определять, с одной стороны, адаптацию человеческого организма, а с другой — направление в развитии наземной природы. Общественные закономерности, определяющие развитие общества посредством общественного воздействия на природу, стали оказывать на нее все более заметное влияние. Однако тот факт, что люди стали приспосабливать к себе окружающую природу, никак не доказывает, что и сам человек не стал изменяться быстрее, чем на ранних этапах своего развития, когда его отношение к природе имело непосредственный характер в отличие от последующего времени, когда оно стало преимущественно опосредствованным, но не менее сильным. Одно из доказательств этого — происходящая в наши дни акселерация. Очевидно, адаптация человеческого организма происходила (и происходит) и в условиях классового общества, что в известной мере подтверждается историческими исследованиями. «Изучение останков человека позволило установить изменения внешнего облика людей, средних сроков человеческой жизни, выяснить типичные для той или иной эпохи болезни и способы противостояния им. Они помогают иногда при занятиях даже государственно-политической историей. Так, выяснилось, что Ярослав Мудрый оказался моложе приписанного ему летописью возраста (а следовательно, и имел меньше прав в борьбе за великокняжеский престол). <...> Сравнительное исследование письменных и других классов исторических источников... показало, что в средние века аффективная и интеллектуальная сферы были сильнее слиты, чем в настоящее время, обоняние более развито, а зрение менее развито, чем в наши дни, имел место приоритет слуха и осязания над зрением. Меняются и быстрота охвата зрением тех или иных явлений, и ритм,

скорость восприятия явлений — размеренный ход пятиактной трагедии уже не подходит нашим современникам, приученным к темпу кинокартин и к разнообразию образов и впечатлений»[1].

Но и абсолютизировать способность людей к адаптации нельзя. Популярная в биологической литературе фраза о том, что «эволюция — это прогрессивная адаптация, и ничего больше...», вряд ли правильна из-за своей категоричности. И хотя адаптация играет очень большую роль в эволюции, к ней все же нельзя *сводить эволюцию*. В противном случае мы встретимся с еще одной попыткой абсолютизации относительной истины, с попыткой, в конечном счете неизбежно задерживающей развитие науки, о чем мы неоднократно писали[2].

Установлено также, что в процессе жизнедеятельности организмов существует не только естественный отбор, при котором сильный выживает, а слабый погибает. В природе существует не только борьба, но и борьба в сочетании с взаимопомощью. Эволюция в первобытном стаде человекообразных животных отбирала не только сильных, но и добрых индивидов. Человеческие группы, в которых взаимная выручка, взаимная помощь, сплоченность были выше, выигрывали в борьбе за существование.

И вообще не противопоставляем ли мы эволюцию диалектике, когда все развитие человечества с самого момента его возникновения сводим к постепенному развитию, лишенному скачков? Столь ли плавной линией было в действительности хронологическое развитие общества, и не правильно ли представлять это развитие ломаной линией, где были свои скачки в сторону прогресса и скачки в сторону временной деградации? Не выражает ли плавная кривая развития человечества от форм простых к более сложным всего лишь «среднюю» линию, схему, а не реальную действительность, гораздо более сложную и хорологически лишенную синхронности? «Диалектику многие смешивают с учением о развитии, и она, в самом деле, есть такое учение. Но диалектика существенно отличается от вульгарной «теории» эволюции, которая целиком построена на том принципе,

[1] *Шмидт С. О.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 273.
[2] См. *Анучин В. А.* Основы природопользования. М., 1978.

что ни природа, ни история не делают скачков и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно. Еще Гегель показал, что понятое таким образом учение о развитии смешно и несостоятельно...»[1]

Абсолютизация существующих более или менее общепринятых представлений и схем о происхождении человека и о возникновении первых этапов его эволюции, на наш взгляд, неоправданна. Слишком еще недостаточен фактический материал о самом продолжительном периоде человеческой истории—первобытном. Кроме того, эта история чрезвычайно метахронна, с весьма резкими территориальными различиями в уровне эволюционного развития. И не исключено, что в одних районах Земли жили питекантропы, в то время как в других уже сложились ойкумены сравнительно более высокой культуры. Генеалогические соотношения между группами живущих на Земле организмов, очевидно, гораздо более сложны и территориально не одинаковы. Вопросы о непосредственных предшественниках человека, как и вопросы о гранях между прачеловеком и животными, также пока еще далеки от своего решения, а они имеют *фундаментальную значимость* для теории антропогенеза. Филогенетическое древо, некогда нарисованное Э. Геккелем, в наши дни всего лишь «крона» без ствола и без корней!

И не сможет ли эволюционная теория быть всего лишь частным проявлением (одним из частных проявлений) пока еще не созданной более общей теории исторических реконструкций, которая в свою очередь будет исходить из теории диалектического материализма и рассматривать эволюцию как результат развития одновременно и во времени и в пространстве, а не только во времени? Без этого эволюционная теория в свете современной науки выглядит чрезвычайно гипотетично, и это тем более так, если мы вспомним, что успехи учения о наследственности в очень слабой мере затронули проблемы преобразования генетических программ в структуру организма, как и проблемы изменчивости. Сложность любой системы подразумевает ее разнообразие. В своем развитии от простого к сложному человечество усиливало качественные различия внутри обще-

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 456.

ственных систем. Отсюда способность человеческого организма адаптироваться к внешним условиям должна не только не сокращаться, но и возрастать, хотя эта направленность не может в одинаковой степени относиться ко всем сторонам адаптации, зависящей от характера внешних воздействий. Изменения внешних воздействий меняют и направленность адаптации. Очевидно, для современного человека стала необходимостью психологическая адаптация, которая и получает теперь наибольшее развитие.

Географические условия исключали возможность равномерного и постепенного заселения первобытными людьми земной поверхности. Выбирались лучшие, с точки зрения людей, места, прежде всего те районы, где можно было существовать, занимаясь собирательством, охотой, ловлей рыбы. «Являясь первоначальной кладовой его пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда»[1]. С самого момента появления человека между ним и природой устанавливается генетическая и структурная связь. К. Маркс неизменно подчеркивал, что орудия труда, последующая техника не исчерпывают всех средств производства. «Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда, на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно, уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»[2].

В самой природе были заложены очаговые возможности расселения первобытных людей, ибо труд человека мог обеспечить его существование первоначально лишь в районах, где для этого были наиболее благоприятные условия. К тому же на первых этапах развития труд не мог не принять коллективной формы — это естественно при стадной организации человекообразных гоминидов и первобытных людей. В одиночку они не смогли бы выжить. Поэтому производство «было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри бóльших или меньших коммунистических общин. Этот коллективный характер производства осуществлялся в самых узких рамках, но он влек за собой господство производителей над своим производственным процессом

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 190.
[2] Там же.

и продуктом производства»[1]. Примитивный коллективизм, характерный для первобытного общества, имел существенные региональные различия как в применяемых орудиях, так и в получаемой продукции. Именно поэтому позже и возникло общественное разделение труда. Региональные различия в продукции, получаемой в условиях первобытного общества, определялись различиями географического характера, так как различия в орудиях труда были невелики и не могли определять различий в продукции.

Разложение первобытного общества было отнюдь не синхронным и весьма продолжительным. Эта несинхронность также может быть объяснена воздействием географического фактора. В одних местах географическая среда в большей степени, а в других в меньшей благоприятствовала росту производительных сил. Но возникает вопрос. Ведь для небольших стад прачеловека, состоящих из нескольких десятков индивидов, географической средой была ограниченная несколькими десятками квадратных километров территория. Если это так, то казалось бы, что изменения в первобытном обществе в результате воздействия географической среды, лишенной территориального разнообразия, происходить не могли. Но во-первых, даже очень небольшие пространства, лишенные значительных различий, представляли собой отдельные «оазисы», разбросанные на весьма большой территории. Во-вторых, если не было разнообразия внутри оазиса, то оно могло быть весьма существенным между ними. И в-третьих, на более высокой ступени родового строя люди уже имели более крупные общественные организмы, возникшие на основе родовых отношений, и заселяли уже не только оазисы, но и довольно значительные территории, достигавшие десятков тысяч квадратных километров, за пределами первоначально заселенного оазиса. Совершенно очевидно, что расширение ареалов заселения прачеловеком было одним из важнейших факторов развития самого прачеловека.

Процесс расселения вел к распаду родового единства на многочисленные отдельные группы, попадавшие в весьма различные условия. В целом процесс первоначального расселения людей есть не что иное, как диф-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 174.

ференциация простейших стад прачеловека. Возникали различия, в том числе и расовые. По существу за этой внешней формой раздробления человеческого единства развивались общечеловеческие свойства, усиливалось очеловечивание прачеловека. Развитие производительных сил, улучшение способов охоты и тем более приручение некоторых видов животных — все это позволило значительно расширить очаги первоначального расселения, сделать его сплошным на территории отдельных крупных регионов. Наряду с этим разрастание первоначальных стад позволило затем перейти к родо-племенной организации, что означало крупную победу человека над трудностями, выдвигаемыми географической средой, различия в которой препятствовали созданию крупных общественных групп. В дальнейшем они преодолевались по мере интенсификации использования земли. На самых ранних этапах развития человечества труд начал приобретать *общественный* характер, а производители стали вступать между собой в производственные отношения. Собственно говоря, и возникновение общества, как такового, можно отнести к тому историческому периоду, когда возникают первые связи между людьми, основанные на обмене продуктами их труда, т. е. возникают производственные отношения хотя бы в самой зародышевой форме.

Для эпохи первобытного, родового общества характерен не только рост производительных сил, но и создание основ человеческой культуры. Прежде всего это относится к языку, развивавшемуся по мере увеличения информации, связанной с усложнением коллективной деятельности. В недавнем прошлом считалось, что языки племен, живших в условиях общинно-родового строя, отличались крайне незначительным количеством слов и были совершенно лишены общих (абстрактных) понятий. Последующие исследования установили, что лексикон даже самых, казалось бы, отсталых племен насчитывает не менее 10 тыс. слов, и хотя они содержат преимущественно конкретные понятия, но среди них имеются все же и обобщающие. Отсутствие письменности на начальных стадиях развития культуры в известном смысле даже способствовало совершенствованию языка, так как заставляло устно излагать и запоминать всю совокупность имевшихся в те времена знаний. Старейшины племен были «живыми библиотеками», людь-

ми, в памяти которых хранились накопленные знания, передававшиеся затем последующим поколениям [1]. А знания эти были отнюдь не так уж малы. Условия жизни предъявляли требования к познанию окружающей природы. И люди родового общества обладали довольно обширными сведениями о полезных и вредных свойствах растений, о повадках животных и рыб, об особенностях отдельных видов камней и древесины. Они умели предугадывать изменения в погоде, определять свое местонахождение по звездам и вообще отлично ориентироваться на местности. И не только это. Практическая медицина того времени стояла, очевидно, на более высоком уровне, чем, например, в эпоху феодализма. Ведь в первобытном обществе не было религиозных запретов на анатомию, и древние люди владели многими хирургическими приемами. Известно, что древние люди умели ампутировать конечности и делали даже операции по трепанации черепа. Применялись массажи, компрессы, промывание кишечника. Очень широко использовались лекарственные растения, приготовлялись лекарства на минеральном и животном субстрате. Известны, в частности, были и лечебные свойства змеиного яда, меда, многих минеральных источников. Большой популярностью пользовались в лечебных целях бани, вполне возможно, что некоторые старейшины знали лечебные свойства психотерапии и гипноза.

Власть в родовой общине принадлежала старейшинам. Ее отличительная особенность в сравнении с любыми органами власти последующего классового общества состояла в отсутствии государства. «В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще

[1] Средняя продолжительность жизни человека в условиях родового строя не могла быть высокой. Но это отнюдь не означало, что отдельные индивиды не доживали до возраста, нередко превышающего столетие. Наряду с очень высокой детской смертностью и большими людскими потерями при охоте на крупных животных и в межродовых столкновениях, в каждом роде, как правило, имелись старейшины-долгожители, тщательно оберегаемые всеми остальными членами рода. В этом проявлялось первое социальное неравенство, обусловленное общественной необходимостью. Длительность жизни старейшин обеспечивала сохранение накопленных родом навыков и знаний, их дальнейшую преемственность и определенную стабильность всего жизненного уклада. Старейшины были хранителями традиций, определявших весь распорядок жизни, ее организацию, сезонность, оснащенность орудиями. Ранняя смерть старейшины в ряде случаев оборачивалась бедствием для всего рода.

находясь на самых низших ступенях развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, — в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение, — но нигде не видим особого *разряда* людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения...»[1]

Все знания, накопленные в родовом обществе, были результатом эмпирических наблюдений и опыта, носили сугубо практическую направленность. Их можно почти полностью отнести к прикладным разделам биологии и географии. Интересно отметить, что простейшие арифметические действия начались с деления, а не сложения и вычитания, что обусловливалось необходимостью делить добычу. Наряду с зачатками научных знаний в эпоху первобытного общества возникло и искусство, также в органической связи с трудовой деятельностью людей, что демонстрируют обнаруженные шедевры наскальной живописи и древние танцы. Вполне вероятно, что уже в духовной культуре родовых общин возникли и развивались понятия и рационального миросознания, начала возникать философия как обобщение всех имевшихся знаний. Именно философия стала затем первым проявлением интеграции в процессе познания человеком окружающего мира. Она включила в себя все зародышевые формы науки. Такая интеграция соответствовала нерасчлененности только что возникавшего производства.

Последующие изменения материальных условий жизни, возникновение цивилизации происходили за сравнительно небольшой отрезок времени, и они не могли сильно повлиять на изменения физического облика человека, внести в него заметные различия физического и физиологического характера. Но они оказывали заметное влияние на социальные изменения, на различия общественного характера, которые не могли поэтому не усилиться. Различия, прежде всего психологические, среди

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 39, с. 68—69.

землян весьма значительны. Очень велика сила традиций, сила пережитков того общественного уклада, в условиях которого особенно долго жил тот или иной народ. Игнорирование социально-психологических различий, сложившихся между отдельными народами, населяющими нашу планету в XX в., не может не приводить к грубейшим ошибкам в любой области общественных отношений, особенно в области культуры и политики.

И в формировании такого рода специфики, которой обладает каждый народ, а внутри его нередко и отдельные его части, или группы, огромную роль играет воздействие географической среды. Почему швейцарцы сформировали единый народ, несмотря на внутренние различия даже языкового порядка? Потому что они живут в одном доме, внутренние различия которого таковы, что одна его часть вследствие противоположности в природных особенностях нуждается в другой. Обе они зависят одна от другой, составляют единство противоположностей, крепко объединяющее страну и населяющий ее народ. Таким образом, среда объединяет народы, но среда и разъединяет их. Географически целые регионы в конечном счете всегда имеют и определенную общность в населяющем данный регион народе.

И наоборот. Регионы, резко отличающиеся один от другого разными сочетаниями противоположностей, всегда имеют население, заметно отличающееся от соседних с ним народов. При этом, чем резче географические различия в среде общественного развития, тем чаще всего сильнее социально-психологические различия между народами, живущими в резко различных условиях. На наш взгляд, это азбучная истина. Но совсем недавно она отвергалась с позиции, при которой классовое единство абсолютизировалось до отрицания социально-психологических различий между народами, которые развивались в разной географической среде. Классовая общность, как и различия, несомненна, но также несомненно и то, что классовая структура общества не устраняет различий между народами, возникших в процессе длительного разного воздействия на них географической среды.

Образование первых форм общественной организации, основанных на отношениях кровного родства, уже подразумевало необходимость определенных условий, а именно:

— наличие достаточно крупной территории и значительного количества населявших ее людей, обеспечивающих возникновение крупного первобытного общественного организма;

— возникновение связей внутри такого организма, связей, усиливающихся затем уже с появлением классов;

— наличие внутренних противоречий общественного характера, используемых социальной группой, стремящейся к господству (т. е. возникновение причины последующего разложения родового строя).

Главное преимущество общественного отношения к природе по сравнению с животными, которое четко определилось уже в эпоху первобытнообщинного строя, заключалось в том, что благодаря применению орудий человек изменяет природу, изменяет (быстрее, чем животные) свою природу и приобретает способность практического, а затем и теоретического познания процессов и связей, существующих в природе, закономерностей, их определяющих.

Роль природы в развитии орудий труда (=техники) заключалась в том, что она противостояла последним своим предметным разнообразием, выступая по отношению к одному и тому же орудию множеством своих свойств. Это приводило (и приводит!) к противоречию между техникой и природой. Важность этого противоречия заключается в том, что из-за бесконечного природного разнообразия оно не может быть полностью снято. Какую бы технику люди ни создали, она никогда не сможет охватить всего природного разнообразия, сделаться абсолютно совершенной.

Орудие труда — это общность, связующее начало для частностей, представленных предметным многообразием внешней природы. Единство соподчиненного многообразия неустойчиво и изменяется с обеих сторон. Изменяясь (точнее, совершенствуясь), орудия все время приспосабливаются к разнообразию природы, стремясь подчинить ее себе на основе более сложного и более глубокого взаимодействия. Предел самодовлеющего совершенствования любого орудия (=машины) обычно определяется материалом, из которого данное орудие сделано. Но когда этот предел достигается, люди вновь обращаются к природе за новым материалом для изготовления орудия, способного стать составным элемен-

том нового единства многообразия между орудием труда и разнообразием природы.

Уже в эпоху палеолита орудия труда имели региональные различия, определяемые географической спецификой районов древнего расселения человеческих стад. «Палеолитическая техника этих областей (Южной и Юго-Восточной Азии. — *В. А.*) значительно менее богата и разнообразна, чем в Передней Азии и в Европе. Борисковский убедительно объясняет это обстоятельство тем, что превосходное сырье для орудий в Южной и Юго-Восточной Азии давали бамбук, запасы ископаемого дерева из древних отложений больших рек, а также крупные раковины» [1].

Сделав миллионы лет тому назад скачок от стадного животного к животному, делающему орудия, человеческий род через тысячи препятствий, в непрестанном процессе взаимодействия с природой, активно приспособляясь к ней, продвигался вперед с нарастающим ускорением темпов в такого рода продвижении. Овладевая силами природы, используя ее ресурсы, люди в этом вечном процессе взаимодействия имели постоянно действующие стимулы для своего развития в действии объективных, общественных закономерностей. Изменяя природу, человек изменялся и сам. И мы видим, как сопряженный характер развития общества и природы постоянно усиливает единство между ними как единство противоположностей.

Было бы огромной ошибкой пытаться хоть что-то понять в современных проблемах взаимодействия общества с природой, игнорируя «седую древность» в истории человечества. «...Эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям» [2].

[1] *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1977, с. 170—171.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 118.

ОХОТНИЧЬЕ ОБЩЕСТВО

Воздействие географического фактора в доклассовых обществах обычно называют непосредственным. «В первобытном обществе, не знающем разделения на классы, производительная деятельность человека непосредственно влияет на его миросозерцание и на его эстетический вкус...»[1] Производительная деятельность длительное время ограничивалась собирательством, позже люди сочетали собирательство с охотой и рыбной ловлей, затем начали приручать некоторых животных, получило начальное развитие мотыжное земледелие.

Разнообразие географических условий составляло базу для охотничьих племен, обычно общавшихся между собой. В тех случаях, когда общественно объединенные территории расширялись, действенность географического разнообразия повышалась. Но при изолированном существовании отдельных племен или их групп воздействие географической среды строго ограничивалось заселенной территорией. Природная основа общественного развития в этих случаях отличалась определенной узостью, территориальной ограниченностью. При слабости связей между племенными группами их развитие замедлялось недостаточностью разнообразия географической среды на занимаемой ими территории.

Отдельные племена и даже соплеменные формирования, жившие в большей или меньшей удаленности друг от друга, использовали одни и те же богатства природы и часто видели друг в друге соперников. Поскольку основы для обмена почти не было, постольку в межплеменных отношениях начинали господствовать войны. Это, с одной стороны, замедляло рост населения, а с другой — сохраняло необходимые биологические ресурсы для племен, выживших в межплеменной борьбе. Позже, при сочетании охотничьего промысла (основное занятие!) с зачатками земледелия и скотоводства и когда появились некоторые излишки продуктов, а глав-

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 457.

ное, увеличилось разнообразие в средствах существования, возникла потребность в обмене, открыв тем самым возможность для принципиально новых межплеменных отношений. Взаимное истребление перестало доминировать. Племена начали объединяться в новые этнические формирования: «Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, лица, находившиеся под покровительством, чужестранцы»[1]. Такого рода объединения кровнородственных общностей в сочетании с патриархальным рабством, как промежуточная форма между племенем и уже таким сравнительно развитым типом этнических объединений, каким позже, в классовом обществе, сделались народности, вели к созданию рабовладельческого общества. И хотя охотничье общество развивалось в условиях родового строя, но непроницаемой перегородки между родовым обществом и рабовладением не было. Рабство было известно и при родовом строе, но там оно не доминировало в общественных отношениях, не определяло собой производственных отношений.

Изучение демографии первобытного общества находится пока на начальной стадии, но все же можно считать установленным наличие связей между природными ресурсами, условиями, уровнем развития производства и плотностью народонаселения. «В соответствии с этим было выработано понятие *демографическая емкость ландшафта,* т. е. максимальное количество населения, которое может существовать на территории ландшафтной единицы при данном уровне развития производительных сил.

Понятие «демографическая емкость» открывает путь к количественному моделированию демографических процессов. Установлено, что в пределах экосистемы численность населения имеет тенденцию возрастать, пока не достигается точка динамического равновесия, определяемая притоком энергии (т. е. пищевыми ресурсами)»[2].

Если исходить из того, что первобытное общество, живущее на той или иной территории, добывает средства существования исключительно охотой, то, основываясь на распределении биомассы животных по геогра-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 168.
[2] *Долуханов П. М.* География каменного века. М., 1979, с. 15.

фическим зонам, можно оценить вероятную плотность населения в этих зонах. П. М. Долуханов, исходя из этого, составил следующую таблицу:

Географические зоны	Плотность населения (человек на 100 км²)
Тундра	1,7
Тайга европейская	3,0
Хвойно-широколиственные леса	7,4
Лесостепь (дубравы)	17,3
Сухие степи	8,3

Различия в географической среде (в данном примере — зональные) определяли не только плотность населения, но и возможности обмена, что нарушало изоляцию между племенами. Различия в географической среде, ее регионализм при изолированном (полностью или частично) развитии отдельных общественных образований утрачивали свое значение, как будто это были различия в условиях общественного развития, образовавшиеся на разных планетах...

Время заселения страны (или района) связано прежде всего с ее *расстоянием* до прародины людей, ее заселивших, если, конечно, данная территория не заселена прямыми потомками пралюдей, создавших здесь первые сообщества гоминидов, что, по нашему мнению, вряд ли реально или во всяком случае может встретиться в виде исключения. Чем дальше данная страна от прародины, тем при прочих равных условиях она позже была заселена. Но какое значение имеет время заселения? Ведь люди, которые впервые пришли сюда, давно ушли в прошлое. Да, но они оставили свой отпечаток в культуре и даже чисто генетически повлияли на ныне живущие поколения.

Человек, переселяясь в новую для себя географическую среду, начиная очеловечивать новый регион, вызывая к жизни природно-общественный комплекс (=комплексы), не начинает каждый раз все заново. В той или иной степени всегда используются знания и опыт, полученные во время жизни в географической среде прежнего обитания. Так проявляется воздействие географической среды прародины на народы, живущие

в совершенно других условиях, на территориях, весьма удаленных от нее.

Конечно, в процессе дальнейшего развития некоторые навыки, полученные во время жизни на прародине, могут быть утрачены, особенно когда их использование в новых условиях оказалось малоэффективным. В то же время многие из этих навыков не только не утрачиваются, но и получают новые стимулы для дальнейшего развития, и их роль в жизни общества сильно возрастает. И это легко объяснить. Научившись охотиться, люди, куда бы они ни переселились, каждый день должны были жить трофеями охоты. Даже в тех случаях, когда они бросали охоту и кормились собирательством, они не бросали имевшиеся у них средства охоты, а главное, сохраняли умение их изготавливать. Чтобы иметь копье, важно уметь его сделать и уметь им пользоваться. А такого рода навыки обычно сохранялись при перемещениях первобытных племен по территории Земли.

Время заселения позволяет выяснить, какими навыками обладали первые люди, поселившиеся на данной территории. Но чисто хронологическая дата заселения еще не говорит об этих навыках. Надо знать, какова была среда на прародине и как она повлияла на навыки и орудия труда, которыми переселенцы обладали ко времени освоения ими новых территорий. А переселение на новые места становилось необходимым, как только нарушалось соответствие между численностью диких животных и выросшим народонаселением. Поэтому переселялись из более населенных в менее населенные районы, хотя и с несколько худшими условиями жизни. Этим переселениям могла мешать только природа: ее барьеры в виде горных хребтов или больших рек. Такими барьерами, несомненно, были и пустыни, и, наконец, огромные водные пространства Мирового океана. Но пралюди с удивительной энергией и упорством преодолевали эти преграды и постепенно заселили огромные пространства суши, «перемещая» одновременно и способ производства, включая все достигнутые навыки и орудия, соответствующие их эпохе. Внутри общества не было препятствий для расселения. Наоборот, растущее народонаселение толкало людей на поиск новых земель, иначе с неумолимой неизбежностью им грозил голод, как только народонаселение достигало предела

обеспеченности средствами жизни, который позволял тот или иной способ производства, господствующий в данное время на данной территории. При этом распространению охотничьих, а позже скотоводческих племен и народов сколько-нибудь серьезно не препятствовали климатические условия. Охотничье хозяйство обусловливается климатом сравнительно мало. Оно развивалось и в тропиках, и в тундре. Конечно, то обстоятельство, что объекты его охоты могут изменяться под влиянием климата, для охотника и тем более позже для скотовода не безразлично. Но в своей практике охотники, как и скотоводы, учитывают не изменения климата, а лишь их последствия, проявляющиеся, например, в исчезновении отдельных видов животных или в их сезонных миграциях. Например, индейцы Северной Америки прекрасно учитывали сезонную миграцию бизонов. Скотоводы вынуждены были учитывать особенности климата, для того чтобы обеспечивать кормами свои стада. Но и для них практический интерес представляли в большей мере такие элементы ландшафта, как рельеф, флора и фауна, вода, но не в виде осадков, не как климатический феномен, а прежде всего грунтовая вода. Следовательно, не климат сам по себе, а его проявления интересовали как охотника, так и кочевника-скотовода. И именно малая зависимость охотников и скотоводов от климата позволяла им вести жизнь «номадов» в самых различных климатических зонах, к чему их толкала общественная необходимость: недостаток диких животных в первом случае и пастбищ — во втором. Совсем другое дело — земледелие.

Коренное население Северной Америки слишком долго развивалось в условиях охотничьего хозяйства. И это было обусловлено не только особенностями континента, но и географической средой Азии, откуда пришли предки первых американцев. Охотничье общество может сохраняться чрезвычайно длительное время. При этом устанавливается своеобразное, пусть не вполне устойчивое, но все же достаточно прочное равновесие между обществом и природой, позволяющее людям иметь необходимые материальные средства для развития *личности* и общественной жизни, для развития своеобразной культуры. Когда же сокращается количество животных, приостанавливается и рост народонаселения в результате либо миграций, либо сокращения его есте-

ственного прироста. Вероятно, закономерна гипотеза о том, что без внешнего толчка охотничье общество, несмотря на обширность занимаемой территории, в ряде случаев вообще не может перейти к новому способу производства, так как у людей не возникает в этом необходимости. Условия жизни у охотничьих племен были не столь уж плохи, чтобы вызывать сильное стремление к их изменению.

В свое время еще Г. В. Плеханов писал, что «охотничьи племена не могут создавать крупных политических организаций именно потому, что низкий уровень их производительных сил вынуждает их, по образному древнерусскому выражению, разбредаться розно, небольшими общественными группами, в поисках средств существования...

...Характер «экономической структуры» и то направление, в котором изменяется этот характер, зависят не от воли людей, а от состояния производительных сил и от того, какие именно изменения в производственных отношениях возникают и становятся нужными для общества вследствие дальнейшего развития этих сил»[1].

Сама техника охотничьего хозяйства, совершенствование орудий охоты или рыбной ловли препятствуют переходу к классовым организациям, так как классовое общество подразумевает производство материальных ценностей из материалов природы и создание определенных излишков этих ценностей. Охота основана на использовании имеющихся в природе ресурсов без какого-либо их производства, без каких-либо существенных изменений в материалах природы и без накопления излишков. Строго говоря, в охотничьем хозяйстве нет стоимости, а следовательно, и прибавочной стоимости, которую можно было бы присваивать отдельным лицам. Труд человека направлен исключительно на получение потребительной стоимости и на создание орудий труда, обеспечивающих возможность получения ее непосредственно из природы.

В порядке саморазвития охотничье общество не может перейти на более высокую ступень, потому что у его членов не возникает необходимости отказаться от охоты и ловли рыбы. Мотыжное земледелие в условиях Северной Америки не способно было прокормить людей.

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 456—457.

Но почему индейцы не перешли к подсечному земледелию? Видимо, потому, что охота вплоть до появления европейцев позволяла относительно безбедно существовать. При этом большую роль играл богатый животный мир Америки, и в частности бизоны. Именно охота на бизонов могла сделаться затем переходной ступенью от охоты к скотоводству, а позже — и к плужному земледелию. Но появление европейцев лишило индейцев этой возможности: бизоны были уничтожены, что наряду с другими причинами привело к резкому сокращению индейского населения.

Экономика у индейских племен была слишком проста, ее противоречия с техникой были слабыми, не острыми, не глубокими, а поэтому мало действенными. Но даже и при острых противоречиях между экономикой и техникой они не смогли бы в данном случае внести существенных изменений в общественную жизнь. Это обусловлено тем, что охотничья техника, как ее ни совершенствуй, не способна по самой своей природе к развитию. До такой степени не способна, что люди могут погибать, может погибнуть все общество от голода — и все-таки техника не продвинется вперед к новому качеству. Почему это так? Потому, что охотничья техника чрезвычайно узко, односторонне связана с природой. Это техника не производства, а лишь особой, более высокой формы собирательства, «голого» присвоения даров природы. Она выражает собой усовершенствованное собирательство, это метод сугубо *хищнического* отношения к живой природе.

Усовершенствование орудий охоты ограничено использованием материалов природы без их существенных изменений. Появлялись сети для ловли рыбы и животных, сплетенные из растительных материалов, имеющихся в природе, находились более эффективные яды для стрел и копий, совершенствовался бумеранг. Но все это в пределах непосредственного использования материалов природы. Все усовершенствования в своей основе были одинаковыми и не могли сколько-нибудь значительно усилить оставшееся на своей первоначальной стадии разделение труда по возрастному и половому признакам.

Не обеспечивал охотничий способ хозяйствования и возможностей накопления богатств. Вследствие своего натурального качества охотничьи и рыболовные трофеи

не могли храниться в качестве сокровищ и лишь в крайне ограниченном объеме могли быть предметами обмена. Кроме того, ограниченные возможности для получения прибавочного продукта сочетались с неустойчивостью его получения во времени. Увеличение же объемов охоты приводило к сокращению количества диких животных, что полностью исключало возможность какого-либо накопления.

Все же охота как способ существования целого общества тем не менее есть способ производства и в техническом и в общественном смысле. Когда говорят об охотничьем способе производства, имеют в виду определенную ступень в общественном развитии. При этом возникают специфическая техника и определенное отношение к природе. Говоря иначе, здесь имеются те два основных момента, которые, по определению К. Маркса, и составляют основное содержание понятия способа производства: «...совокупность этих отношений, в которых носители... производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» [1].

В то же время охотничий способ добывания средств для жизни открывает перед людьми полную возможность развития от самой первичной стадии, от первобытной орды (или стада) до рода, т. е. высшего этапа доклассовой формации. И здесь ярко проявляется противоречивый характер общественного развития в целом. Родовой строй в сравнении с рабовладельческим и феодальным был низшей ступенью развития. Но в то же время при нем было больше возможностей для формирования личности, чем в условиях классовых обществ для представителей угнетенных классов. Или, говоря иначе, члены родового общества имели больше возможностей для своего всестороннего развития, чем рабы при рабовладельческом строе. Но зато рабовладельцы получали лучшие условия для своего всестороннего развития, чем члены родового общества.

Культура как функция общественной деятельности начала складываться именно при родовом строе. Ибо в те далекие от нас времена происходила обработка *«природы* людьми... *обработка людей людьми...»* [2].

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 385.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 35.

С эпохой родового строя связано начало обработки материалов природы, т. е. начало *материальной культуры*, а это не могло не сопровождаться и «обработкой» самого человека, т. е. не могло не сопровождаться возникновением *культуры духовной*. Само понятие культуры позволяет утверждать, что ее возникновение относится к эпохе, когда все, что создавалось людьми, получило четкое отграничение от того, что давалось непосредственно природой, и когда к понятию «культура» вполне мог быть применен и качественный критерий, ибо все, что создавалось в те времена людьми, не противоречило человечности и прогрессу. Эпоха родового строя, или, как ее назвал Энгельс, эпоха первобытного коммунизма, и была временем возникновения общества, ибо именно культура есть одна из основных его свойств и функций. Но это общество развивалось замедленно и не столько под влиянием общественных закономерностей и техники, сколько под воздействием биологических и лишь в известном, ограниченном смысле социально-биологических закономерностей. Представление о том, что начало человеческой цивилизации следует относить лишь к первым рабовладельческим государствам, по меньшей мере сомнительно. Уровень культуры у людей, живших на высших стадиях родового строя, мог быть значительно выше, чем на первых стадиях рабовладельческого, преимущество которого в сравнении с родовым строем первоначально состояло отнюдь не в более высокой цивилизации, а лишь в значительно больших *возможностях* для дальнейшего развития производительных сил, а следовательно, и цивилизации. И только в этом смысле развитие человеческой цивилизации необходимо связывать с возникновением классового рабовладельческого общества. В отличие от понятия культуры, которое применимо ко всем этапам развития человечества, понятие цивилизации связывается обычно со ступенью общественного развития, следующей за родовым строем, т. е. с эпохой классовых обществ. Но цивилизация не могла бы возникнуть, как не могло бы возникнуть и классовое общество, без предварительного развития культуры в доклассовом обществе, которая стала необходимым базисом цивилизации. И вряд ли правильно строго разграничивать, «раздвигать» между собой понятия «культура» и «цивилизация» применительно к первым этапам истори-

ческого развития человечества. Чисто формальные признаки, принимаемые иногда слишком «ортодоксально», вряд ли можно рассматривать как основу для установления жестких хронологических рубежей при всей их несомненности, например когда культура Древнего Египта рассматривается как форма древней цивилизации, а культура Триполья за цивилизацию не принимается. Правда, классовый характер общественных отношений в Египте был выражен более четко, чем в Триполье, где существование рабовладельческих отношений пока не доказано. Но достаточно ли это убедительно для полного отрицания существования зачаточной цивилизации в Триполье? Тем более, что в отличие от Египта по ряду причин Триполье оставило меньше памятников материальной культуры и значительно слабее изучено. И не обманывает ли археологов и историков в данном случае география? Ведь в Триполье социальные отношения могли быть развиты в не меньшей мере, чем в Египте, но они не были так сильно *территориально* сконцентрированы. Триполье могло представлять собой древнюю цивилизацию несколько иного *качества,* что обусловливалось географической средой. В частности, глина и дерево, бывшие основными природными материалами, которыми пользовались жители Триполья, попросту говоря, хуже сохранились для археологического изучения.

Цивилизация и культура развивались на разных территориях в разное время и, как правило, имели много специфических черт «от места к месту». Известно, например, что охотничье хозяйство далеко не повсеместно доминировало в доколумбовой Америке. Относительно высокая культура народов, заселяющих западную половину Америки в ее центральной и южной частях, все еще крайне недостаточно изучена. Эта культура могла быть связана с необходимостью создания искусственного орошения при переходе к земледелию. А такого рода переход в свою очередь связан с меньшей влажностью, меньшей лесистостью, худшими условиями для охоты. Человек мог выжить в этих условиях, только сделав шаг в сторону развития земледелия. В Северной Америке такой необходимости не было, а в Центральной и Южной была. Везде, где природа своими условиями принуждала людей сделать шаг вперед, для того чтобы выжить, люди рано или поздно его делали. Но там, где

природа такой необходимости не вызывала, люди довольствовались старым способом получения жизненных благ — собирательством, охотой, рыбной ловлей.

Подобно тому как капитализм несовместим с ремесленной техникой, так и любое классовое общество не может базироваться на охотничьем хозяйстве, не способном обеспечить возможность одним людям жить за счет других. Даже при огромном обилии предметов охоты люди не будут в условиях замкнутого хозяйства убивать диких животных в количестве большем, чем это нужно для их собственного существования. Убитую дичь трудно хранить, а при отсутствии рынка ее нельзя продать.

Только общение с племенами, живущими в принципиально других условиях, имеющими в результате природопользования совершенно иные продукты, может возникнуть у охотничьего племени потребность в продукции животноводства или земледелия. Это еще одно из первых существенных проявлений воздействия географического разнообразия на жизнь общества. Причем с самого начала оно воздействует опосредствованно. Ведь не само по себе разнообразие в географической среде двух разных регионов действует (=воздействует) на жизнь людей, населяющих эти регионы, а через обмен продуктами, получаемыми людьми в этих регионах от природы, причем продуктами разными, поскольку обмен одинаковыми продуктами лишен смысла. Следовательно, чем разнообразнее географическая среда в смысле множества ее компонентов, пригодных для использования человеком, тем разнообразнее могут быть и возникающие в обществе потребности.

Однако вернемся к более конкретному рассмотрению взаимосвязей между обществом и географической средой в условиях Северной Америки. Если исходить из концепции, что первые переселенцы из Азии появились на Аляске, в ее южной части, то в дальнейшем они постепенно перемещались в направлении к Калифорнии. На всей этой прибрежной территории не было животных, которых можно было бы приручить и эффективно использовать в хозяйстве, а дичи было много. Отсюда Северная Америка заселялась постепенно, многие тысячи лет без перехода к скотоводству и земледелию. Избыточное население обычно перемещалось в новые районы, пока вся территория материка не была заселе-

на, после чего количество населения более или менее стабилизировалось. То обстоятельство, что первые переселенцы из Азии попали в условия, где возникновение скотоводства было затруднено, могло бы и не означать консервации охотничьего хозяйства. Например, если бы первые переселенцы были скотоводами, они могли бы мигрировать вместе с каким-то количеством скота и затем вернуться к своему привычному занятию на новых местах. Наличие навыков скотоводства облегчило бы в дальнейшем и приручение бизонов. Но первые переселенцы были охотниками, и это обстоятельство в сочетании с благоприятными условиями для охоты способствовало *консервации* охотничьего хозяйства.

При выявлении переселенческих волн на заре человеческой истории важно учитывать весь комплекс физико-географических условий тех мест, по которым эти волны проходили. Видимо, здесь надо учитывать и направление движения, трудности или, наоборот, легкость передвижения, наличие горных или даже речных преград и, наконец, что особенно важно, характер и уровень развития тех племен и народов, с которыми приходилось вступать в контакты во время переселения и после того, как переселенцы оседали на новых местах.

Время заселения, как и хорологические особенности прежних мест обитания, несомненно, имеет большое значение для всего развития общественной жизни той или иной страны. Отсюда чрезвычайно важно не только знать уровень развития первых поселенцев, их общественный уклад, но и те условия, в которых они жили на первых этапах после своего переселения, т. е. какова была географическая среда их новой родины. Например, скотоводство может получить интенсивное развитие в районе, где не было для этого благоприятных условий, но возникала общественная необходимость, и скот завозится из других районов (например, Австралия). Но скотоводство может не возникнуть в районе, где было изобилие пригодных к одомашниванию животных, но где еще не появилась общественная необходимость в переходе к скотоводческому хозяйству.

Условия могут быть созданы. Причины возникают внутри общества в процессе его развития. И старый, более заселенный район при прочих равных условиях перейдет от охоты к скотоводству, а затем и к земледелию раньше, нежели новый, слабо заселенный район,

при относительной независимости от условий. А если это так, то давность заселения и, следовательно, более высокая плотность населения имеют прогрессивное значение для общественного развития. «...Производство начинается впервые *с ростом населения*»[1]. Однако переход к новому способу производства встречает сопротивление со стороны господствующих социальных групп общества, заинтересованных в сохранении старого способа производства, обеспечивающего их господство.

Возможны и другие случаи (и их тоже знает история), когда, наоборот, господствующие социальные группы населения были заинтересованы в новом способе производства, том же, например, скотоводстве или земледелии, и всемерно содействовали его развитию. Но все же в целом ряде случаев возможности для перехода к более высокому способу производства уничтожались (полностью или частично) господствующими социальными группами людей, отстаивающими более низкую ступень общественного развития.

Географическое положение играло большую роль и в жизни древнего общества. Но и тогда оно приобретало свою значимость хронологически, т. е. само определялось временем и всем ходом исторического развития, неразрывно связанного с географией. Группы перволюдей, попавшие в Европу, далеко не сразу в ней ужились. Многие погибли, немногие приспособились, и от этих немногих и возникло народонаселение Европейского континента.

Наиболее вероятно, что первые переселенцы проникли в Европу из Северной Африки. Не случайно наиболее ранние археологические свидетельства жизни первобытного человека в Европе найдены на Средиземноморском побережье Франции. Важной особенностью жизни людей эпохи палеолита была их общность и относительное постоянство в хозяйственной деятельности и во всем образе жизни. Основным источником пищи для них была охота на крупных млекопитающих[2]. На-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 19.

[2] В географии укоренилось представление о чрезвычайно слабом воздействии ранних обществ (в частности, охотничьего) на земную природу. И наоборот, нередко преувеличивалось значение природы в развитии общества. Правильнее всего здесь, видимо, говорить о сопряженности этих воздействий, о *взаимодействии*. А если это так, то уже охотничье общество могло воздействовать на природу, точнее, на ее биологические компоненты настолько сильно, что люди

родонаселение развивалось в Европе в условиях значительных колебаний климата. При его похолодании количество охотничьих групп сокращалось, при потеплении — увеличивалось. Но в целом народонаселение Европы эпохи палеолита было, вероятно, немногочисленным и чрезвычайно *подвижным*.

Первые люди в Европе могли появиться в результате относительного перенаселения ранних очагов формирования человечества (часто вследствие стихийных бедствий), откуда еще гоминиды переходили на новые места, продолжая стадную жизнь собирателей и охотников. Но уже и в те далекие от нас времена в поиск новой родины шли наиболее энергичные родо-племенные группы. На старой прародине развитию способностей индивидуумов мешала скученность и полуголодная жизнь, строго лимитированная истощающимися природными ресурсами.

Так, из районов, где впервые зародилось человечество, толчками (своеобразной пульсацией) как бы «выбрасывались» все новые и новые группы наиболее сильных и одаренных природой людей, которые и осваивали новые территории, богатые дикими животными, но часто с очень суровыми условиями для жизни, что в свою очередь требовало приспособления к ним. Но и народы, оставшиеся в местах первоначального возникновения человека, продолжали свое развитие, долгое время выражавшееся в циклическом выделении все новых и новых групп людей, продвигавшихся в новые районы освоения.

Массы переселенцев по сравнению с остававшимися человеческими племенами имели преимущества хотя бы потому, что за одно и то же историческое время они встречались с более разнообразными условиями жизни.

могли испытывать своеобразные локальные экологические кризисы, приводившие к голоду. «По-видимому, в исчезновении ряда животных верхнего плейстоцена, в том числе таких гигантов, как мамонты, повинны не столько климатические сдвиги, сколько деятельность палеолитического охотника...

Активным поискам обществом охотников и собирателей новых путей освоения экологической среды нередко предшествует мощный толчок в виде экологического кризиса, резкого нарушения равновесия с этой средой вследствие изменения природных условий, демографических факторов и деятельности самих людей, разрушительного воздействия их на природу» (*Кабо В. Р.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 150).

И если в хронологическом отношении между ними и оставшимися на прародине не было какой-либо разницы, то в хорологическом (пространственном) отношении проявлялось неравенство. Переселявшиеся группы проходили через территории с разными условиями, приводившими нередко к гибели отдельных индивидов (гибли, как правило, более слабые), но зато эти же условия содействовали развитию всех потенциальных способностей у оставшихся, наиболее сильных индивидов.

Придя в Европу за многие десятки тысяч лет до нашей эры, первые гоминиды-«европейцы» подверглись влиянию новой географической среды не только в ее статике, но и в динамике, если вспомнить о хронологических изменениях, происходивших на территории Европы в ледниковый период. Этап, когда жизненные условия менялись благодаря передвижению самих человеческих стад, сменился новым этапом, когда при относительно оседлой жизни на новом континенте первобытные люди начали подвергаться хронологическим воздействиям, обусловленным природными особенностями Европы.

Выжившие в Европе мигранты всей своей предшествующей жизнью оказались лучше подготовлены к преодолению суровых географических условий. В определенное историческое время здесь образовалось выгодное (с точки зрения людей) сочетание сложных условий с подготовленными к их преодолению человеческими стадами. Или, говоря иначе, сложилось сочетание причин и условий для возникновения и ускоренного развития будущих цивилизаций [1].

Как уже отмечалось, во всех доклассовых обществах борьба за биологические ресурсы между отдельными племенами приобретала большую ожесточенность. И только переход к принципиально новому способу добывания средств для существования, переход к производству, подразумевающему использование новых ма-

[1] Большая роль в этом подготовительном для будущих цивилизаций периоде принадлежала охотникам-неандертальцам, заселившим Европу и огромные пространства в Сибири. Их «реабилитация» в современной науке еще не закончена. Вряд ли можно отказывать неандертальцам в названии людей, когда они обладали многими человеческими качествами. Животные не хоронят своих сородичей и не приносят цветы на их могилы...

териалов и продуктов природы, сделал возможным дальнейший прогресс человечества.

Однако такого рода расширение (и углубление!) природопользования проходило отнюдь не гладко и не равномерно. Противоречивость и неравномерность общественного развития проявили себя и здесь. Племена, оказавшиеся относительно слабыми, могли позже стать более сильными, потому что они были вынуждены раньше перейти к скотоводству и земледелию, поскольку сильные племена лишили их охотничьих угодий. В то же время более сильные племена, утвердив свое господство над значительными пространствами охотничьих угодий, оставались при старом способе хозяйствования, так как у них в переходе к новому способу производства острой необходимости не возникало.

Жизнь людей в условиях охотничьего общества продолжалась много веков, и это не могло не отложить свой отпечаток на последующие поколения, жившие уже в условиях классовых обществ. Ранние попытки мифологических объяснений всего существующего у охотничьих племен связывались с теми животными, которые были главными объектами охоты, были кормильцами племени. У северных народов это были лоси и олени. Изменения в географической среде меняли или развивали мифологические представления. «Таяние ледника, освобождавшее новые земли, далекие переселения охотников за стадами оленей или лосей, потребность в ориентировке по звездам — все это должно было породить в мезолите как культ лосей и оленей, так и перенесение этого культа на небо, на главнейшие созвездия северного неба. Так, Большая Медведица стала лосихой Хэглэн, а Малая Медведица — ее дочерью, лосенком»[1]. «...Не нужно думать, что изображение небесных оленей и рогатых владычиц присуще только финно-угорскому населению Севера; они достаточно широко представлены и у русского крестьянства как в тех северных районах, где финны-угры являются давним субстратом, так и в чисто русских районах вроде Калужской обл., где вышивки с оленями сочетаются с рогатыми головными уборами женщин»[2].

Язык народного изобразительного искусства более

[1] *Рыбаков Б. А.* Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 21.
[2] Там же, с. 26.

памятлив, чем язык фольклора, говорит Б. А. Рыбаков. Отражение духовной жизни людей охотничьего общества все еще обнаруживается в произведениях народного искусства, хотя с тех пор прошло не менее семи тысячелетий.

Для хозяйственного и культурного развития того или иного территориально выделившегося племени с самого его возникновения имели значение как мирные, так и военные столкновения с другими племенами или ордами, но только в тех случаях, когда вступающие в общение племена чем-то отличались друг от друга. И чем больше были эти отличия, тем большую роль в развитии племен играли контакты между ними. Например, численно равный состав племен мог привести (и иногда приводил) к их взаимному истреблению. Количественное неравенство чаще всего приводило к покорению малочисленного племени более многочисленным, способствуя тем самым взаимному обмену хозяйственно-трудовыми навыками, а в конечном счете усилению зародышевых форм государственности. Еще большее значение в процессе общения племен и орд имели хозяйственные контрасты между ними. Различия в производимых продуктах, в трудовых навыках, в орудиях труда в очень большой мере способствовали развитию производства и социальной жизни. Но как количественные, так и тем более качественные различия между племенами и ордами в свою очередь обусловливались спецификой в природных условиях той территории, на которой жило то или иное племя.

Переход к оседлости, а в результате этого к сельской общине начинается не только с возникновения земледелия. В своем эмбриональном состоянии общинность была и при господстве охотничьего хозяйства. Племена, формировавшиеся на базе общинного землепользования, у многих (если не у большинства) современных народов на заре их истории были теми первичными ячейками, которые можно принять за единицы при исследовании территориальной дифференциации, когда уже можно говорить о различиях в производственной деятельности и образе жизни отдельных племен.

К. Маркс и Ф. Энгельс исследование хозяйственной истории начинали примерно с этого же времени, т. е. с так называемой товарищеской марки (Markgenossenschaft). Очевидно, хозяйственная история и должна на-

чинаться с того времени, когда уже с достаточной определенностью выявились различия между территориально обособленными племенами (или тем более их группами), имеющие для них хозяйственно важную значимость. Но если это так, то нельзя забывать и о том, что как достигнутая к этому времени, так и вся последующая дифференциация производства базировалась на процессе взаимодействия человека с природой, т. е. даже на стадии возникновения географических различий в экономике нельзя ограничиваться только непосредственным воздействием природы на общество.

Поэтому даже для ранней стадии развития человечества объектами экономико-географического изучения должны быть не *единичные человеческие группы* или даже племена, а их *совокупности,* живущие на определенной территории, обязательно чем-либо существенно отличающейся от соседних. Это обстоятельство имеет значение, поскольку различия были в то время непосредственно связаны с заселенным пространством. Сфера обмена определилась природно-географическими различиями, а посему и все различия в хозяйственной деятельности и во всем образе жизни были следствием *территориальных* различий в земном пространстве.

То же можно сказать и о характере производства продуктов и орудий труда. Можно предположить, что, чем ниже уровень общественного развития, тем большие размеры имеет территория, в пределах которой устанавливается единообразие в образе жизни. И это вполне объяснимо. При низком уровне культуры, техники, знаний люди в меньшей мере способны использовать слабо выраженные специфические особенности пространства. Различия в почве, например, встречаются часто и на небольших территориях. Но они приобретают значение только с переходом к земледелию. Кроме того, различия в почве могут проявляться в ассортименте производимых продуктов лишь на сравнительно высоком уровне земледельческой культуры. До этого разнообразие в природе имело значение лишь тогда, когда местности резко отличались одна от другой материалами для изготовления примитивных орудий, флорой и фауной, когда первобытные люди бросали во вскопанную мотыгой землю семена *разных* растений, охотились на *разных* диких животных, защищались от *разных* хищников, питались *разной* пищей, пользовались

хотя и похожими, но *разными* орудиями. Впрочем, различия в орудиях добывания пищи долгое время были сравнительно невелики, особенно при господстве каменных орудий. Камень широко распространен в природе и использовался людьми для изготовления орудий труда на территориях, весьма удаленных друг от друга. Определенное однообразие в этом отношении наблюдалось даже в межконтинентальных масштабах. Но и в этом периоде вряд ли все же можно говорить о полном и повсеместном господстве каменных орудий. С переходом же к использованию для изготовления орудий других материалов природы территориальное разнообразие в них значительно увеличивается.

Наиболее существенные различия в средствах получения пищи произошли, когда одни племена начали заниматься скотоводством, а другие — земледелием. **«Итак, свойства географической среды** (прежде всего ее хорологическое разнообразие. — *В. А.*) **обусловливают собой развитие производительных сил;** развитие же производительных сил обусловливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений»[1].

Переход от собирательства к производству в экономико-географическом аспекте означал усиление территориальных хозяйственных различий в жизни племен и их объединений. Кончалось однообразие эпохи собирательства, начиналось разнообразие эпохи производства родового и тем более классовых обществ. Собственно говоря, экономико-географическое изучение территориальных комплексов географической среды следует начинать с этого исторического периода.

Возникают или усиливаются экономико-географические различия в результате хозяйственной деятельности людей во времени? Экономико-географические различия — это *пространственный результат развития производства во времени.* Единство времени и пространства овеществлено в экономико-географических различиях, характерных для биосферы с начала антропогенеза и с тех пор постоянно усиливающихся.

Эти *нарастающие изменения* в хозяйственной деятельности происходили при относительной стабильности природной среды и имели различные темпы на разных

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 456.

территориях, заселенных разными племенами и разнообразными объединениями. Принятие этого тезиса означает, что в эпоху собирательства и охоты уже было какое-то разнообразие, хотя и не имевшее существенного значения для жизни людей той эпохи, но получившее существенное значение позже, когда накопление изменений привело к возникновению дифференциации в условиях жизни, и прежде всего в орудиях труда и в средствах существования. Например, первые орудия охоты уже имели территориальные различия хотя бы потому, что для их изготовления природа в разных местах предоставляла разные материалы. На одних территориях это было преимущественно дерево, на других — камень. В одних местах были обнаружены металлы, в других они практического интереса для людей того времени не представляли, так как были недоступны для использования. Таким образом, различия в характере материалов, из которых делали орудия, были обусловлены целиком самой природой. Но их форма и назначение уже зависели не столько от предоставляемого природой материала, сколько от человека. Окончательная форма орудий труда должна, следовательно, рассматриваться как результат *взаимодействия* человека — делателя орудий с природным материалом. Активной, творческой стороной в этом процессе взаимодействия выступает человек, создающий орудия и воплощающий в изменении взятого у природы материала свою сознательную волю. В этом проявляется одно из первых *целенаправленных* воздействий человека на природу. Но, изменяя форму природного материала, имея дело при создании орудий с различными для разных регионов материалами природы, человек по-разному реагирует на сам процесс создания различных орудий из различных природных материалов. Иначе говоря, природа самого человека изменялась по-разному в разных регионах Земли с самого начала использования орудий труда, что и создавало важнейшие предпосылки для последующих территориальных различий сначала биосоциального, а потом социально-экономического свойства. Здесь, в самом начале процесса создания орудий, обнаруживается первый, всеобщий фактор начальной дифференциации общественного характера.

Другой, дифференцирующий фактор заключался в том, что производимые человеком орудия труда отра-

жают не только свойства используемого природного материала, но и волю, цель производящего орудия человека. Отсюда следует, что различия в формах орудий, создаваемых в разных местах из разных материалов, будут результатами не только различий в материалах, но и различий в воздействии на эти материалы со стороны человека.

Стремление к усовершенствованию орудий труда стало для человека неотъемлемым свойством. Возникнув на самых ранних этапах человеческой истории из жизненно важной необходимости, это свойство конкретизирует человеческий инстинкт жизнедеятельности и, если хотите, инстинкт *самосохранения,* т. е. естественные, качественные особенности, присущие всему живому на Земле. Для нас важно не свойство (хотя оно, несомненно, представляло бы значительный, самостоятельный научный интерес), а как оно проявляется в хозяйственной дифференциации, выраженной овеществленными результатами труда в земном пространстве. Итак, усовершенствование орудий труда и связанные с этим изменения в способах производства происходили (и происходят!) в разных регионах с разной скоростью и с территориальными различиями количественно-качественного порядка для одного и того же времени. Следовательно, для развития характерна неравномерность как во времени, так и в пространстве. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что производство орудий труда всегда учитывало местные потребности и условия, что делало их использование более производительным, а общественное значение прогресса в изготовлении орудий труда (позже в развитии техники) всегда заключалось в повышении производительности конкретного полезного труда[1]. При этом не следует забывать о том, что производительность труда всегда зависела не только от усовершенствования орудий труда (техники). Для любого произвольно выбранного этапа человеческой истории мы можем обнаружить на Земле регионы, где при одинаковых затратах труда и его технической оснащенности создается большее или меньшее количество продукции в зависимости от географической среды.

[1] В условиях родового строя еще не существовало различия между полезным и абстрактным трудом. Отсюда и отсутствие различий между социальной и натуральной формами отношений между людьми.

И эти хорологические различия отражались на развитии орудий труда (техники). В местностях с лучшими для данного вида производства географическими условиями при помощи даже менее совершенных орудий достигается та же или более высокая эффективность труда, чем в местностях с худшими географическими условиями, где для получения той же эффективности необходима более высокая техническая оснащенность. Техническая модернизация орудий труда в районах с более благоприятными географическими условиями часто эффективна только тогда, когда благодаря более высокой технической оснащенности в районах с худшими условиями достигается более высокая производительность труда. Выравнивание в техническом оснащении, как правило, снова дает преимущества регионам с лучшими географическими условиями, а технические усовершенствования в первую очередь опять вводятся в районах с худшими условиями. Такого рода цикличность, возникшая на ранних ступенях общественного развития, — одно из конкретных проявлений технического прогресса, хотя было бы совершенно неправильно сводить его весь к этой цикличности.

При господстве охотничьего хозяйства низкий уровень потребления приводил к тому, что различия в степени обеспеченности средствами жизни на разных территориях определялись количеством времени, минимально необходимым для охоты и рыбной ловли. Избыток пищи не приводил к сколько-нибудь существенному повышению уровня потребления. Но время, затрачиваемое на охоту, можно рассматривать как подобие рабочего времени, а следовательно, в районах более богатых дарами природы люди имели больше свободного времени. Обилие быстро добываемой пищи способствовало росту народонаселения, в чем и проявлялись пространственные различия.

Очевидно, человечеству в целом, связанному в единство общностью происхождения, общностью биологического вида, легче и быстрее всего можно было перейти к скотоводству и земледелию не сразу на всей заселенной суше, а в отдельных ее регионах, сначала, видимо, в Азии. Переход к скотоводству сразу и повсеместно был невозможен, так как для этого во многих районах не было самых необходимых условий: животных, которых можно было бы «одомашнить», или кормовых угодий.

Зависимость общественного развития от природы, большая непосредственная подчиненность природе на ранних стадиях истории человечества отличались неравномерностью, усиливавшейся или ослаблявшейся территориальными различиями. «Если племена ледникового периода жили в примерно одинаковых условиях, то в эпоху неолита и в бронзовом веке мы наблюдаем усиление неравномерности: на юге подготавливается государственность, в степях преобладает скотоводство, а лесной север живет еще по законам охотничьего хозяйства. Археология устанавливает, что открытие железа в начале I тыс. до н. э. в широкой лесной зоне приостановило рост неравномерности и частично сгладило культурные контрасты между югом и севером» [1]. Неравномерность общественного развития, таким образом, сама отличалась хронологической неравномерностью, усиливаясь и ослабляясь в зависимости от развития общества.

Одни районы в хозяйственном развитии выдвигались вперед, обгоняя другие, благодаря тем или иным географическим преимуществам, получающим на определенной исторической стадии наибольшее значение. При этом причиной такого непостоянства всегда была общественная необходимость, которая определялась воздействием общественных закономерностей и наличием благоприятных географических условий. Азиатские народы уступили свое былое первенство в уровне и темпах развития производительных сил народам Средиземноморья не только потому, что среда в Средиземноморье оказалась благоприятнее для возникновения нового способа производства, но и потому, что хозяйственная структура азиатских регионов, сложившаяся под влиянием географической среды, привела их в дальнейшем к хозяйственному застою; в них не возникла общественная необходимость к изменению сложившихся форм скотоводства и земледелия.

В регионах Средиземноморья, где нет лесных самоудобряющихся почв, где, следовательно, для получения устойчивых и достаточно высоких урожаев требовалось больше искусства, знаний и, что особенно важно, определенной производственной индивидуализации, для обработки даже малых ареалов нужны были свои особые

[1] *Рыбаков Б. А.* Новейшие археологические открытия. М., 1975, с. 7.

приемы. И если на первых порах это задержало здесь развитие земледелия и оно возникло позже, чем на лёссовых почвах Азии, то впоследствии эти же обстоятельства привели к его более высоким формам, так как только при них земледелие могло обеспечить минимальные потребности жителей этих регионов. И пока в Азии развивалось крупномасштабное, обезличенное, огосударствленное земледелие, в Средиземноморье развивались индивидуальные хозяйства, в которых возникла потребность в дополнительной рабочей силе, так как природные условия обеспечивали достаточную продукцию лишь тогда, когда индивидуальные хозяйства имели определенное количество рабочих рук. Наличие раба делалось необходимостью. В Австралии было все наоборот. Причиной того, что аборигены этого континента не научились земледелию, послужило как однообразие австралийской природы, так и ее чрезвычайное разнообразие. Столь парадоксальное явление выражалось в том, что, с одной стороны, в условиях засушливых местностей, непригодных для примитивного земледелия, первобытные люди в поисках пищи вынуждены были слишком часто переходить с места на место. С другой стороны, в обильно увлажненных местностях была не менее обильная пища, обеспечивающая потребности первобытных племен. Общественной необходимости в земледелии не возникало как в засушливой, так и во влажной зонах. Таким образом, климат Австралии был своеобразным препятствием для развития примитивных форм земледелия. В древней Австралии не было копытных животных, а поэтому и не было скотоводства как необходимой промежуточной стадии между охотой и плужным земледелием. Большое значение имели и слабые темпы развития охотничьего общества в Австралии в сравнении с охотничьими обществами Америки и Азии. Переход к земледелию ускоряется более развитой индивидуализацией хозяйства, хотя бы и охотничьего, при условии более быстрого истребления дичи с помощью более совершенных орудий. Отсталость охотничьего промысла и наличие значительных элементов собирательства, т. е. еще доохотничьей стадии, у австралийцев объяснялось в то время отсутствием хищных животных (не поэтому ли они не изобрели лука?). Но почему австралийцы не перешли даже к мотыжному земледелию по примеру хотя бы африканских племен? Очевидно, до

этой ступени они просто не успели дорасти вследствие опять-таки специфического однообразия австралийской природы по сравнению даже с африканской, хотя аналогичное положение можно было наблюдать и в Африке — континенте более однообразном, чем более крупные регионы — Евразия и Америка. Только Австралия превосходит Африку по относительному однообразию своей природы, однообразию, игравшему особенно большую роль в жизни первобытного общества. Впрочем, как и Австралия, Африка чрезвычайно контрастна при определенном однообразии. Здесь также можно наблюдать это же парадоксальное противоречие. Сахара и тропические леса, конечно, чрезвычайно сильно отличаются друг от друга. Но внутри Сахары и внутри тропических лесов условия весьма однообразны. Здесь все дело в масштабах: резкие различия между крупнейшими частями Африки (Австралии тоже!) и слабые различия внутри этих частей. Поэтому люди на ранних ступенях общественного развития, занимая отдельные ограниченные ареалы этих континентов, не могли использовать те преимущества, которые дает африкано-австралийское разнообразие. Это, очевидно, дело будущего.

В Африке мало территорий, природные условия которых содержали бы в себе сочетания особенностей, имеющихся в каждой из ее крупных частей. На ее территории нет районов, похожих, например, на советский Дальний Восток, где виноград уживается с сосной и елью, а тигр — с оленем!

Характерно, что в африканской фауне почти нет активно полезных, с точки зрения современного человека, животных. Большая часть имеющихся в Африке домашних животных привезена из Азии. Африканский слон до самого последнего времени не поддавался приручению. С лошадью африканцев сравнительно недавно познакомили арабы. Верблюд в начале нашего летосчисления не проникал в Африку дальше Египта. Рогатый скот также внеафриканского происхождения, хотя в Африке, очевидно, существовали буйволы. Свиньи завезены из Европы, козы — из Азии.

Впрочем, следует отметить, что хозяйства первобытных народов, населявших и другие континенты, длительное время не отличались качественным разнообразием, особенно до возникновения классового общества. Первобытный человек ограничивался добыванием пищи в

более или менее готовом виде (первоначально даже без использования огня). Никакой принципиальной разницы в условиях добычи мяса мамонта или носорога не было.

И все же уже в первобытном обществе выделились основные типы натуральных территориальных комплексов: зона азиатского земледелия, зона кочевого скотоводства, Средиземноморье, приморские районы Западной Европы и, наконец, позже каменноугольные и железорудные ареалы.

Возвращаясь к вопросу о неравномерности в развитии хозяйства, ярко проявившейся при переходе к скотоводству, следует иметь в виду, что и этот переход означал смену способа производства. Американские индейцы, сохраняя и развивая охотничье хозяйство, неизбежно должны были отстать от скотоводов, потому что они в большей степени, чем последние, непосредственно зависели от природы, или, говоря иначе, их охотничье хозяйство стояло уровнем ниже, чем способ производства, к которому перешли азиатские скотоводы.

Почему все же индейцы в Америке лишь в весьма ограниченных ареалах перешли к земледелию, оставаясь в большинстве своем охотниками? Потому что природные условия Америки при низком уровне земледельческой техники не благоприятствовали земледелию. Леса и степи требовали там более совершенных орудий для подъема целины, чем, например, лёссовые почвы Китая. Следовательно, темпы перехода от охотничьего хозяйства к скотоводству и земледелию определялись характером природных условий. Где эти условия были благоприятнее, там значительно раньше перешли к скотоводству и к земледелию.

Разложение доклассового общества в основном состояло в развитии индивидуализации, что выражалось в создании орудий труда и развитии частной собственности на них. Однако индивид в условиях доклассового общества развивался под определяющим влиянием среды. Где разнообразнее была географическая среда, там быстрее шел процесс разложения доклассового общества. Это можно продемонстрировать на примере Средиземноморья. Некоторое исключение представляют, на первый взгляд, «речные» цивилизации, где среда не отличалась большим разнообразием, способствующим развитию индивида. Но эти цивилизации как раз тем и отличались, что классовое общество в них фор-

мировалось не на основе развития индивида. Природа играла более непосредственную роль в создании классового общества в азиатских регионах, где развитие индивида никогда не достигало таких высот, как в античном обществе. В этой незаконченности развития индивида, пришедшего в классовое общество с сильными пережитками первобытности, и заключается одно из основных противоречий классовых обществ ряда стран Азии, в частности Китая. В этом глубинное основание застойности, устойчивости, прочности, неразложимости азиатского способа производства.

Следует также учитывать, что различия между охотничьими племенами Америки и народами Азии, перешедшими к скотоводству и земледелию, означали не только особенности в технике и характере получаемых продуктов. Скотоводство и земледелие были для тех времен новыми способами производства, а новые способы производства всегда более прогрессивны. Люди никогда не переходят к менее производительному способу производства от более производительного, если не считать отдельных случаев, когда господствующие реакционные общественные группы пытались повернуть историю вспять, реставрируя (всегда на очень короткий отрезок времени!) архаичные общественные порядки.

Подобно тому как в рамках одной и той же формации производительность труда в разных территориальных объединениях может быть весьма разной, так и для разных формаций, приуроченных к разным территориям, производительность труда может быть примерно одинаковой. Различия в формациях совсем не обязательно обусловливают собой различия в уровне производительности труда, которая зависит не только от способа производства, но и от других причин, в том числе и от географических. В одно и то же время могут быть, и неоднократно в истории человечества бывали, территориальные формирования с *разным* способом производства, но примерно с одинаковым уровнем развития производительных сил.

Чтобы на месте родового общества возникло классовое общество, производительные силы должны были в определенном районе достигнуть уровня, обеспечивающего возможность создания прибавочного продукта. Кроме того, специфичность возникшей новой формации не только в ее отличии от предшествующей, но и в от-

личии от других, одновременно возникших классовых формаций, что определяется специфичностью географической среды и воздействием соседних общественных форм. Но каким образом специфика географической среды влияет на социально-экономическую структуру общества? Очевидно, прежде всего и главным образом через *специфику* в производительных силах. И это вполне понятно, так как в разных условиях в процесс производства вовлекаются *разные* компоненты географической среды, следовательно, в разных регионах формируются различные по своему составу производительные силы, что не может затем в опосредствованной форме не влиять и на социально-экономическую структуру общества.

Но почему и в каких именно своих компонентах производительные силы приобретают региональные различия? Очевидно, прежде всего в *средствах производства,* а главные различия в средствах производства определяет *Земля* и ее доступные ресурсные возможности, которые не могут быть абсолютно одинаковыми на сколько-нибудь значительном пространстве. Земля разнообразна и вширь и вглубь. Следовательно, различия в земельных фондах, сделавшихся средством производства, *определяют географию производительных сил,* оказывая огромное воздействие и на региональную специфику в социально-экономической структуре общества внутри единого способа производства. Вот почему общность в способе производства не может установить полного единообразия в социально-экономической действительности стран и районов. Географический фактор выступает здесь с полной определенностью и очевидностью, хотя этим он далеко не ограничивается.

В заключение следует повторить, что охотничье хозяйство начало складываться еще в период доисторический. Неандертальцы уже вели относительно развитое охотничье хозяйство. Охота и рыболовство многие тысячелетия были материальной основой жизни людей, а в некоторых регионах сохранили очень большое значение на ранних этапах феодализма и даже в более близкие к нам времена. Связанное с определенными производственными отношениями, охотничье хозяйство, следовательно, хронологически не укладывалось в рамки какой-либо одной общественно-экономической формации. Но это отнюдь не означает, что люди, живущие

охотой, были вне естественноисторического процесса, наоборот, именно охотничье общество положило *начало* этому процессу. «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[1]. Единство биологического с общественным, природных (естественных) процессов с общественными (историческими) впервые получило свое конкретное выражение именно в охотничьем обществе. И приведенное высказывание В. И. Ленина, сопоставившего результаты исследований Ч. Дарвина и К. Маркса и видевшего общность естественного с общественным в естественноисторическом процессе, имеет прямое отношение к определению сути древнего, и прежде всего охотничьего, общества. Показ действия географического фактора в этом обществе представляется поэтому особенно важным. Ведь это был переходный период от стада к обществу. И если на ранних этапах развитие охотничьего хозяйства можно назвать процессом почти полностью естественным, то в дальнейшем он принимает естественноисторический характер. В условиях охотничьего хозяйства возникло *общество.* С этого времени появляются зародышевые формы производственных отношений, развивается общинно-родовой строй — первая *общественно-экономическая* формация.

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 1, с. 139.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Уже на стадии разложения родового строя результаты, получаемые в процессе труда, начали превышать минимальные, примитивные потребности общества, что привело к индивидуализации производства. Развитие орудий труда достигло уровня, когда труд отдельного индивида, работающего своими орудиями, в своем индивидуальном хозяйстве, стал производительнее, чем его же труд внутри родо-племенной организации. Орудий труда, которые для своего эффективного использования требуют коллективных усилий, еще не было.

В родовом обществе развитие шло по двум линиям:

1. Образование, конструирование рода на основе физиологии.

2. Выделение в качестве производственной единицы моногамной семьи.

Появляются парцелльные производственные единицы, заменившие прежде господствовавший коллектив, что обусловливалось постепенным ростом индивидуальности в первобытных коллективах и выражало собой рост производительных сил, вернее, развитие основной производительной силы — человека. Тот факт, что теперь индивид или небольшая семейная группа начали выступать в качестве самостоятельных производственных единиц, разрывал пуповину, привязывавшую его к примитивному родственному коллективу в производственном отношении.

Но это самостоятельное хозяйствование зависело от структуры географической среды в районе обитания данного племени. В долине Нила, например, первобытный человек встретил диких животных — объекты охоты, пастбища для одомашненных травоядных животных и, наконец, земли, пригодные для земледелия. Первые люди, поселившиеся в долине, начали с охоты, хотя до переселения в долину они, возможно, уже были не только охотниками, но и скотоводами. В дальнейшем здесь чрезвычайно рано (в сравнении с другими регионами

Земли) возникло земледелие. Почему? Географическая среда буквально «толкала» к земледелию. Для древних египтян, во всяком случае для значительной их части, переход к земледелию означал спасение от неминуемой голодной смерти, хотя голод в это время не представлял уже столь непосредственной угрозы, как на стадии «чистого» собирательства и на других ранних ступенях развития человечества. У пастушеских обществ, по крайней мере у вождей пастушеских общин, выработалась определенная предусмотрительность, и они заранее принимали меры по предотвращению голода. Поэтому возможно, что инициаторами перехода к земледелию были наиболее обездоленные пастбищами общины. Для Египта можно допустить, что родовые отношения там еще сохранились в эпоху преобладания скотоводства, особенно в форме общей собственности на поголовье скота. Дифференциация могла здесь происходить не столько внутри общин, сколько между общинами, что обусловливалось разнообразием Нильской долины, именно разнообразием ее природных условий для скотоводства.

Если бы вся Нильская долина была совершенно однородна, дифференциация между общинами, ведущими скотоводческое хозяйство, происходила бы чрезвычайно медленно. Она все же возникла бы, ибо до перехода к скотоводству и одновременно с ним люди в Египте занимались и охотой. Условия же охоты не были однообразными. Если это так, то совмещение *повсюду* равных условий для скотоводства с *неравными* условиями охоты неизбежно привело бы к неравенству между общинами. И даже когда охота отошла в область преданий, возникшие при ней различия уже привели пусть к слабой, но все же дифференциации между общинами, которая сохраняется как наследие прошлого. Поэтому и при равенстве скотоводческих условий мы все же будем иметь неравенство между общинами в уровне их развития. Совмещение этого неравенства с равенством скотоводческих условий неизбежно даст в результате различие и внутри скотоводческого хозяйства.

Известны многочисленные межобщинные и межплеменные столкновения из-за угона скота. Но рано или поздно менее богатые скотом общины неизбежно начинают обращать внимание на то, что находится под пастбищами, начинают переходить к земледелию.

Для самых ранних стадий общественного развития имело значение богатство занимаемой территории пищевыми ресурсами. Чем больше готовой пищи, тем быстрее росло население, тем больше становилась его плотность, а последняя при прочих равных условиях — один из важнейших факторов общественного развития. Так первоначально один лишь географический фактор своим воздействием приводил к последующему возникновению новых, часто более сильных факторов для дальнейшего развития общества. Достижение большей плотности населения создавало возможности не только для возникновения производства, но и для духовного развития человека как общественного существа, перехода к более прогрессивному способу производства. Так, следствия, возникшие в результате географической первопричины, становятся новыми, более сильными факторами (=причинами) дальнейшего развития, *причины* начинают играть роль *общественных закономерностей.*

Остается несомненным тот факт, что далеко не во всякой географической среде благоприятные условия использовались обществом для своего ускоренного развития. Лишь там, где в результате предшествующего общественного развития возникли определенные общественные потребности, превращавшиеся затем в необходимость, общество начинало более широко использовать все имеющиеся в природе возможности.

Древние цивилизации обычно называют речными, потому что они формировались в речных долинах на основе орошаемого земледелия. Географический фактор максимально благоприятствовал в определенный период развитию здесь производительных сил. Одним из таких ареалов древней культуры, основанной на орошаемом земледелии, может быть названа Средняя Азия. «Удалось установить, что древнейшие каналы были прорыты уже земледельцами IV тысячелетия до н. э., а вся многовековая оросительная система была варварски разрушена в XIII в. н. э. Чингисханом»[1]. Но речные цивилизации не смогли удержать за собой первенство на дальнейших исторических этапах, потому что структура общества сложилась в них в сугубо устойчивой форме, не допускавшей или ограничивавшей дальнейший прогресс. Роль географической среды была здесь более

[1] *Рыбаков Б. А.* Новейшие археологические открытия, с. 6.

сильной в ее влиянии на общественную структуру родового строя, и эта более сильная власть среды сказалась настолько же отрицательно на последующем общественном развитии, насколько она была положительной первоначально. Речные цивилизации могли развиваться только по экстенсивному пути, расширяя ареалы поливных земель[1]. В большинстве случаев это было невозможно из-за непреодолимых в тех условиях препятствий той же географической среды (пустыни и горы). Там, где таких препятствий не было, создавались крупные ареалы поливного земледелия, но с застойным характером общественной организации. Ярким примером такой цивилизации был Китай.

Иное положение сложилось в Средиземноморье. Здесь люди создали очаги цивилизации в тот период, когда уже выросли речные оазисы человечества. Несомненно также, что в Средиземноморье общество первоначально развивалось под внешними воздействиями тех же «речных цивилизаций».

В эпоху палеолита человек обитал в Западной и Восточной Европе, в Сибири, Месопотамии, Сирии, Египте, почти повсеместно в Африке, Юго-Восточной Азии, в центре Индостана, в Америке, Австралии и вполне возможно, что и в некоторых других районах. При этом люди предпочитали селиться по долинам рек.

Но общественное развитие шло ускоренно там, где географическая среда, вызывая рост потребностей, толкая людей к проявлению энергии и вознаграждая его по мере увеличения хозяйственной активности, ничего не давала даром. В таких районах природные предпосылки более эффективно использовались для роста производительных сил, и в них зарождалась *рабовладельческая формация.* Утвердившись в речных регионах, она в дальнейшем развивалась в Средиземноморье, где и достигла своего апофеоза. Ее развитие обеспечило дальнейший рост производительных сил и общей культуры народов Средиземноморья. Одним из начальных факторов такого роста была сравнительная легкость освоения

[1] Речные цивилизации в географическом аспекте исследовал Л. Мечников (См. *Мечников Л.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924). Книга, несомненно, сохранила определенный научный интерес, хотя роль географической среды в ней явно переоценивалась, что и отметил в предисловии Г. В. Плеханов.

земель, вовлекаемых в хозяйственный оборот еще на стадии родового строя. Например, в Греции большая часть земель была расчищена от лесов и превращена в пастбища и пашни именно в эпоху родового строя. Наиболее пригодные для земледелия участки сосредоточивались преимущественно на террасах, равнинах и по долинам рек.

В Средиземноморье летом из-за сухих континентальных ветров выпадает мало осадков, хотя их годовое количество довольно значительно. Однако в некоторых регионах Южной Европы, особенно расположенных по западным склонам высоких гор, принимающих осадки, приносимые ветрами с океана, выпадает 1500 — 2400 мм. Во внутренних районах количество осадков обычно резко снижается. Контрасты влажности внутри Средиземноморья, таким образом, весьма велики как в течение года, так и от места к месту. В наиболее «сухих» районах годовое количество осадков едва достигает 300 мм, хотя в той же Южной Европе есть места, где они превышают 2500 мм, достигая в отдельных пунктах 4 тыс. мм и более. Период, когда дождей почти не бывает, уменьшается с юга на север. В Александрии такой период равен почти 8 месяцам (с конца марта до середины ноября), в Греции — 4 (с середины мая до середины сентября), у Мраморного моря — 2, на Мальте — 4—5, в Сицилии — 4—4,5 месяца. В Неаполе он составляет 3 месяца, в Риме — 2 месяца. Количество дождей в июле: Мальта — 0,9 мм, Палермо — 5,7, Неаполь — 14,8, Флоренция — 43,7, Триест — 75,2 мм.

В Средиземноморье вырубленный лес, как правило, не возобновляется из-за эрозии, и на его месте часто образуются вторичные кустарниковые заросли — маки. Таким образом, со времен древности в Южной Европе более простые вегетационные формации прогрессивно распространялись, заменяя более сложные. Размеры пашни и плодородие почв в гористых и холмистых районах Средиземноморья со временем заметно уменьшились. Пока отвоеванная у леса почва обрабатывалась без перерыва, она сохранялась. Но когда наступали периоды упадка культуры и население сокращалось, то почвенный слой с невозделанных полей смывался и пахотные угодья сокращались. В то же время в других климатических условиях, например во многих районах России, почвенный слой при тех же условиях не только

сохранялся, но и улучшался. Этим объясняется тот факт, что, несмотря на резкое сокращение лесов, в Южной Европе площади обрабатываемых земель стали составлять меньшую долю, чем в средне- и западноевропейских странах. Словом, былые природные преимущества Средиземноморья оказались в значительной степени утраченными в результате античного и раннефеодального землепользования.

В связи с этим высказывалось мнение, что причины уменьшения роли стран и районов при переходе к новому способу производства связаны с истощением их естественных ресурсов за период, когда эти районы были наиболее развитыми. Истощение природных ресурсов приводило в конечном счете к снижению производительности труда, общему экономическому отставанию. Действительно, не оказалась ли почва, например, в Италии настолько истощенной в результате тысячелетнего господства рабовладельческого строя, что и производительность труда, хотя она несколько возросла с переходом к феодализму, не могла уже ни сравниться, ни тем более подняться выше, чем в новых районах, начавших феодальное развитие и не исчерпавших своих природных ресурсов в эпоху рабовладения. Резон в этих рассуждениях, несомненно, есть. Но если бы все сводилось только к различию в плодородии почв, то наивысшая естественная производительность земли, а тем самым и наивысшая ступень феодализма должны были бы быть достигнуты где-нибудь на Придунайской низменности, а не во Франции и не в Англии. В действительности этого не произошло. Очевидно, и здесь, как и всюду, воздействовало разнообразие географической среды, состоящее в том, что новые районы обладали свойствами, уже представленными в старых районах, но синтезированными с дополнительными свойствами, которых в старых районах не было совсем или они были представлены недостаточно полно. Такой синтез старого с новым никогда не был механическим объединением.

Географическая среда Средиземноморья отличается от оазисного типа географической среды Афро-Азиатского пояса прежде всего тем, что в ней при сравнительно сухом климате все же нет такой подавляющей сухости, как в зоне пустынь. Видимо, с таким мягким климатом, обусловленным значительным горизонтальным расчленением поверхности, и связано большое гео-

графическое разнообразие Средиземноморья, что сильно выделило его из других регионов Евразии и Африки.

Хотя мы и употребляем в применении к географическому разнообразию выражения количественного порядка — «более» или «менее», но подразумеваем не столько количественные, сколько качественные категории. Мы еще не научились определять географическое разнообразие количественными показателями, не имеем шкалы географического разнообразия по ее степени, поэтому говорим о нем как о различиях в размерах территории, что не дает достаточно правильных представлений.

На начальных стадиях формирования общества рабство не могло перерасти в рабовладельческую формацию из-за крайне низкой производительности рабского труда. В дальнейшем развитие рабовладения не могло быть успешным без постоянного притока рабов извне. Продолжительность жизни раба была невелика. Кроме того, для рабовладельца было выгоднее получать сразу трудоспособного раба, чем ждать, когда он вырастет. Рабство базировалось на притоке извне, отсюда войны, цель которых — взять максимальное количество пленных. «Ближайшее изучение фактического материала говорит нам, что первоначальным, сделавшимся потом основным каналом образования и непрерывного воспроизводства рабства в античных условиях был именно *ввоз рабов в результате войны*»[1]. Следовательно, рабовладельческая формация не могла стать *глобальной,* поскольку она нуждалась в территориях, где господствовали бы дорабовладельческие отношения, откуда можно было бы более или менее постоянно пополнять число рабов. В античном мире войны поэтому были средством получения рабов как главной производительной силы общества. Но для того чтобы рабовладение стало экономически целесообразным, необходимо было достигнуть определенного уровня в общественном развитии.

«Пока человеческий труд был еще так малопроизводителен, что давал только ничтожный избыток над необходимыми жизненными средствами, до тех пор рост производительных сил, расширение обмена, развитие государства и права, создание искусства и науки —

[1] *Мишулин А. В.* О воспроизводстве в античной общественной формации. М., 1932, с. 19.

все это было возможно лишь при помощи усиленного разделения труда, имевшего своей основой крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой. Простейшей, наиболее стихийно сложившейся формой этого разделения труда и было как раз рабство. При исторических предпосылках древнего, в частности греческого, мира переход к основанному на классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства»[1].

Характерно, что процесс создания рабовладельческих государств как территориальных объединений классового общества развивался не на родовой (=племенной) основе. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно упоминали о раннем, еще *до полного развития* рабовладения, кризисе земледельческих общин как в Древней Греции, так и в Риме, причем раннее разложение сельских общин они противопоставляли их устойчивости в других регионах, в частности в Германии[2]. И процесс этот шел весьма быстро, чему в немалой степени способствовал географический фактор, так как разнообразие географической среды Средиземноморья, ее «мозаичность» облегчали территориальные объединения, ускоряя разложение родового строя.

Формирование рабовладельческого общества в Средиземноморье представляется нам следующим образом. В эпоху значительно более раннюю, чем I тыс. до н. э., жившие здесь племена длительное время занимались охотой, рыбной ловлей, возможно, скотоводством и даже отчасти мотыжным земледелием. Жили в условиях родового строя. Но несомненно, что уже в те времена, когда главным средством существования были охота, рыболовство и скотоводство, большее разнообразие ландшафтов положительно сказывалось на развитии племен Южной Европы, хотя это и не приводило к каким-то быстрым и радикальным сдвигам в их жизни. Длительное время территориальные различия в темпах развития европейских племен были невелики, но все же они подготавливали будущий «скачок». Шло количест-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 186.
[2] См. там же, с. 185—189.

венное накопление. Переход к земледелию и последующее установление рабовладельческого способа производства не менее чем за 1 тыс. лет до н. э. и были таким скачком. В результате Южная Европа значительно обогнала Северную Европу. Развитое земледелие в Средиземноморье существовало по крайней мере за 500 лет до н. э., тогда как в Северной Европе в это же время преобладала охота и скотоводство и господствовал родовой строй.

Надо сказать, что географические условия в Средиземноморье гораздо в большей мере, чем в Северной Европе, ограничивали занятия охотой и даже скотоводством. Переход к земледелию здесь значительно раньше сделался *общественной необходимостью.* К тому же плодородные земли создавали для этого благоприятные условия, и воздействие географического фактора при этом совершенно очевидно.

В степях земледелие долго не развивалось потому, что там господствовало скотоводство. В лесной зоне также не было необходимых условий для применения плуга. Раскорчевка леса была долгое время непосильна, да и охота давала необходимые средства для жизни, и общественной необходимости в переходе к земледелию не возникало. В горных районах, как и в степях, более рациональным длительное время оказывалось скотоводство.

Переход от скотоводства к земледелию в Греции (стране горной) был ускорен благодаря полуостровному и островному географическому положению. Грекам, по мере того как у них росло поголовье скота, попросту некуда было расширять скотоводческое хозяйство. Возникала общественная необходимость в новых способах получения средств для существования, а природные условия Греции благоприятствовали развитию земледелия.

В Африке возможности для расширения скотоводческого хозяйства были несравнимо большими, чем в Греции. И только племена, вытесненные с горных пастбищ, были вынуждены переходить к земледелию. Борьба за пастбища между скотоводческими племенами начинается задолго до того, как их вообще станет не хватать для развития скотоводческого хозяйства. Относительный недостаток в пастбищах, особенно в лучших по качеству, скотоводы начинают ощущать задолго до

их абсолютного недостатка. При изобилии пастбищ поголовье скота все же часто превышает необходимый для их жизни минимум, что вызывает дополнительную потребность в пастбищах задолго до перехода к новому способу производства — земледелию. Отсюда в какой-то мере и большая воинственность скотоводческих племен в сравнении с земледельческими. В истории человечества борьба между скотоводческими и земледельческими народами занимает весьма значительное место. Свободно кочующие скотоводческие народы выработали свое отношение к земледелию, и его не так легко было преодолеть, когда некоторые из них переходили к земледелию. С презрением смотрели кочевники на народы, избравшие оседлую жизнь земледельцев. Эти люди (земледельцы) предназначены, по воззрениям кочевников, либо для рабства, либо уж во всяком случае для того, чтобы платить дань. Резкость различий в жизни скотоводческих и земледельческих народов ярко отражалась и в области идеологии. «Ангел божий не входит в тот дом, под кровлей которого стоит плуг», — гласит Коран. В то же время в учении Заратуштры (Зороастра), распространенном у древних земледельцев Средней Азии, Азербайджана и Ирана, объявлялись священными сооружения для искусственного орошения, а сам богдыхан в Китае проводил борозду плугом, освящая этим труд земледельца.

Разнообразие географической среды Средиземноморья прежде всего выражалось во взаимопроникновениях моря и суши. Поэтому здесь издавна стало играть особую роль рыболовство. Обитатели побережий и островов могли легко переселяться с одного острова на другой или с островов на материк и обратно. В отличие от американских индейцев, имевших достаточно обширную территорию, позволявшую длительное время существовать охотой и рыболовством, жители Средиземноморья были этого лишены. Возможности для охоты были сильно ограничены, но что касается рыболовства, то его развитие ресурсы не сдерживали [1].

Рыболовство и позволило достичь в Средиземноморье сравнительно высокой концентрации населения, что в свою очередь явилось одним из важнейших фак-

[1] Первоначальная греческая колонизация шла навстречу направлению пути косяков рыб, двигаясь от Эгейского моря вдоль понтийского побережья Малой Азии.

торов развития земледелия. Кроме того, рыболовство сыграло определенную роль в ускорении перехода к оседлому образу жизни. Итак, более ранний переход Южной Европы к плужному земледелию послужил в дальнейшем основанием для возникновения рабовладельческого общества с первым значительным разделением между физическим и умственным трудом и развитием торговли, что в свою очередь привело к более ускоренному по сравнению с Северной Европой переходу от варварства к цивилизации.

«...С развитием торговли и промышленности происходило накопление и концентрация богатств в немногих руках, а также обнищание массы свободных граждан, которым только оставалось на выбор: или вступить в конкуренцию с рабским трудом, самим взявшись за ремесло, что считалось постыдным, низким занятием и не сулило к тому же большого успеха, или же превратиться в нищих. Они шли — при данных условиях неизбежно — по последнему пути, а так как они составляли массу населения, это привело к гибели и все афинское государство. Не демократия погубила Афины, как это утверждают европейские школьные педанты, пресмыкающиеся перед монархами, а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным» [1].

Значение античного рабства, как указывал Ф. Энгельс, состояло в том, что «только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры» [2].

В рабовладельческих хозяйствах шло социальное расслоение. Одни из них, усиливаясь и укрупняясь, разоряли более мелкие хозяйства, чем на долгое время закрыли путь к феодализму. Правда, социальная, промежуточная прослойка между рабами и свободными земледельцами все же была. Ф. Энгельс отмечал ее наличие: «Преобладала... сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой; они, правда, не были рабами, но и не считались свободными... Они были

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 119.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 185.

предшественниками средневековых крепостных»[1]. Энгельс эту мысль уточняет: «Развитие римского сельского хозяйства в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, а с другой — к раздроблению имений на мелкие арендные участки, передававшиеся колонам, то есть к созданию карликовых хозяйств зависимых мелких крестьян, предшественников позднейших крепостных, к утверждению, следовательно, такого способа производства, в котором в зародыше уже содержался способ производства, господствовавший в средние века»[2]. Но это не создало необходимых условий для перехода к феодализму. Полукрепостные-полурабы не представляли собой класса, способного на революционные преобразования. Да и о каких преобразованиях здесь могла быть речь? Слишком мало судьба колонов отличалась от жизни крепостных...

Созданию рабовладельческого общества, несомненно, чрезвычайно способствовало географическое разнообразие Средиземноморья. Природа Греции, например, из-за сильной дифференцированности раньше, чем в Германии, могла быть освоена и обеспечивала материальную основу для классового общества. При этом к моменту возникновения классового общества производительность труда в Греции могла быть ниже, чем в Германии, но она компенсировалась меньшей стоимостью рабов, а дешевизна рабочей силы — немаловажный фактор развития производительных сил. В Греции уровень производительных сил, делающий рентабельной эксплуатацию рабского труда, был достигнут раньше, чем в Германии, также и потому, что по чисто климатическим условиям в ней содержание раба обходилось дешевле, чем в Германии. И воздействие географического фактора на общественное развитие здесь совершенно очевидно.

Форсированное развитие торговли на базе хозяйственного использования географического разнообразия в значительной мере определило создание в Средиземноморье товарного рабовладельческого общества. Но товарная форма рабовладения принципиально отличалась от товарного хозяйства капиталистического типа, что и было показано К. Марксом. «Купля и продажа рабов

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 148.
[2] Там же, с. 501.

по своей форме тоже является куплей и продажей товаров. Но без существования рабства деньги не могут совершать эту функцию. Если рабство существует, то и деньги могут быть затрачены на закупку рабов. Напротив, наличие денег в руках покупателя еще отнюдь не достаточно для того, чтобы сделать рабство возможным»[1]. И далее: «*Раб* не продает свой труд рабовладельцу, так же как вол не продает своей работы крестьянину. Раб вместе со своим трудом раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого. *Сам он* — товар, но труд не является *его* товаром»[2].

Товарная форма античного рабства не создавала условий для эксплуатации вне прямого принуждения и, «как бы ни преувеличивали товарное обращение в античности, там оно приводило функцию денег не более как к платежному средству и отнюдь никогда не способствовало выходу этой функции за пределы товарного обращения»[3].

В целом для рабовладельческих производственных отношений было необходимо сочетание следующих условий: 1. Ликвидация сельских общин. 2. Достаточно развитое производство, позволяющее использовать рабский труд. 3. Рабовладельческий рынок, т. е. такая периферия, откуда был бы возможен приток рабов для пополнения потребностей растущих рабовладельческих хозяйств. 4. Хозяйственно значимые различия в географической среде, обеспечивающие хозяйственную дифференциацию (а отсюда и обмен) между рабовладельческими государствами.

В Средиземноморье ко времени образования там классового общества сельскую общину заменила городская. А это означало, что власть на местах находилась в руках людей, не занимавшихся земледелием, живших в городе. Они не были господами для крестьян; они вместе с торгово-промышленными элементами обладали политической властью, но не имели прав собственности на крестьян.

Античный полис отличался от германской «марки»

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 39.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 433.
[3] *Мишулин А. В.* О воспроизводстве в античной общественной формации. М., 1932, с. 9.

тем, что был не хозяйственной, а политической организацией, тогда как «марка» была преимущественно хозяйственной. И с этим связано различие, существовавшее в то время между общественными формами в Европе. Для перехода от охотничьего хозяйства и скотоводства к интенсивному земледелию на севере Европы условия были значительно хуже, чем на юге. В то же время сочетание земледелия с охотой и рыболовством долгое время оставалось там весьма хозяйственно эффективным.

Неудивительно, что общинно-родовой строй достиг весьма высокого уровня и задержался на более продолжительное время на севере и востоке Европы. И если рабовладение стало главным фактором разложения общинно-родового строя, то как раз на севере и востоке Европы для его развития не было необходимых условий. Сколько-нибудь развитое классовое общество в сравнительно суровых природных условиях не могло развиваться как общество рабовладельческое. Рабский труд в суровых природных условиях не обеспечивал необходимого минимума прибавочного продукта.

В то же время в Южной Европе примерно целое тысячелетие до нашей эры кривая экономического развития античного мира круто поднималась вверх, хотя и не без отдельных спадов. Движение вперед имело цикличный характер, но в генерализованном виде кривая развития, несомненно, поднималась. В то же время уже в первые столетия нашей эры этот подъем заметно ослаб, позже кривая приняла горизонтальное направление, а затем резко упала. Эти различия в темпах развития можно объяснить следующим образом. На стадии перехода к земледелию распахивались целинные земли, так что рост пашни увеличивал получаемую земледельческую продукцию. При этом расширение пашни влекло за собой увеличение продукции не только земледелия, но и всего сельского хозяйства. На земледельческой базе начало развиваться и животноводство. Производительность труда повысилась в результате как естественного плодородия девственных земель, не истощенных длительным использованием, так и интенсификации хозяйства, увеличения площади садов, виноградников, развития животноводства. Увеличивалась совокупная производительность земли как производительной силы и всеобщего предмета труда.

Начиная земледелие с помощью примитивных, малопроизводительных орудий, земледельцы (пока еще свободные) именно на первых порах вносили больше всего усовершенствований в земледельческие орудия. Это происходило потому, что переход к новому способу производства (именно переходный период) сопровождался общим подъемом энергии, инициативой, изобретательностью. В дальнейшем, когда переход уже в основном завершен, вступают в силу традиции, привычки, наступает стабилизация.

Важным моментом, повлиявшим на изменение хода экономического роста, стало (для Средиземноморья) постепенное истощение почвы, неизбежное в условиях парцеллярного хозяйства. Более легкие, доступные для обработки почвы осваивались раньше всего; на них достигалась если и не высокая производительность земли, то высокая производительность труда. Это фактор технико-производственного характера, но к нему присоединяются и социально-экономические моменты: постепенное измельчание земельных участков — парцелл у свободных крестьян и постепенное присвоение земли аристократией, крупными землевладельцами и рабовладельцами. Крестьянские участки мельчали прежде всего из-за естественного прироста населения в деревне, а в рабовладельческом обществе промышленность предъявляла очень малый спрос на рабочую силу. Совершенно очевидно, что парцелляция земли способствовала снижению производительности труда. Ибо производительность земледельческого труда при прочих равных условиях тем выше, чем больше земли приходится на одного работника (конечно, до определенных пределов). Так, еще до появления рабовладельческих латифундий, до широкого внедрения рабского труда в земледелие в нем уже стали проявляться тенденции, замедлившие в дальнейшем его рост. Во-первых, после того как все или почти все доступные для мелкого земледельца земли были освоены, приостановилось экстенсивное развитие. Во-вторых, уже в то время проявилось замедление в темпах прироста земледельческого производства при высоком естественном приросте населения. Не удивительно поэтому, что римское законодательство большое внимание уделяло нормам землепользования, правилам распределения земель и тщательной фиксации границ земельных владений. Римлянами были заложены осно-

вы землеустройства. «При проведении границ принимались во внимание не только обычаи областей, но и рельеф местности и ее особенности. Так, в каменистых местах разрешалось обозначать границу забором из валунов и камней, собранных при расчистке полей. Землемер был обязан хорошо знать местность и отличать такие пограничные знаки от каменных оград, сооруженных для защиты участков от диких зверей»[1]. Аграрные отношения в античном обществе часто определяли многие проявления политической и идейной борьбы.

Но вводимые улучшения не могли компенсировать снижение производительности труда, происходившее в результате измельчения участков и истощения почвы. Для интенсификации хозяйства требовалось увеличение в земледелии не только живого труда, но и капитала. У рабовладельцев был капитал, но в виде не орудий труда, а сокровищ, недвижимого имущества. Те средства труда, которые имели рабы, не превосходили по своему совершенству орудия мелкого свободного земледельца. Скорее наоборот, орудия рабов были примитивнее, чем орудия свободных земледельцев. Таким образом, интенсификация была недоступна и для крупных рабовладельческих хозяйств. Еще меньше можно было ожидать в этих хозяйствах роста производительности за счет увеличения интенсификации живого труда. Рабы энтузиазма к труду не проявляли.

Был достигнут предел роста производительности рабского труда. И его нельзя было превзойти по двум причинам: техника, дойдя до определенного уровня развития, не могла дальше совершенствоваться при сложившихся производственных отношениях рабства, а живая рабочая сила как простое орудие труда обладает ограниченными возможностями роста. Интенсификация ее достигла предела. Но противоречия, развивавшиеся в античном мире, не исчерпывались этой областью. Выявились не менее гибельные противоречия и в надстройке.

Но почему европейский феодализм дал созреть в своих недрах капитализму, а рабство не давало возможностей для возникновения феодализма, хотя некоторые тенденции к развитию феодальных отношений в Риме, как уже указывалось, были (колоны)? Почему кресть-

[1] Проблемы истории античности и средних веков. М., 1978, с. 42.

янство в феодальной Европе выделило из своей среды родоначальников капитализма, а в рабовладельческом обществе свободные крестьяне этого не сделали? Свободные крестьяне сами были рабовладельцами и, как таковые, не были заинтересованы в изменении социально-экономического строя. В античном мире не было антагонистических противоречий между рабовладельцем-крестьянином и рабовладельцем-латифундистом. При этом в эпоху процветания рабовладельческих обществ Средиземноморья свободные граждане составляли если не абсолютное большинство, то основную массу активного населения, определявшего весь характер общественного уклада и социального развития рабовладельческих государств. Суть в том, что в Южной Европе в развитии рабства (на первых его стадиях) были заинтересованы широкие круги населения средиземноморских стран, в том числе и свободные земледельцы, а впоследствии и так называемая городская демократия. Античная собственность — это «совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации» [1].

Даже самые мелкие землевладельцы были заинтересованы в приобретении хотя бы одного раба, труд которого в условиях Средиземноморья был вполне рентабелен, не говоря уж о более крупных хозяйствах, которые без рабов не могли бы развиваться. Раннее развитие торговли делало возможным покупку рабов всеми, у кого имелись деньги, раб стал доступен для всех. Мелкие собственники были необходимы для расцвета рабовладельческой формации. Они покупали продукты, производимые рабским трудом, в том числе все то, что не производилось в их земледельческих хозяйствах, в первую очередь орудия сельскохозяйственного труда. Они поставляли кадры, руководившие рабовладельческим трудом, используя этот труд и в своих хозяйствах. Наконец, из этих же мелких собственников формировался контингент войск для обеспечения притока новых рабов, они были основой устойчивости государств, выросших на базе рабовладения.

Первоначально рабовладельческие цивилизации развивались в сравнительно небольших государственных

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 21.

образованиях (часто государствах-городах), политически независимых, но тесно связанных между собой экономически. Дальнейшее развитие средиземноморского товарного рабства привело к созданию крупного рабовладельческого государства — Римской империи. Но это наступило уже позже.

Древняя Греция, например, не была по современным понятиям крупным государством, хотя по масштабам рабовладельческого общества она была одним из сильнейших государств, существовавших на первых этапах истории рабовладения в Средиземноморье. Но Греция, как известно, составляя определенное целое в социальном, национальном и культурном отношениях, обычно не представляла собой политического единства. Выдвижению Греции в очень большой степени способствовало разнообразие ее географической среды, и не столько в самой Греции, сколько на окружающих ее территориях (Финикия, Египет, Малая Азия), связанных с Древней Грецией и между собой морскими путями.

Финикия была меньше Египта (200 км×35 км), но с необычайно плодородной в то время почвой. Кроме производства зерна здесь были развиты виноградарство и садоводство. Важное значение имел морской промысел. Раннее развитие получили ткачество и крашение тканей (красящие вещества получали из раковин). Ввозилась шерстяная пряжа из других стран.

Но Финикия не приобрела такой значимости, как Греция, а позднее Рим. Для этого у нее не было сколько-нибудь значительной территории и достаточно многочисленного населения с высокой общей культурой. При общих равных условиях рабовладельческое общество развивалось тем интенсивнее, чем оно было крупнее и чем разнообразнее была географическая среда на территории его формирования. Большие преимущества имели страны, обладающие освоенными путями сообщения и средствами транспорта. Товарность рабовладельческой формации сделала транспорт в эпоху рабовладения важнейшим фактором дальнейшего развития разделения труда как внутри стран, так и между ними. Греция, имея чрезвычайно расчлененную береговую линию, оказывалась среди рабовладельческих государств в очень удобном географическом положении, которое и использовалось греками для укрепления торговых связей со странами всей рабовладельческой ойкумены. Но

эта же сильная расчлененность территории тормозила объединение всех греческих рабовладельческих государств в единое целое, что привело к переходу первенства среди рабовладельческих государств Средиземноморья к более «компактному» Риму.

Рим имел еще лучшие связи со всеми частями Средиземноморья. Он как бы монополизировал все хозяйственные контакты Средиземноморья, и в этом было одно из важнейших проявлений эксплуатации им других рабовладельческих регионов, оказавшихся позже подчиненными Риму и политически. Римская культура была распространена на огромном регионе, в который вошла вся Передняя Азия, Северная Африка, Иберия, Галлия. В той или иной мере все народы, находившиеся под властью Рима, оказывались под сильным воздействием римской культуры.

Рассмотрим теперь вопрос о причинах неразрывности формы и содержания производительных сил и производственных отношений в классовых обществах. В рамках феодальной и буржуазной формаций растут производительные силы более высокого уровня и совершенной формы по сравнению с производительными силами, адекватными господствующей основной форме производственных отношений. В античной формации таких сил не вызревало, просто замедлился рост производительных сил, и без внешнего толчка переход к новому способу производства сам по себе оказался невозможен. В этом и состоит принципиально важная общность и различия между этими обществами. Все виды производственных отношений, все виды противоречий, как бы они ни были многообразны, особенно в период становления и расцвета данных формаций, к моменту их гибели сводятся к одному основному *безысходному противоречию,* вытекающему из замедления в развитии производительных сил. А это означает, что все виды, все элементы производительных сил объединились, слились в единство под общей формой производственных отношений, в данном случае рабовладельческих.

Рабовладение обладало внеэкономическим преимуществом, ибо оно целиком основывалось на непосредственном принуждении. Феодализм основывался на том же. Но феодальная форма не была столь прочной и не могла поставить непреодолимых преград для роста производительных сил и смены способа производства.

Отличие феодализма от рабовладения состояло прежде всего в том, что средства производства при его господстве находятся во владении производителя, хотя и зависимого внеэкономически от земельного собственника. Возникает вопрос: а было ли вообще античное общество в Южной Европе способно перейти к феодализму? История ответила на этот вопрос отрицательно. Переход к феодализму совершился здесь в результате нашествия германских племен, т. е. внешнего воздействия, а не в итоге саморазвития античного общества. Следует учесть, что хозяйства лично свободных крестьян концентрировались главным образом не в самой Италии, а в римских провинциях, на окраинах государства. Феодальный способ производства предполагает меньшую степень эксплуатации, чем рабовладельческий, а это значит, что прибавочный продукт, извлекаемый феодалами, был бы в своей массе меньше, чем при рабовладении, и его не хватило бы на содержание централизованного бюрократического аппарата и на поддержание привычного для рабовладельцев образа жизни, развития культуры и т. д. Техника же раннего феодализма по сути не отличалась от техники рабовладельческого общества, а организация мелкого феодального хозяйства также была не выше крупных рабовладельческих хозяйств.

В античном обществе, с одной стороны, сложились условия, замедляющие развитие производительных сил, а с другой — в нем не было достаточно многочисленного и организованного общественного класса, кровно заинтересованного в развитии нового способа производства. Распад Римской империи на относительно более примитивные политические организации, соответствующие феодальному способу производства, был неминуем. Только в результате распада империи, а следовательно, и централизованного бюрократического аппарата мог произойти переход к феодализму. Но это означало бы, что рабовладельцы должны были бы добровольно отказаться от своего привычного образа жизни, от роскоши и культуры и опуститься до уровня грубого средневекового феодала и, кроме того, тоже добровольно разрушить государственный аппарат, обеспечивший их господствующее положение, их высокий уровень жизни. Ожидать такого добровольного перехода к феодализму от рабовладельцев было нельзя. В то же время в усло-

виях рабовладения из числа рабов не могло возникнуть социальной прослойки, обладающей возможностями для овладения средствами производства. Известно, что восстания рабов не имели осознанной цели, кроме приобретения свободы. Более того, освободившись от рабства, бывшие рабы сами зачастую становились рабовладельцами. Рабы были классом, не способным изменить способ производства. Рабовладельцам становилось экономически все менее и менее выгодно иметь рабов. Сложился социальный и экономический тупик, из которого рабовладельческое общество так и не нашло выхода.

Для революционного решения проблемы рабы вследствие самого рабского способа производства не были подготовлены и не могли быть подготовлены к реорганизации общества.

Почти полное отсутствие промежуточных элементов в структуре рабского общества — важнейший признак, отличающий его от феодального. Почему же при рабовладении не возникли промежуточные общественные группы? Очевидно, потому, что процесс классообразования происходил здесь все же достаточно энергично и стремительно. Промежуточные, переходные ступени в этих условиях не смогли сформироваться. Этот процесс ускорен был и самой политической надстройкой, часто опиравшейся на демократию, на плебс, крестьянство. При этом античные государства, развивая рабство, тем самым разрушали единственный класс, который мог бы выделить из себя не рабские формы, — крестьянство. Почему свободные римские крестьяне, разоряемые конкуренцией рабов, не выделяли из своей среды феодалов? Или почему по примеру разоряемых крестьян Центральной Европы они не принимали «покровительства» крупных землевладельцев? Или почему наиболее зажиточные крестьяне не стали использовать наемный труд?

Для всего этого необходим был емкий рынок сельскохозяйственной продукции. Кроме того, продукты, производимые крестьянами, должны были выдерживать конкуренцию продуктов рабского труда. Это в ряде случаев было попросту невозможно из-за непомерной эксплуатации рабов. Но наемный труд производительнее рабского, так что шансы на успех у свободных крестьян, казалось, были. Да, но как раз в сельском хозяйстве, особенно в ту эпоху, при отсутствии машин, произ-

водительность труда в очень сильной степени зависела от самой земли. Производительность свободного крестьянина была немногим выше производительности раба и не могла компенсировать дешевизну рабского труда. Затем, и это, пожалуй, самое главное, свободное крестьянство обладало правами свободного человека, которого в благоустроенном Римском государстве никто не обижал. Искать покровительства у частных лиц не было никакого смысла, государство охраняло его жизнь и имущество от всяких насилий. Экономически крестьянин также ничего не мог выиграть от патроната, кроме того, что он должен был бы делиться с ним своими доходами. Разоренный крестьянин искал поддержки государства, становясь люмпен-пролетарием, переселяясь в Рим на даровые хлеба («Хлеба и зрелищ!»). А в худших случаях, когда он залезал в неоплатные долги, он вынужден был обращаться в раба. Имущие классы предпочитали снабжать крестьянина не орудиями труда, а деньгами. Ростовщичество было весьма развито в Риме. И это понятно. Для рабовладельцев, имеющих крупные земельные владения, было выгоднее использовать труд рабов, чем свободных крестьян.

Одним из основных противоречий рабовладельческого строя являлось сокращение рынка сбыта как для продукции рабовладельческого хозяйства, так и для продукции мелкого свободного сельскохозяйственного производства. Конкуренция рабского хозяйства и войны разоряли мелкое парцелльное хозяйство и тем самым сокращали рынок сбыта[1]. Пролетаризуемое крестьянство переходило на государственное снабжение, получая от государства по дешевке хлеб, выкачиваемый из провинций. Отсюда еще больше сокращался рынок сбыта

[1] Господствующим типом поселений в Римской империи IV и V вв. было поместье, или так называемая вилла. При этом вилла как бы распадалась на две части (состояла из двух частей), из которых одна часть, собственно поместье, возделывалась трудом рабов под личным надзором рабовладельца (или его надсмотрщика), а другая состояла из усадеб и наделов как рабов, прикрепленных пожизненно или на время к этим участкам, так и свободных съемщиков (арендаторов), также в одних случаях краткосрочных, в других пожизненных или даже наследственных.

Войны II и III вв. с германскими племенами и парфянами уже не доставляли Риму большого количества рабов, как это было в прошлом. Это обстоятельство, сделавшее из невольников более редкий товар, повысило их цену, а потому и рабский труд делался все менее выгодным. Раб часто не вырабатывал того, что сам съедал.

и для той сельскохозяйственной продукции, которая производилась сохранившимися парцеллярными хозяйствами. В результате — форсированное оскудение, распад хозяйственных связей, натурализация хозяйства. И на этой распадающейся базе формировалась чудовищная по своему бюрократизму политическая надстройка, разбухавшая тем больше, чем сильнее распадалась экономическая база. Отсюда рост нажима налогового винта, закрепощение, прикрепление всех сословий и еще большее сокращение возможностей к подъему производительности труда. «Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывавшего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, до размеров которых сократилось огромное производство времен расцвета империи, не могло найти применение большое число рабов. <...> Рабство перестало окупать себя и потому отмерло. Но умирающее рабство оставило ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду. То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства. Вывести из этого состояния могла только коренная революция»[1].

Сила самодвижения в античном обществе была достаточной для доведения рабовладельческой формации до полного крушения, но она была неспособна к переходу к новой формации.

В то же время в рабовладельческих государствах, в частности в Средиземноморском регионе, впервые в истории человечества начало развиваться производство, наука, культура. «Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»[2].

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 148, 149.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 185—186.

РЕГИОНАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

В Средиземноморье феодализм сменил рабство. На территории большей части остальной Европы он сменил бесклассовое общество, общинно-родовой строй. Но как в Италии, так и на севере Европы феодализм стал господствовать примерно в одно и то же время. Отставшая в своем развитии вплоть до крушения Рима Северная Европа как бы сравнялась с Южной Европой: к VI в. обе части континента одновременно пришли к феодализму.

Господствовавшее рабовладение разлагалось примерно в одно и то же время с германскими родо-племенными формами, что усиливало территориальную экспансию со стороны германских племен. Но разложение родового строя привело у германцев не к рабовладельческому обществу, а к феодальному. Восстановление рабовладельческих производственных отношений в Средиземноморье было уже невозможным. Победители (германские племена) не могли создавать то, что они разрушали.

Географические условия севера и востока Европы способствовали продлению родового строя, так как создавали больше возможностей пусть для медленного, но все же развития производительных сил и при этих общинных отношениях, имевших в этих регионах свои преимущества перед рабовладением. Поэтому в Центральной и Восточной Европе он сохранялся долгое время. Совершенствуя орудия труда, улучшая систему хозяйства, германцы и славяне прошли путь к феодализму, не создавая рабовладельческих государств. Разрушая Римскую империю, германцы уничтожали рабство еще и потому, что значительная часть рабов была их соплеменниками.

Позже, когда наступила стабилизация (после разгрома Рима, примерно с VI в.), германцы встали перед задачей освоения лесных массивов. С этого же примерно времени начинает усиливаться имущественная дифференциация, форсируемая военными событиями, но имеющая в своей основе развитие техники. Тот факт,

что сельское хозяйство велось при помощи сравнительно дорогих орудий и тягловой силы, создавал условия для разорения части крестьянства внутри первых общин. Но, разоряясь, они оставались членами марки; не превращаясь в рабов. Выходом для них явилась зависимость от более богатых общинников, но не рабство. Превращать разорившихся соплеменников в рабов было невыгодно и богатым. Они получали бы меньше дохода. Условий для специализированных хозяйств еще не было, а при ведении натурального хозяйства в суровых природных условиях Германии рабский труд себя не оправдывал. В условиях Центральной и тем более Восточной Европы с географической средой, столь несхожей со средиземноморской, развитая форма классового общества начинается с феодализма. Первым эксплуатируемым классом, который обеспечивал экономическое развитие этих регионов, было крестьянство.

Процесс феодализации усиливается, особенно после падения Римской империи, когда германцы встали на путь развития экстенсивного хозяйства в сочетании с активным использованием материальной культуры, созданной в античном обществе. Разоряя Рим, они пошли по линии наибольшей скорости развития с наименьшими затратами. Этот путь означал историческую преемственность в ее основах, т. е. *в материальной базе общества*. Германцы не отказались от использования производительных сил, созданных в античном обществе, но они сохранили и то направление в развитии, которое у них было до завоевания Рима. На основе синтеза достигалось общественное объединение двух до этого в значительной мере изолированных географических регионов.

«Вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая лишь кое-где протягивала свои ветви в глубь материка и по Атлантическому побережью Испании, Франции и Англии и которая поэтому легко могла быть разорвана и смята германцами и славянами с севера и арабами с юго-востока, — теперь одна сплошная культурная область — вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов»[1]. Объединив столь разные географические районы, первое время люди преимущественно

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 506.

использовали географическую среду южной части этого региона. Захваченные земли не требовали больших затрат на свое возделывание, что и позволило германцам увеличить сельскохозяйственную продукцию и сделать скачок в своем общественном развитии. Все наиболее ценное, и прежде всего в значительной мере очеловеченную природу, они получили в готовом виде. Говоря иначе, они унаследовали колоссальное количество овеществленного в географической среде труда, затраченного рабами в течение многих столетий!

Роль географической среды выражалась в том, что благодаря ее различиям между севером и югом Европы сложились различия и в общественной структуре населявших их народов.

Природа Центральной и Восточной Европы в сравнении с природой Средиземноморья более однообразна, так как ее разнообразие направлено больше вглубь, чем вширь. Развитие проходило здесь под ведущим воздействием земли как главного средства производства в сельском хозяйстве и как предмета труда. На преобладающей значимости земли (а отсюда и земельной собственности) возник, а позже развился европейский феодализм. Создались условия большей тяжести «на подъем», но зато с зачатками для более масштабного развития хозяйства с более высокой экономической структурой, хотя и не столь разнообразной, как на юге, но зато более мощной.

Ландшафты древней Германии, например, представляли собой своеобразное сочетание лесостепей с непроходимыми лесистыми горами, дававшими мало простора для развития земледелия. Между тем рост населения требовал расширения сельскохозяйственных угодий, которое наталкивалось на большие трудности. Надо было раскорчевывать девственные леса, осушать болота, что было делом по тем временам настолько трудным, что часто казалось непреодолимым. Поэтому в истории древней Германии неоднократно возникали периоды относительного перенаселения; переселение на новые места представлялось иногда более легким выходом, чем интенсификация сельского хозяйства.

В конечном счете со своеобразия зерновых культур, с которых в Европе возникло мотыжное, а затем и плужное земледелие, берет свое начало и специфика экономического развития европейских стран. Плужное

земледелие сделало необходимым органическое соединение земледелия и скотоводства. Для плуга было нужно тягло.

Здесь мы снова видим результат влияния географического фактора. В районах с теплым климатом и плодородными почвами можно было получать высокие урожаи и на небольших земельных участках, тщательно обрабатывая их мотыгой. Земля в таких условиях требует более тщательной обработки, а культурные растения — более тщательного ухода. Только ручной труд мог обеспечить здесь достаточно высокие урожаи, особенно при внедрении технических культур. Во всех этих случаях состав полевых культур в значительной степени определяет регионализм и в сельскохозяйственной технике. Уже на стадии раннеклассовых производственных отношений состав полевых культур получает определенное общественное значение. В районах с более суровым климатом и менее плодородными почвами (лесная зона) земледелие на мелких участках было нерентабельно, а более крупные массивы требовали тягла; одним ручным трудом обойтись здесь было невозможно. Поэтому на севере распространилось плужное земледелие.

Эта наиболее развитая в докапиталистическом обществе форма землепользования и отрасль хозяйства наиболее характерна для феодальной формации. Господствующей отраслью плужное земледелие являлось в родовом и феодальном обществах. Но в родовом обществе решающее значение для общественной структуры имела степень разложения древних уз кровного родства, а не форма земледелия. Следовательно, определяющее значение для общественной структуры земледелие получило лишь при феодальном способе производства. При капитализме земледелие перестает быть общественно-определяющей отраслью хозяйства. Такой отраслью становится промышленность. Тот факт, что земледелие безотносительно к его роли в общественном строе совместимо с различными социально-экономическими формациями, свидетельствует о его эластичности. По своей технической природе оно способно к развитию в различных социально-экономических условиях совместно с различными способами производства.

Германцы в эпоху столкновений с Римом отличались от других народов тем, что они использовали орудия

труда более высокого типа, у них была более сложная, комплексная, система хозяйствования.

Орудия труда, а также скот легче поддаются усовершенствованиям, чем земля. И один только этот факт уже имел значение для развития индивидов, так как забота об усовершенствовании орудий и улучшении породности скота требует от людей сил и навыков, соответствующих генеральной линии развития человечества.

Такая направленность в развитии общества усиливалась географической спецификой Центральной Европы, требующей для производства необходимого общественного продукта больше труда и постоянного повышения его квалификации.

В этом и была одна из главных причин более позднего возникновения у германцев классового общества и государства. Но в то же время эти особенности развития лучше подготовили их для восприятия античной культуры, чем народы Азии или Африки.

Экстенсивная система хозяйствования, облегчаемая достаточно высоким типом орудий, задерживала переход от полукочевого земледелия к оседлому. А полукочевой характер хозяйства способствовал сохранению коллективных форм производства и потребления, так как тормозил переход земли в личную собственность (тем более наследственную). При частых переходах не возникало и необходимости в том, чтобы делить землю между семьями. Возможно, в определенный период у германцев господствовало «право захвата», при котором каждый двор распахивал столько земли, сколько мог захватить. Но и это не могло укорениться при частых передвижениях племени в целом. Перемещение германских племен было опять же обусловлено спецификой географической среды. Удобные для обработки и более плодородные почвы чередовались с песчаными или тяжелыми, трудными для обработки почвами, мало плодородными и т. д. Меньшее разнообразие географической среды в Северной Европе по сравнению со Средиземноморьем замедляло развитие хозяйственных различий и хозяйственно-общинных отношений. Отсюда замедлилась и имущественная дифференциация у германцев. В дальнейшем использование сравнительно дорогих орудий труда привело к хозяйственной дифференциации и к усилению класса феодалов. Но это дифференцирующее

воздействие происходило замедленно, и коллективная форма хозяйства длительное время сохранялась.

Но поскольку у германцев были рабы, постольку надо полагать, что уже в эпоху Цезаря германцы жили родами с семейно-подворным ведением хозяйства и таким же, вероятно, распределением продукции. В то же время военные потребности в свою очередь удерживали коллективную форму общественно-хозяйственной организации. Введение плуга в доклассовую эпоху было вызвано условием среды. Но плужное земледелие требовало достаточно больших пространств, свободных от леса. Однако германцы далеко не сразу научились расчищать девственные леса, да в этом и не было необходимости, до тех пор пока можно было переселяться на новые, пригодные для распашки земли.

Кроме того, для расчистки леса надо было обладать каким-то «капиталом», а именно хотя бы запасом хлеба на период раскорчевки леса, что не всегда было возможно, особенно пока не увеличились объемы прибавочного продукта. Такого рода увеличение прибавочного продукта мог бы дать рабский труд. Рабы у германцев были, но ими владели только знатные люди, промышлявшие военной добычей. Так что рабы создавали очень небольшой прибавочный продукт для существования весьма неприхотливого хозяина. Они, следовательно, не были главной производительной силой. Рядовые члены общин работали сами и рабов не имели. А значение раба сводилось не столько к извлечению прибавочного продукта, сколько к восполнению недостающих рабочих рук на тяжелых работах в определенные сезоны, а также во время отлучек мужчин по «военным надобностям». Это было полупатриархальное рабство, возникшее на стадии разложения коллективных хозяйств.

Рабский труд оказывался совершенно непригодным при раскорчевке лесов. Да и где было взять рабов? В Греции и Риме рабы или покупались, или захватывались на войне. При этом войны велись организованным рабовладельческим государством с народами, стоявшими на более низкой ступени развития. В окружении германцев таких народов не было. К тому же германские племена вплоть до Карла Великого не имели и столь организованного государства, которое могло бы с успехом вести войны с целью добычи рабов. Сложившиеся в VI и VII вв. государства были сильны лишь

для того, чтобы помогать знати отбирать землю у крестьян, превращая их в крепостных.

Но главное даже и не в этом. Внутри Центральной и тем более Северной и Восточной Европы так и не возникли социальные группы, заинтересованные в организации рабского хозяйства. Сравнительно долгое время здесь не было сколько-нибудь значительных территориальных и социальных различий среди народонаселения. Слабое развитие торговли задерживало возникновение богатых слоев населения, которые могли бы покупать рабов для организации крупных хозяйств. Применение рабского труда в мелких хозяйствах не имело смысла. Земельные собственники стали, правда, вести крепостное барщинное хозяйство, довольно похожее на рабское, но все же инвентарь в нем преимущественно или даже исключительно принадлежал крепостным, а не помещику.

Почему же феодал не заводил свой инвентарь и не превращал крепостных в рабов? Сделать это было чрезвычайно трудно. Крепостные вышли из свободных и помнили это. Кроме того, нужны были войны, а рабы воевать за господ не хотели. К тому же любая отрасль хозяйства, особенно когда она выдвигается в качестве решающей, имеет своих живых и мертвых носителей. Живые носители способа производства в данном случае — крестьяне и феодалы. Крепостной так же заинтересован в процветании своего хозяйства (правда, до определенного момента!), как и его господин; феодал заинтересован в усилении экономической мощи своего владения («феода»), в получении большего прибавочного продукта, и он содействует развитию производительных сил в своем владении. Классовая борьба не должна заслонять этого факта.

Следует иметь в виду, что технические средства также всегда находятся в соответствии со способом производства. Более того, даже окультуренные географические ландшафты несут на себе определенный отпечаток способа производства! И в этом нет ничего удивительного, так как общественное воздействие на природу, характер этого воздействия определяются способом производства.

Когда после разгрома Рима короли в результате конфискаций имущества побежденных получали средства для пополнения казны, источник для покрытия госу-

дарственных издержек, денежных и земельных раздач своим приближенным и военачальникам, то, присваивая себе домены римских императоров, они создавали один из первоначальных типов частной собственности и утверждали новые общественные порядки, не зависящие от общинно-родовых. В юридическом отношении здесь не обошлось без влияния римского права. Ведь те же меровингские правители по сути дела встали на место римских императоров по отношению, например, к принадлежавшим им доменам в Галлии. А эти последние перешли в руки Меровингов при тех же сложившихся во времена еще римского господства хозяйственных и правовых порядках. Такая преемственность содействовала распространению частной собственности на землю, поместной системы землепользования среди франкского населения. Одновременно с ростом частной собственности на землю формируется и наследственное право на владение ею. Постепенно частное, наследственное землевладение получает постоянно усиливавшуюся защиту со стороны государственного законодательства. Внедрение римского права в государствах феодальной Европы имело большое значение и для концентрации земельной собственности в руках церкви. Это особенно сильно стало проявляться, когда духовенство начало проводить в издаваемых законах римское начало свободного распоряжения земельной собственностью. Но здесь следует напомнить, что отличительной особенностью общинного землевладения было равенство в землепользовании. В пределах каждой общины семейные наделы были либо равной величины, либо соответствовали величине семьи. Например, наследственное право на землю у англосаксов основывалось на равенстве наделов без отчуждения и переделов. Отчуждение земли из общинного владения распространилось лишь с усилением феодальных отношений, первоначально главным образом под влиянием духовенства. Монастыри использовали стесненное положение крестьян и, ссужая их деньгами под «земельный залог», брали в свое пользование часть земельных владений должника. При неисправности должников земля оставалась за монастырем, иногда при условии незначительной доплаты прежнему владельцу.

Крупные землевладения у англосаксов (и не только) сравнительно позднего происхождения. Они возникли в результате «пожалований» королей. А до начала

этих пожалований земля принадлежала свободным сельским общинам. Их обезземеливание в Западной Европе и делало возможным развитие крупного землевладения. Но процесс этот имел значительные региональные особенности.

В отличие от Франции и Англии Германия дольше сохраняла характерные для родового строя черты землевладения. Марка объединяла в один союз пользователей угодьями, поместные и свободные общины, крупное и мелкое землевладение. Низший суд, как и все местное самоуправление, целиком входил в ее ведение. Члены общин владели землей на основе частной собственности, но в сочетании с общинной, особенно на пастбища. При этом земельные права общины распространялись на всю определенную территорию, в том числе и на частнособственнические земли крестьян, включавшиеся ими в общинную собственность. К общинным повинностям привлекались даже лица привилегированных сословий, духовенство и дворянство, если они приобретали участки общинной земли.

Сам термин «марка» на первых порах означал границу владений. Но позже он получил и другой смысл. Так стали называть округа, в пределы которых входили как общинные, так и частные земельные владения. Часто такая форма обобществления приводила к утрате мелкими собственниками своей земли в пользу марки, которая в свою очередь нередко оказывалась целиком собственностью крупного землевладельца-феодала (маркграфа). Марка существовала с VII до XII в., т. е. пять веков! Это был период превращения общинного землевладения в феодальное, когда необеспеченность мелких собственников, небезопасность самой жизни заставляли их искать покровителей у более богатых совладельцев внутри марки, оговаривая все же для себя права долгосрочного наследственного арендатора. Такого рода процесс создания крупных земельных латифундий и их «огосударствливание» шел по всей Европе, и уже одно это указывает, что объяснять такого рода феодализацию только одним влиянием Рима было бы неправильно. Ведь это явление характерно и для регионов, где римское влияние было чрезвычайно слабым или его вообще не было. Следовательно, дело здесь не в римских, германских, кельтских или славянских особенностях, а в развитии производительных сил и на этой

основе определенной общности социального развития.

Набеги норманнов и сарацин, а также вымогательства и притеснения графов при взимании налогов и требованиях несения военной службы играли громадную роль в стремлении свободных крестьян-общинников обменять свою независимость и свое право на земельную собственность, на покровительство и экономическую поддержку наиболее влиятельных магнатов. Весьма часто крестьяне предпочитали зависимость от сеньора военной службе.

В Англии по законодательству короля Альфреда (IX в.) для людей свободного звания специально оговаривалось право перехода в зависимость к феодалам, готовым принять их «под свою высокую руку». Как и на континенте, условия перехода в зависимое положение к крупным землевладельцам не оговаривались, это было право выбора. Позже приискание поручителя признается обязательным. В континентальных законодательствах прямого вмешательства во взаимоотношения между крестьянами и землевладельцами не было (в отличие от Англии), что объясняется большей быстротой процесса закрепощения свободных крестьян.

Войны усиливали разорение, а отсюда и закабаление крестьян феодалами, так как из-за них все время возникала потребность в покровительстве со стороны вооруженной дружины феодала. Усложнение социальных, оборонных задач вступало в противоречие с усложнявшимися хозяйственными функциями, с необходимостью хотя и весьма еще ограниченной, но все же интенсификации сельского хозяйства. Крестьяне именно потому, что они из универсальных работников превращались только в крестьян, *целиком* занятых в сельском хозяйстве, теряли возможность быть одновременно и воинами. Ведение войн они предоставили феодалам.

Феодальное государство и феодальная собственность имели свои отличия от античной собственности и государства. Феодальная собственность, «подобно племенной и общинной собственности... также покоится на известной общности, которой, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. <...> Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная

структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства»[1].

Концентрация земель в руках феодалов сопровождалась расширением сельскохозяйственных угодий, в лесной зоне — за счет раскорчевки леса, первоначально в результате труда больших крестьянских семей. Позже организаторами раскорчевок выступали феодалы и даже феодальные государства. При этом, учитывая постоянные общественные неурядицы, сеньоры часто не довольствовались раскорчевкой в собственных лесах, создавая заимки и в чужих, что приводило к военным столкновениям между феодалами. Но все же в первую очередь раскорчевывались лесные угодья крестьян и общинные леса. Они в ряде случаев полностью превращались в поля. При господстве самоуправства крестьяне нигде не могли найти для себя защиты, а теперь не оставалось и лесов, откуда крестьянские отряды совершали нападения на феодалов, заставляя их тем самым несколько ограничивать свои грабительские аппетиты. Не было у крестьян стран Западной и Центральной Европы и возможности для миграции.

Здесь следует отметить большое значение лесных угодий, которые сравнительно долго были резервом общинной собственности на землю; все общинники неограниченно пользовались богатствами леса, и установление феодальной собственности на него сильно обостряло классовые противоречия. «Лес в условиях феодальной Европы становился объектом социальных противоречий, которые рождали острые конфликты. Они проявлялись в непрерывных локальных столкновениях — восстаниях, вызванных исключительно борьбой за лес, и в крупных движениях (гуситские войны, Крестьянская война в Германии), где этот момент явился лишь одной из причин, побудивших крестьян взяться за оружие»[2].

Произвольный захват общинной земли феодалами, добровольная передача мелкими собственниками своих

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 22.

[2] *Серовайский Я. Д.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 183.

земель крупным землевладельцам, связанное с этим фактом ослабление свободных общин и столь же свободного пользования угодьями (в том числе и охотничьими) — все это, вместе взятое, и подготовило наступление исторического периода, когда феодальное поместье вытесняет собой хозяйства свободных крестьян. Феодализм по мере своего усиления все в большей и большей мере усиливал внеэкономические формы эксплуатации.

Зародыши феодального строя известны в Византии, да и на мусульманском Востоке, когда за службу чаще всего вознаграждали земельными пожалованиями, носившими сперва характер пожизненных владений, а затем и наследственный.

Но в странах мусульманского Востока, как правило, на базе таких пожалований не формировалось мелких государственных образований. В Западной Европе крупное землевладение было материальной основой разложения политически централизованных монархий. Политическим фактором, содействовавшим такому усилению феодальной раздробленности государственной власти, были судебные и финансовые изъятия, или, точнее, иммунитеты, которыми меровингские, а затем и каролингские правители наделяли крупных земельных собственников, как светских, так и духовных. Этим они как бы освобождали вассалов и крестьян если не от центральных, то уж во всяком случае от местных органов королевского управления и суда и переносили на собственников земли право осуществлять многие правительственные функции по отношению к зависимым от них крестьянам и более мелким землевладельцам, как свободным, так и тем более несвободным [1].

С поглощением мелкого землевладения крупным специфику экономического развития стали определять поместья. Земли размежевывались на сравнительно крупные участки, которые пахали тяжелым плугом с упряжкою в шесть, а то и восемь быков. Хозяин, впрягавший двух быков, имел двойную долю участия против того, кто впрягал только одного быка. Вилланы совместно обрабатывали не только землю сеньора, но и земли, находившиеся в их распоряжении. То обстоятельство, что отдельные крестьянские дворы в течение многих

[1] Значительная часть функций управления (правда, второстепенных) в средние века осуществлялась все же через выборных мирских представителей.

поколений владели одним и тем же рабочим инвентарем, позволяло им удерживать из года в год одни и те же земельные участки.

Отмечая место и роль феодальных отношений, нельзя забывать, что раскорчевка лесов являлась по тем временам условием прогрессивного развития: под покровом феодальной системы можно увидеть глубокие следы родовых общин, члены которых, передав себя под защиту и покровительство феодалов, все же всемерно старались сохранить свою первоначальную независимость. И это явление представляет весьма большой интерес, так как оно стало затем одним из глубинных факторов антифеодального движения. Общинные пережитки часто трансформировались в стремление к независимому от феодалов товарному хозяйству.

Общинный строй, несомненно, сдерживал пролетаризацию крестьянства. Во многих общинах, например, длительное время строго запрещалось вывозить или отчуждать за пределы общины без разрешения сообщинников всякого рода предметы потребления. Вся сельскохозяйственная и ремесленная продукция, производимая в общине, должна была потребляться внутри ее. Это полностью относилось и к выращиваемому скоту. И все же рыночные отношения постепенно смели все эти преграды. Рынок сделался необходимым для крестьян. В то же время рост сельскохозяйственной продукции и вывоз ее в города, а также все меньший возврат в землю изымаемых при сборе урожаев веществ усиливали истощение почв. Росла цена сельскохозяйственных угодий, а вместе с этим усиливалась и классовая борьба за землю между крестьянством и дворянством. Эта борьба закончилась в Европе победой феодалов ценой большего (хотя далеко не абсолютного!) подчинения их крепнувшей центральной государственной власти. Одержав победу над крестьянами, дворяне сами начали организовывать производство товаров в своих поместьях, сами начали продавать их купцам. Кроме того, государственное земельное право устанавливалось в феодальной Европе чрезвычайно медленно. Известно, что в XII в. несколько вассалов, не желая зависеть от французского короля, сделались вассалами английского короля, передав ему верховное владение всеми своими землями. Но в начале следующего столетия они отказались признавать над собой суверенную власть анг-

лийского короля и тем самым лишили его всех французских владений (Иоанн Безземельный). Этот пример наглядно показывает, что территория феодальной Франции как единое государство представляла собой нечто весьма «зыбкое», а отсюда и право на земельную собственность не отличалось большой прочностью. Даже обладающий наименьшими государственными прерогативами феодал длительное время оставался государем для всех проживающих на территории его владения. На «своей» территории он совмещал функции землевладельца, судьи и управителя. Хотя власть такого мелкого феодала по своему объему и равнялась власти местного управления, подчиненного власти более высокого по рангу феодала, но имелось и определенное различие. Феодал не чиновник, всецело зависящий от господина или от чиновника более высокого ранга. Феодал — собственник. А соединение собственности с функциями управления придавало ему особый вес и силу. Феодальная собственность, следовательно, длительное время как бы находилась в «противоречии» с централизованной государственной властью. Государственные чиновники в целом ряде случаев не имели даже права входить в феодальные владения.

Но если такое раздробление государственной власти было весьма характерно для континентальной Европы, то в Англии этого не произошло, во всяком случае в такой степени, как на континенте. Уже в XI в. она превратилась в централизованное государство. Феодальное землевладение не сопровождалось в Англии столь сильным раздроблением государственной власти, как во Франции и Германии.

Переход к земледелию в Англии завершился за много сотен лет до нашей эры, причем ткачество (полотно) было известно там не менее давно. Основы внутриобщественного и одновременно территориального разделения труда были закончены здесь еще в эпоху переселения на остров кельтов. Крепостничество получило развитие в VII и VIII вв., но оно не достигло там такой же силы, как на континенте. Денежные отношения, разложение родового строя развивались в Англии под влиянием внешней торговли продукцией производства. Торговали шерстью, а затем и сукном; уже в VII в. из Англии вывозили грубые сукна и шерсть. Развитие овцеводства, суконного производства, стимулируемое внеш-

ней торговлей, ускоряло разделение труда, в частности разделение между земледелием и овцеводством. Развитие суконного производства увеличивало занятость населения, что косвенно стимулировало и развитие земледелия, так как увеличивался спрос на земледельческую продукцию. Развивался внутренний рынок. Возникали города. К середине XI в. в Англии было не менее 80 городов. Отличные транспортные условия были дополнительным фактором, ускоряющим процесс разделения труда.

Но как ни важны эти различия, они все же имеют частный характер. Если внутри исторического процесса выделить главное, то в нем можно увидеть совершенно определенную общность. Будучи следствием общих материальных условий развития, децентрализация государственной власти была характерна для феодального периода во всей континентальной Европе. Причиной крушений крупных государств как на западе, так и на востоке Европы было несоответствие обширных государств материальному производству того времени, основанному на натуральном хозяйстве. Обширное централизованное государство не соответствовало эпохе натурального хозяйства.

Территориальные различия в этот период были в значительной степени связаны с воздействием географического фактора, способствовавшего в тех условиях феодальной раздробленности и оказывавшего опосредствованное влияние на многие стороны общественной жизни до идеологии включительно. Главным идеологическим орудием в руках феодалов была церковь. Служители религиозных культов (особенно представители высшей церковной иерархии) непосредственно входили в состав господствующего класса. Но и здесь была своя география. Во Франции целый ряд обстоятельств дал духовенству гораздо большую власть, чем в Англии, поэтому во Франции духовная власть церкви наложила более тяжелый отпечаток на многие сферы общественного сознания [1]. Во времена раннего феодализма католиче-

[1] Философия христианства создала традицию абсолютного противопоставления общества природе. Сама мысль о единстве человека и природы для последовательного христианина чужда и кощунственна. Именно в христианстве, как ни в одной другой религии, граница между миром человека и природы представляется абсолютно непреодолимой из-за догмата полного превосходства чело-

ская церковь даже как бы заменяла собой государственную власть. Войны были узаконены во Франции, и дворяне могли нападать друг на друга «по праву». В Англии аристократия не была настолько сильна, чтобы добиться признания такого права, хотя она и пользовалась им довольно часто. Рыцарство наиболее пышно расцветало во Франции. Это явление отнюдь не способствовало реформам. Будучи направлено против отдельных злоупотреблений, оно было противоположно духу преобразований, которые, искореняя зло, уничтожают и причины этого зла. Рыцарство представляло собой соединение аристократической и церковной опеки. В нем синтезировалось суеверие монахов и разврат солдатни... И какими бы возвышенными ни были стремления отдельных рыцарей, рыцарство в целом сдерживало общественное развитие.

Борьба с феодалами в английских условиях носила социально-экономический характер, во Франции — преимущественно надстроечный, политический. А это не одно и то же. В Англии в антифеодальную борьбу были вовлечены более широкие слои трудящихся. Политическая борьба, столь характерная для феодальной Франции, охватывала меньшее количество народа и часто ограничивалась борьбой между группировками и фракциями («фрондерство»).

Во Франции только к XVIII в. была создана материальная основа для нового способа производства и только после этого развернулась подлинно народная борьба против феодалов. В Англии переход к новому способу производства произошел раньше. При этом создание его экономической основы и политические преобразования произошли почти одновременно, что позволило новому господствующему классу — буржуазии установить капиталистические производственные отношения без «великой» революции. И во всем этом в определенном смысле «повинно» островное положение Англии, позволяющее значительное время развивать экономику без сколько-нибудь значительных внешних вторжений, а затем укрепить свое положение как крупнейшей морской державы.

века над природой. Отсюда заранее прощаются (отпускаются грехи) все ошибки в отношении к природе, так как они объявляются легко исправимыми, а человек вечно остается полновластным хозяином земли, данной ему всевышним.

Важное обстоятельство, в значительной мере обусловленное чрезвычайно большим разнообразием географической среды в Западной Европе,— это четкие физико-географические рубежи, ставшие постепенно границами отдельных районов, а позже и границами государств. Феодальную раздробленность в Западной Европе помимо общих причин общественного характера, несомненно, усиливал и географический фактор. Феодальные, а затем и буржуазные государства формировались в естественных границах, в них же формировались и нации. Феодальная замкнутость преодолевалась по мере развития капитализма, но национальная замкнутость сохранилась. И когда представители нации, оказавшейся победительницей в войнах, которых при становлении капитализма было немало, попадали на территорию завоеванной страны, они чувствовали себя господами по отношению к завоеванному народу. Последний английский клерк считал себя выше индийского раджи!

Национализм, сформировавшийся в определенном смысле еще при феодализме, не только не уменьшился, но с развитием капитализма пышно расцвел в странах Западной Европы. Это в свое время отмечал К. Маркс. «Все промышленные и торговые центры Англии обладают в настоящее время рабочим классом, который *разделен* на два *враждебных* лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего... чувствует себя по отношению к нему представителем *господствующей* нации и именно поэтому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии,* укрепляя этим их господство *над самим собой.* <...> Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах американского Союза. Ирландец с лихвой отплачивает ему той же монетой. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства в Ирландии.* <...> *В этом антагонизме* заключается *тайна бессилия английского рабочего класса...*»[1]

Феодальная раздробленность по мере развития капиталистического способа производства преодолевалась в

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 32, с. 557—558.

сфере экономики. Но национальная раздробленность сохранялась и использовалась в своих целях новым господствующим классом — буржуазией. И этому не в малой мере способствовал географический фактор, действовавший в сторону усиления национальной раздробленности на всем Европейском континенте весьма длительное время. Действие географического фактора может, например, быть наглядно показано на примере истории Испании, имевшей свои большие специфические особенности.

Испания отличалась в эпоху даже сравнительно раннего феодализма сильной централизованной властью, а позже сила этой централизованной власти еще более возросла и укрепилась под влиянием духовенства. Ее иногда называли страной католичества и... скотоводства. Эти особенности в значительной мере были обусловлены необходимостью ведения длительной борьбы с завоевателями, пришедшими из Африки (реконкиста), чему в свое время немало способствовало географическое положение Пиренейского полуострова. Испания на западе Европы вела многовековую борьбу, сдерживая натиск кочевых народов с юга и юго-запада. К. Маркс, отмечая специфические особенности Испании, писал: «...медленное освобождение от арабского владычества в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы придало полуострову к тому времени, когда его территория полностью очистилась, черты, совершенно отличные от тогдашней Европы...»[1] Укрепившись в горных районах, испанцы в своей освободительной войне опирались на католическую церковь, вся их борьба с маврами имела сильную религиозную окраску, что не могло не усиливать, с одной стороны, церковь, а с другой — централизацию феодализма.

В 1085 г. испанцы отвоевали у мавров большую часть страны, заняв Толедо. Но на юге страны война приняла особенно затяжной и ожесточенный характер, продолжаясь до взятия Малаги в 1487 г. и Гренады в 1492 г. Войны заставляли испанцев иметь более подвижные средства для существования. Сохранить скот было легче, чем поля или сады. К тому же климат и гористость в не завоеванной маврами трудноступной северо-западной части страны более благоприятствова-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. т. 10, с. 429.

ли скотоводству. И после своего освобождения испанцы (особенно жители Эстремадуры, Ламанчи и Новой Кастилии) длительное время продолжали вести жизнь скотоводов. Земледелие имело подсобное значение.

Изгнание последних остатков «неверных», осуществлявшееся с фанатической жестокостью, подорвало хозяйство страны. Некоторые богатые до этого районы Валенсии и Гренады превратились в пустоши, сделавшиеся убежищами для разбойничьих шаек, которыми стала печально известна Испания.

В результате бесконечных войн в Испании сложилась своя специфика и в размещении населения и в отношении к природе своей родины, определявшаяся централизацией власти. Особенно ярко это проявилось при Филиппе II (1556—1598), когда Испания, для того чтобы устранить на море своего соперника — Англию и восстановить католичество в Европе, построила флот — Армаду. Строительство Армады помимо всего прочего нанесло сильный вред географической среде. Было вырублено не менее 500 тыс. лучших дубов, что значительно подорвало генетический фонд лесов. Многие горные склоны были оголены, а в результате усилившейся эрозии многие плодородные до этого земли превратились в пустоши. Вредное воздействие этой корабельной авантюры сказывается в природе Испании и в наши дни.

Большую географическую специфику имела и Шотландия.

Сила аристократии и слабость горожан — вот важнейшие особенности этой суровой, почти лишенной плодородных почв горной страны в XV и XVI вв. Усилению аристократии весьма благоприятствовал географический фактор. Горы, болота, озера, топи делали феодальные замки неприступными, и шотландские феодалы могли вполне успешно сопротивляться королевской власти. В то же время почвенно-климатические условия не были в состоянии обеспечить продовольствием сколько-нибудь крупную армию, даже если при этом полностью разорялось местное население.

Отсутствие безопасности как на юге, так и на севере страны длительное время делало невозможным развитие в Шотландии промышленности и торговли. Существовал лишь самый примитивный обмен. Шотландцы долгое время не производили даже оружие, которым они тем не менее прекрасно владели. До XVII в. не бы-

ло стекла, не изготовлялось мыло. Даже высшие представители класса горожан сочли бы окна со стеклами нелепостью. Бумагу не производили до XVIII в.

Население Глазго во второй половине XV в. не превышало 1500 человек, а все имущество горожанина состояло из нескольких голов жалкого скота и нескольких акров плохо возделанной земли. Но в Шотландии при слабости горожан было и другое сословие — духовенство, к которому и обратились шотландские короли. Ослабление аристократии входило в интересы обеих сторон, и против аристократов оформился союз между духовенством и троном. В XIV в., когда страна жила в ужасающей бедности, духовенство в Шотландии процветало, более чем когда-либо.

Средневековый мрак продолжал тяготеть над Шотландией и после ее присоединения к Англии. В ней длительное время по-прежнему продолжали господствовать феодальные производственные отношения. В продолжение всего XVIII в. и даже первой половине XIX в. экономика развивалась здесь замедленно. Одновременно сохранялась материальная и духовная власть служителей церкви [1].

В отличие от Шотландии в большинстве других стран Европы усиление феодализма сопровождалось ростом городов. Они росли даже в тех случаях, когда феодалы пытались этого не допускать.

Развитие городов представляло собой значительное разнообразие их типов, оно определялось: 1) положением города в отношении местонахождения власти (его столичность, провинциальность, вассальность, степень самостоятельности городского самоуправления и т. д.); 2) соотношением между социальными группами внутри городского населения; 3) географическим положением (в центре хлебородного района, на берегу моря, у перегрузочных пунктов и т. д.).

[1] Даже в 1853 г. во время эпидемии холеры шотландское духовенство обратилось к английскому министру с запросом разрешить всеобщий пост как средство для ее прекращения. Это был упрек английскому правительству за непонимание им того, что молитвы и пост — самые действенные средства против болезней. В Шотландии письмо было принято с одобрением, в Англии — общим смехом! Лорд Пальмерстон, которому было адресовано письмо, ответил шотландским священникам, что лучше им было бы заняться очисткой городов от грязи, чем назначать посты живущим впроголодь шотландцам.

Города средневековья возникали внутри каждого феодального владения, вокруг удобного пункта для торговли и ремесла, прежде всего на главных торговых путях Европы и в местах, где эти пути пересекались.

Усиление феодальных отношений нередко приводило к тому, что города, имевшие в прошлом широкие торговые связи, превращались в центры ограниченных местных рынков. Но чаще выросшие еще до феодализма города оказывали упорное сопротивление такого рода «феодализации», и в ряде случаев не без успеха. Используя благоприятные предпосылки, например географическое положение или какую-либо развитую отрасль хозяйства (например, производство флорентийского сукна или нюрнбергских металлических изделий), они продолжали торговать далеко за пределами своих феодов. В результате в них возникала, а затем и усиливалась городская, прежде всего торговая, буржуазия.

В росте городов большая роль принадлежала центральной государственной власти, особенно когда города делались столицами пусть небольших, но все же государств. В этих случаях города становились союзниками центральной власти, боровшейся с феодальной раздробленностью, и использовали этот союз для усиления своего самоуправления. Но к XIII в. картина меняется. Центральная власть усиливается, и независимость городов часто становится помехой для дальнейшего роста ее могущества. В борьбе феодальных государств с городами победа остается за государствами. Политическая самостоятельность городов и их союзов в это время резко снижается.

Таким образом, на развитие городов влияли прежде всего политические сдвиги. В те периоды истории, когда центральная власть короля нуждалась в союзе с городами, они были союзниками, а иногда и опорой этой власти. Когда структура государственной власти (например, к XIV в. в Германии) менялась в сторону усиления власти отдельных феодалов и усиливалась феодальная обособленность, для городов создавались условия, ограничивающие их политическое значение и внутригородское самоуправление. Устанавливаемые феодалами таможенные барьеры мешали торговым контактам, что усиливало общую хозяйственную замкнутость феодов, их ограниченность местным рынком. Размер города при этом как бы заранее определялся

размером владения, да и для жизни в нем требовалось разрешение феодала. На карте Германии можно было увидеть около 3 тыс. населенных пунктов, пользовавшихся статусом города, и все они располагались один от другого примерно в 5 часах пути в дилижансе на юге и западе страны, в 7—8 часах пути на севере и востоке.

Все это, с одной стороны, увеличивало количество городов, а с другой — как это ни парадоксально — уменьшало количественный рост их населения. Городов стало больше. Но численность горожан от этого длительное время не росла, а иногда даже и сокращалась, так как политическое значение многих крупных городов к XIV в. заметно уменьшалось в сравнении с XI—XII вв. Мелкие города, возникавшие в феодальной Европе, старались осуществлять экономическую политику, по возможности ограждавшую их ремесло от конкуренции, а это означало еще большее усиление замкнутости всей их хозяйственной жизни.

Сочетание политической власти феодалов с цеховым самоуправлением было чрезвычайно распространено в городах средневековой Европы. Обмен продукцией проходил непосредственно между производителями и потребителями. Цеховые старейшины заботились о том, чтобы цеха получали необходимое количество сырья и продовольствия по максимально низкой цене и одновременно принимали меры к установлению стабильных объемов ремесла, с тем чтобы всех ремесленников обеспечить работой, а их продукцию — сбытом. Это заставляло ограничивать рост ремесленного производства.

Географический фактор играл весьма большую роль и в возникновении определенной специфики в развитии каждого отдельного города. Его влияние было особенно заметно, когда город приобретал значение большее, чем просто центр местной торговли и ремесла. Подъем многих городов Италии и Нидерландов в XII—XIV вв. может служить примером, подтверждающим такого рода влияние. Именно на торговых путях к концу средневековья формировались торгово-промышленные центры развивающегося капитализма.

Постепенно промышленность и торговля перерастали рамки феодального городского хозяйства. Торговый и начавший возникать промышленный капитал ищут (и находят!) более широкую экономическую, а затем и по-

литическую базу, концентрируя производство и торговлю в наиболее выгодных для этого географических условиях. Выбитые «из седла» типично феодальные, цеховые самоуправления пытаются спастись усилением покровительственной политики, еще сильнее замыкаясь в свою цеховую ограниченность и... тем самым еще больше отставая в своем развитии. При этом новые торгово-промышленные центры нередко возникали в сельских, но географически удобно расположенных районах, вдалеке от цеховых старейшин. Особенно это проявилось с развитием мануфактурного производства, с широким использованием надомничества.

Первоначально средоточием торгового капитала были южные регионы Европы, особенно Италия («выдвинутая» в море), в городах которой накапливались значительные капиталы, нажитые на торговле с Левантом и награбленные во время крестовых походов. Но позже центры торгового капитала переместились на север, ближе к богатым рынкам Южной Германии.

Венеция и Пиза, Флоренция и Генуя — это уже города нового типа. В них преобладали купцы, а не феодалы. Буржуазия в них специализировалась прежде всего на торговле с Востоком пряностями и благовониями, а также изделиями восточных ремесел, ценившимися в Европе (особенно ковры, шали, шелка, оружие и др.). В обмен на них на Восток вывозились изделия европейских ремесел и зарождавшейся промышленности. Немаловажное значение имела и торговля драгоценностями (металлы, камни, жемчуг). В торговле преобладали предметы роскоши, точнее, товары большой стоимости с расчетом получения высокой прибыли при сравнительно малогрузных, хотя бы и очень дальних, перевозках.

Но Италия дорого заплатила за столь специфическую форму капиталистического развития. Торговый капитал был мало заинтересован в развитии производства. Он пышно расцвел на торговом посредничестве, но слабо развивал производительные силы страны. Господство торгового капитала в Италии и развившийся на этой основе городской партикуляризм долгое время тормозили национальное объединение страны.

На севере Европы торговый капитал нашел источники первоначального накопления в грабеже тевтонскими рыцарями земель, прежде всего славянских и

литовских, расположенных к востоку от Эльбы. Но в торговле здесь преобладали продукты в виде производственного сырья, в том числе кожа, древесина, продовольствие и т. д. Систематическое ограбление славян и литовцев, изъятие у них больших количеств зерна, мехов, скота и т. п. позволяли как самим рыцарям, так и следовавшим за ними купцам развивать объемный экспорт, ставший основой торговой деятельности ганзейских городов. Это содействовало последующему развитию промышленного капитала, обеспечивая более ускоренный переход к капитализму в сравнении с Италией.

Механические изобретения вместе с изобретением парового двигателя открыли новые возможности для интенсификации и повышения производительности труда, особенно в промышленности. Для работы в фабричных условиях не нужно иметь большое мастерство, столь необходимое в ремесленничестве. Используя более дешевую рабочую силу и внутрипроизводственное разделение труда с применением механизации, фабрики стали выбрасывать на рынок дешевую массовую продукцию, сметая на своем пути все ремесленные ограничения, а затем и всю цеховую организацию производства.

В Европе города становились центрами, где концентрировались силы, уничтожившие феодализм. Но изменения в способе производства нельзя, конечно, сводить к росту городов. Техническая сторона любого способа производства непрерывно меняется, развиваясь по мере роста разделения труда и т. д. На какой же ступени своего развития технический способ производства превращается в новую социально-экономическую форму? Такая смена возможна (и необходима!) лишь тогда, когда в рамках данной социальной структуры производительные силы вырастают настолько, что их количественный рост переходит в новое качество. Возникает новый способ производства, требующий нового сочетания субъективных и объективных элементов, перегруппировки вещественных и личностных элементов производства. Говоря иначе, возникает необходимость новых производственных отношений, обеспечивающих более высокую производительность труда. В рамках феодализма такой момент наступил, когда повышение производительности труда в сельском хозяйстве стало

недостаточным в новых условиях, когда усилилось антагонистическое противоречие между классом — производителем сельскохозяйственной продукции и феодалами. Впервые это особенно ярко проявилось в Германии в эпоху крестьянских войн. Причины этих войн — усиление феодальной, внеэкономической эксплуатации крестьян, обусловленной развитием денежных отношений при недостаточном росте производительности труда в сельском хозяйстве.

Противоречие первоначально возникло между возросшими потребностями феодалов и возможностями их удовлетворения. Дворянство стало даже выступать инициатором технических улучшений в сельском хозяйстве, почувствовав недостаточность в росте производства. Но эта инициатива проявлялась в старой форме, т. е. в форме усиления внеэкономического принуждения, и осуществлялась старыми методами. В ответ — война!

Крестьянство как класс боролось с эксплуататорами. Но это была борьба не против феодального строя, как такового, и не столько политическая, сколько экономическая, не против феодализма, а против «плохих» феодалов, против наиболее, с точки зрения крестьян, отрицательных сторон феодализма. Борьба же против феодального строя велась другими силами, борьба незаметная, скрытая. Это — борьба сил экономически новых, борьба представителей промышленной и в меньшей степени торговой буржуазии. Почвой, питавшей силы, разлагающие феодализм, может быть названа торговля в сочетании с товарностью производства и увеличением разделения труда и денежного хозяйства. Наиболее зажиточная часть крестьянства также включилась в эту борьбу, представляя в нем интересы отнюдь не крестьянского сословия, а зарождавшейся сельской буржуазии.

Ремесленники в своей наиболее зажиточной части также не имели антагонистических противоречий с феодалами. Скорее наоборот, длительное время они были даже заинтересованы в сохранении феодальных порядков, а если и выступали против них, то разрозненно и главным образом за частичные льготы, т. е. боролись за феодальные права для себя.

Такая позиция ремесленников требует небольших пояснений. При натуральной форме оброка цены на хлеб были низкими, что делало возможным существо-

вание ремесленного люда и при невысокой выработке. Чем ниже цена на хлеб, тем ниже стоимость рабочей силы. Удешевление хлеба в феодальных условиях было своеобразным приемом расширения прибавочного труда в ремесле, снижало там стоимость рабочей силы. Но чем ниже заработная плата, тем менее выгодно для ремесленника вводить дорогие трудосберегающие орудия. Во всяком обществе машина только тогда будет рациональна, когда экономия труда, получаемая от ее введения, превышает затраты труда, расходуемого на ее производство. Увеличение продукции ремесленником при введении новых орудий труда часто приводило к ее удешевлению, а в худшем случае к «затовариванию».

Только позже, когда в результате усилившегося разделения труда разовьются связи между городами, устанавливается некоторая общность интересов между бюргерами и ремесленниками. Они с этого времени начинают выступать общим фронтом против феодальных порядков. И чем больше расширялась эта общность интересов между носителями новых, уже не феодальных отношений, тем быстрее борьба за чисто экономические и сословные интересы перерастала в борьбу классовую, политическую.

Полное господство буржуазии в Европе установилось в XIX в., при этом ведущая роль в установлении политического господства принадлежала опять же городам (например, Парижу во Франции). Для второй половины XIX в. вообще характерен интенсивный рост городов, вызванный общим усилением концентрации капиталистического производства.

Установление власти буржуазии в отдельных государствах Европы имело свою специфику. Но, уничтожая феодальные отношения, буржуазия по существу везде старалась сохранять многие их формальные признаки, приспосабливаясь к ним и приспосабливая их к новым капиталистическим производственным отношениям в своих интересах. Это в первую очередь относилось к государственному устройству (кое-где сохранялись короли). Изменялось лишь то, что мешало коренным интересам буржуазии. Ф. Энгельс, например, убедительно показал, что необходимость в устранении феодальных границ в Германии в середине XIX в. была связана с выявившимся стремлением «практического купца и промышленника вымести весь исторически унаследованный

хлам мелких государств, стоявший на пути свободного развития торговли и промышленности...»[1]. Но это отнюдь не устраняло полностью феодальных форм власти. Германская империя представляла собой «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками и в то же время уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...»[2] Осуществляя «революцию сверху», Бисмарк выражал интересы немецкой буржуазии, но отнюдь не всего немецкого народа. Приход буржуазии к власти осуществлялся в Германии на фоне усиленной милитаризации экономики, в связи со стремлением к переделу колоний, с захватом которых немецкая буржуазия в историческом аспекте запоздала. Милитаристская политика, полицейские формы, реакционность внешней политики вызвали к новой империи ненависть у всех соседних народов, ибо в этот период «Германская империя под предлогом национального объединения занимается исключительно аннексией чужих земель...» — писал Ф. Энгельс[3].

Для перехода к капиталистическому способу производства необходимо было уничтожить компромисс между общинной и частной собственностью на землю, установив на нее частную собственность. Но экономическое развитие не везде создало в сельском населении социальные группы, способные проявить стремление к такого рода революции и обладающие достаточной силой, чтобы ее произвести. Особенно это относилось к Франции, Италии, Германии. Несколько другая ситуация сложилась в Англии, где общинное землепользование оказалось ликвидированным лордами, сохранившими свои владения, но передавшими землепользование в руки предпринимателей-фермеров. В этом ключ к пониманию консервативности буржуазной революции в этой стране. «...Загадка консервативного характера английской революции объясняется длительным союзом между буржуазией и большей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение»[4].

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 425.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 28.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. X. М., 1948, с. 390.
[4] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 222.

И хотя в Англии по сути дела не было дворянского землепользования, но арендаторы-фермеры не представляли собой революционного класса, они и без революции уже в XVII в. представляли собой прослойку буржуазии.

Во Франции и Германии переворот в экономике сельского хозяйства осуществился под воздействием городов. Антифеодальные силы, выросшие в них, перенесли политическую революцию в деревню, прибегая иногда и к насильственным мерам, в том числе и в отношении беднейшей части крестьян-общинников, выступавших иногда вместе с феодалами против буржуазной революции (вандея во Франции).

Итак, три момента ускоряли процесс разложения феодального способа производства в Европе.

1. Экономическая дифференциация, постепенно, но непрерывно развивавшаяся среди членов общин еще в эпоху феодализма:

— под влиянием рыночных отношений и роста городов;

— вследствие самой общинной структуры, включавшей в себя черты индивидуального хозяйства (в земледелии);

— благодаря наличию элементов частной собственности у членов общины;

— благодаря развитию наиболее зажиточных хозяйств внутри общины, постепенно все в большей степени превращавшихся в индивидуальные хозяйства капиталистического типа.

2. Воздействие феодалов, стремившихся к ликвидации общины, и не столько внеэкономическое, сколько экономическое, путем скупки общинных земель. Феодалы приобретали земли даже в городских общинах.

3. Противоречия между общинной собственностью на выгоны, леса, принудительным трехпольным севооборотом и интенсификацией землепользования. Принудительный севооборот, возникший как положительное явление, превратившись в свою противоположность, стал обострять противоречия средневекового хозяйства. Здесь можно наблюдать весьма интересное, парадоксальное явление. Разложение крестьянских общин, с которыми феодалы вели длительную борьбу, сделалось одной из важнейших причин окончательной ликвидации господства феодализма в Европе.

Но почему господствующий класс, в данном случае феодалы, оказался не способным перевести «стрелку» общественного развития к более высокой ступени? Почему феодалы не смогли превратиться в капиталистических предпринимателей?

Потому что их психология, их навыки, образ жизни, привычки воспитывались на базе феодальных отношений, затвердели, закоснели в этой своей феодальной природе. И кроме того, феодалы не считали, что их господству приходит конец. А если отдельные личности из числа феодалов даже и приходили к такому заключению, то они стремились, пока еще есть время, получше использовать блага жизни.

Не было такой силы, которая могла бы заставить утопающего в лени и роскоши феодала переменить свою жизнь, свое положение на беспокойную, тревожную жизнь предпринимателя, пускающегося во все тяжкие, чтобы обеспечить прирост своего капитала! Переход к новому способу производства осуществляют новые социальные слои населения. Эти новые социальные группы преимущественно (но не исключительно!) выходили из общественных низов, а не из элиты, не из состава господствующего, но сходящего со сцены общественного класса. Выходцы из простого народа при крушении феодальных порядков хотя и могли приспосабливаться к старой системе, но не могли быть удовлетворены ею и искали пути к новому. У этих людей находились силы для поиска этого нового, и им, как правило, мало приходилось терять при гибели феодальной общественной системы. Но смена одного господствующего класса другим, как известно, меняет лишь формы эксплуатации основной массы народа, что и произошло при установлении капиталистического строя.

ФЕОДАЛЬНАЯ РУСЬ

Для удовлетворения потребностей раннеклассовых обществ географическая среда Восточной Европы была менее разнообразна, чем географическая среда западной части Европейского континента[1]. И это обстоятельство обусловливало большие различия в уровне и направлении общественного развития народов, населявших Восточную Европу.

Если произвести сильную территориальную генерализацию, то при господстве родового строя внутри Восточной Европы выделялись три крупных региона: Северный, Юго-Западный и Юго-Восточный. Северный заселяли финские племена, жившие почти исключительно охотой и рыбной ловлей. Земледелие им хотя и было известно, но не имело большого значения в хозяйстве. В нем длительное время и не возникало общественной необходимости. Охотничье хозяйство удовлетворяло потребности этих племен. Ареалы расселения финских племен охватывали междуречье Угры и Протвы (Голядь), мещера заселяла северную часть нынешней Рязанской и южную часть Владимирской областей, мордва — долину Мокши, мурома жили в долине средней Оки, а меря — между Клязьмой и Волгой.

Юго-Западный регион отличался более заметным географическим разнообразием. Он входил в число ойкумен раннего развития человечества. Днестр был «рекой жизни» для земледельческих племен, заселявших

[1] Это общеизвестно по крайней мере со времен В. Ключевского. «Две географические особенности отличают Европу от других частей света... это, во-первых, *разнообразие форм поверхности* и, во-вторых, чрезвычайно извилистое очертание морских берегов».

«Россия — я говорю только о Европейской России — не разделяет этих выгодных природных особенностей Европы... Море образует лишь малую долю ее границ; береговая линия ее морей незначительна сравнительно с ее материковым пространством... Однообразие — отличительная черта ее поверхности; одна форма господствует почти на всем ее протяжении. Эта форма — равнина, волнообразная плоскость... равняющаяся более чем девяти Франциям и очень невысоко... приподнятая над уровнем моря» (*Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. I. М., 1937, с. 36—37).

часть его бассейна. Здесь обнаруживаются следы культуры, насчитывающей не менее 5 тыс. лет.

Юго-Восточный регион имел не столь разнообразные географические условия, как в Приднестровье. Вероятность древних очагов земледелия здесь меньше, хотя полностью исключать их не следует.

Исходная область распространения славян находилась в районах, прилегающих к Среднему Приднепровью, в степной и лесостепной полосе. Современные южнорусские степи к северу от Черного и Каспийского морей, междуречья Днепра и Дона, Дона и Волги — все эти места отличаются большим географическим разнообразием и были прародиной не только славянских племен, но и предков большей части (если не всех!) индоязычных народов[1]. Проблема происхождения славян все еще содержит много неизученного, но имеющиеся данные свидетельствуют о более отдаленном от нас времени их возникновения, чем это считалось в прошлом. «Формирование черт, присущих древним славянам, относится к глубокой древности, во всяком случае к III—II тыс. до н. э.»[2]. Возможно, что часть оставшихся на юге Восточной Европы арийских племен вошла в этот этногенетический субстрат наиболее древних славянских племен, сформировавшихся в лесостепной зоне, и распространилась позже далеко на север и восток[3].

[1] См. исследование Н. Р. Гусевой, опубликованное в кн.: Индуизм. История формирования. Культовая практика. М., 1977. В этом исследовании отмечаются черты сходства между санскритом и славянскими языками. Находя общие черты также и в мифологических представлениях, существовавших у древних славян и арийцев, автор подтверждает этим общность территории их первоначальной дифференциации.

[2] *Алексеева Т. И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных. — Вопр. истории. М., 1974, № 3, с. 60.

[3] В истории праславян выделяют скифский период. Скифы — обобщенное наименование многих племен, заселявших южную часть Восточной Европы. Среди этих племен — земледельцы-сколопы. «Целый ряд исследователей... считает возможным возводить прародину славян или первичное размещение праславян к тщинецкой (или тщинецко-комаровской) культуре между Одером и Левобережьем Днепра» (*Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979, с. 208).

«...Первые исторические сведения о народе рос, или рус, расположенном северо-западнее Нижнего Дона, относятся к VI в. н. э.» (*Рыбаков Б. А.* Новейшие археологические открытия. М., 1975, с. 10).

В процессе перемещений славяне создавали свои центры, размещавшиеся на наиболее важных торговых путях древнего мира. Это были Киев и Новгород, а также расположенный примерно посередине между ними Смоленск. Перемещаясь в восточном направлении, к берегам Волги, они встретились с ранними государственными образованиями живших там неславянских племен. Например, окские поселенцы при своем продвижении натолкнулись на Хазарское государство и даже некоторое время платили ему дань. Центром этого государства был город Итиль в устье Волги, но его влияние распространялось на значительную часть Волжского бассейна. Славяне продвигались на север и восток первоначально весьма разрозненно, небольшими группами. Но борьба с хазарами и другими племенами кочевников-скотоводов заставляла их объединяться, что позже привело к созданию дружин, возглавляемых князьями.

«Оборона Руси от кочевников создавалась на протяжении многих столетий. В степях появлялись авары, болгары, хазары, печенеги, и славянским племенам приходилось организовывать защиту от их набегов. При достижении определенного уровня хозяйства наличие постоянной угрозы со стороны степи стало стимулировать создание государства» [1].

Славяне хотя и знали рабство, но не создавали рабовладельческих государств. В Восточной Европе не было резких различий в племенном составе населения и в его хозяйственно-социальной организации. Конечно, и родственные племена могли вести между собой войны (чему история знает немало примеров), а в результате войн появлялись и рабы-пленные. Поэтому патриархальное рабство было известно и у славянских племен. Но оно не переросло в рабство античного образца.

Географические условия сильно препятствовали здесь созданию индивидуальных хозяйств в земледелии. Высокая лесистость и трудность обработки почв заставляли население сохранять общинную форму землевладения и землепользования. Условия, благоприятствовавшие торговле, возникли сравнительно поздно, так как относительное однообразие лесных пространств и труд-

[1] *Рыбаков Б. А.* — В кн.: Вопр. географии. Историческая география России. М., 1970, № 83, с. 75.

ности внешних связей не создавали для торговли необходимых предпосылок. Географический фактор длительное время задерживал развитие товарных отношений и рост территориального разделения труда, поэтому процесс индивидуализации труда в рамках общинного землевладения долгое время не ликвидировал натурального типа хозяйства. Дифференциацию крестьянства усиливали частые в те времена войны. Выделившиеся индивидуальные хозяйства длительное время находились в очень неустойчивом положении, легко подвергаясь разорению, что опять же было связано с географической спецификой лесной зоны. Успешное земледелие требовало здесь более тяжелых (чем, например, в Средиземноморье) орудий труда и тягловой силы: нужен был бык, а не раб. В то же время длительность зимнего сезона, когда скот не может содержаться на подножном корму, требовала запасов провианта для людей и кормов для скота. Разграбление этих запасов часто приводило к полной гибели хозяйства. В то же время можно утверждать, что по времени образования родового строя восточные славяне были уже в основном оседлыми земледельцами, хотя одновременно разводили домашний скот и были умелыми охотниками. Крестьяне—смерды—были тем общественным наиболее многочисленным классом, который можно назвать основным как для родового строя, так и для последующего феодализма. Первоначально они были свободными и их условия существования значительно отличались от условий существования рабов в странах Средиземноморья. Сначала родовая, а затем соседская община объединяли их, гарантируя определенный уровень материального благополучия и безопасности.

Родовая организация у славян дальше союза племен не пошла, а он имел в качестве основных органов совет старейшин родов (впоследствии — совет из специально выбранных старейшинами лиц, что уже в то время содействовало развитию аристократии), народное собрание — вече и, наконец, военачальника-базилевса, вождя, князя, избираемого первоначально народным собранием или советом старейшин. Эти славянские вожди почти полностью соответствовали немецким кенигам (König). Дифференциация, происходившая внутри общин в условиях господства натурального хозяйства, способствовала развитию феодализма. Основные орудия, рабочий и

продуктивный скот в наибольшей степени подвержены всякого рода случайностям, гибели от болезней, от недостатка кормов в неурожайные годы и т. д. А поскольку такие условия были на всей территории Восточной Европы в общем более или менее одинаковы, добровольное закабаление разоряемых из-за этого крестьян имело почти повсеместный характер.

Географическая среда Восточной Европы с ее умеренно холодным климатом, с малоплодородной, трудной для обработки почвой в лесной зоне, с горно-лесными и лесостепными ландшафтами на юге не допускала одностороннего развития хозяйства. Эти условия в сочетании с географическим положением между сильными и воинственными кочевыми народами и несколько раньше развившимися феодальными государствами Европы оказывали большое влияние на экономическое и социальное развитие славянских племен.

Итак, восточным славянам, как и многим другим народам, известен продолжительный период родового бесклассового строя, внутри которого хотя и определялись социальные различия, но долгое время они не перерастали в классовое антагонистическое неравенство. Общинно-соседская организация производства с сохранением больших семей пришла на смену более ранним формам родового строя, сохранив некоторые его черты, препятствовавшие дальнейшей классовой дифференциации общества.

В то же время общественные отношения родового строя создавали возможность возникновения феодальных производственных отношений. Уже для родового общества, особенно на поздних его этапах, характерно:

— отцовское право наследования имущества;

— влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых зачаточных форм наследственного землевладения;

— распространение рабства;

— перерождение племенной военной дружины, возникшей для охраны племени от внешних вторжений, в организацию военно-разбойничьего типа с целью захвата скота, рабов и сокровищ, превращение войны в регулярный промысел;

— почитание богатства как высшего блага и злоупотребления древними, родовыми учреждениями для оправдания грабежа и эксплуатации.

Создались необходимые предпосылки для возникновения феодальных государств. И эти раннефеодальные государственные организации отчетливо оформились у славянских племен. Возникла *феодальная Русь*. Однако когда происходит процесс колонизации страны племенами одинакового уровня культуры, они попадают в различные географические условия, поскольку осели на разных территориях, и по прошествии какого-то времени между ними возникают различия, тем большие, чем дольше они жили в разной географической среде. Различия в соседстве также усиливают различия между общими до этого племенами, поскольку они испытывают разные воздействия независимо от их характера, положительного или отрицательного. В заселении славянами Восточной Европы мы имеем пример, когда единая по сути группа славянских племен заселила территории с различиями в географической среде и с различиями в народах-соседях. И это привело к развитию настолько сильных различий внутри славянской общности, что впоследствии обусловило формирование на славянской основе нескольких национальностей.

«Ядром древнерусской народности является та «Русская земля» VI в., которая, по-видимому, включала славянские племена лесостепной полосы от Киева до Воронежа. В ее состав входили земли полян, северян, руси и, по всей вероятности, угличей. Эти земли и составили союз племен, принявший... имя наиболее значительного в то время племени русь... имя руси прочно и надолго закрепилось за всеми его частями»[1]. Уже в IX в. «Русь... представляла собой обширное государство, объединявшее... половину восточнославянских племен и собиравшее дань с народов Прибалтики и Поволжья»[2].

Для периода IX—XII вв. на жизнь восточных славян начала заметно влиять торговля, определявшаяся не только природными богатствами заселенных (и заселяемых) славянами территорий, но и географическим положением этих территорий. В наиболее выгодных условиях в этом смысле оказался Киев, что и сделало Киевскую Русь великим княжеством. Но еще до возник-

[1] История СССР. М., 1975, с. 58.
[2] Там же, с. 59.

новения государственности в Киеве норманны торговали с Грецией, добираясь туда по Днепру. В Грецию они везли прежде всего меха, награбленные и собранные в виде дани или обмененные у славян.

Путь «из варяг в греки» получил общеевропейскую значимость в IX в., и с этого времени Русь оказалась вовлеченной в сферу западноевропейской торговли. Этот путь, соединявший Прибалтику и Скандинавию с Византией, проходил через западную часть территории, заселенной восточнославянскими племенами, что не могло положительно не воздействовать на их общественное развитие. Широко известно, что усилению Киева на юге и Новгорода на севере способствовало их географическое положение именно на этом торговом пути «из варяг в греки». Но его значение упало, когда в результате крестовых походов установились другие пути и получило развитие мореплавание. В результате этого, а не только нашествий кочевников упало значение как Киева, так позже и Новгорода. Были и другие, не столь заметные, но и не менее действенные причины их упадка, например сокращение возможностей внешней торговли в связи с начавшимся истощением биологических ресурсов географической среды.

Особенностью торговли Киева с Византией было то, что караваны судов из Киева отправлялись один раз в год, обычно весной, в половодье на Днепре. Поскольку земледелие не могло быть в тогдашних условиях основной товарной отраслью, внутренняя торговля в Киевской Руси развивалась медленно, по мере усиления ремесла. Господствующее положение принадлежало торговле внешней.

Торговля, связанная с собиранием дани, длительное время оставалась в руках князей. В целом же в этот период она имела характер межплеменного обмена, а следовательно, внутриплеменного сколько-нибудь развитого разделения труда еще не было. Оно возникло позднее.

Ассортимент производимых для торговли предметов (потребительных стоимостей) самым непосредственным образом зависел от географической среды данного княжества и от уровня развития производительных сил, достигнутого в нем. Обмен не создает различий в сфере производства. Следовательно, различия в производстве определялись в то время географической средой того

района, где создавались предметы межплеменного обмена.

С появлением князей начало возникать княжеское и боярское землевладение. Для чего была нужна князьям и боярам земля, если они могли кормиться данью? Дань собиралась в основном не хлебом, а мехами и медом. В получении дани боярин (первоначально старший дружинник) зависел от князя; имея же землю, он становился экономически независимым от него. На развитие боярского землевладения влияла и внешняя торговля, особенно на первых порах. Например, княгиня Ольга устраивала по всей земле свои «места и села», ловища (места лова диких зверей) и веревеснища (где ставились силки для ловли птиц). Тем самым сами князья до известной степени освобождались от зависимости, в которой они находились бы, живя только на получаемую дань. Норманны грабили славян, отбирая у них не только меха, но и продукты сельского хозяйства (хлеб и мясо), но все это не для вывоза за рубеж, а для потребления. Наряду с земледелием смерды занимались охотой, бортничеством и рыболовством. Отсюда с полным к тому основанием можно считать, что продукция, добываемая славянами в их лесах и степях, доходила до Греции раньше возникновения Киева[1]. Византийские купцы имели торговые связи с половцами и печенегами, которые продавали награбленные у славян меха, мед, воск. В то же время внешняя торговля (преимущественно дорогими товарами, в значительной своей части — предметами роскоши) предполагает со-

[1] Социальное расслоение среди славян было довольно сильным уже на последних этапах родового строя. Оно усилилось в связи с появлением варягов, что было связано с действием географического фактора. Об этом хорошо сказано в капитальном исследовании Л. В. Алексеева: «Слабая плодородность почв Скандинавского полуострова поставила его разрастающееся население в VII—VIII вв. перед угрозой голода и, как известно, стала причиной переориентации жителей на занятия торговлей и грабежом в чужих странах. Традиции мореплавания шведов отмечались еще Тацитом, скандинавы бороздили моря и в IX в. оказались на Руси... <...> Словене, кривичи, меря и чудь... сначала жили родами... и платили дань варягам. Затем, восстав против них, они «изгнаша я за море» (Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 102—103). «...Небольшое количество скандинавов было в русских городах (Ладога, Новгород, Киев, Смоленск и др.), но они не имели отношения к процессу вызревания и создания государства Киевской Руси» (*Рыбаков Б. А.* Новейшие археологические открытия. М., 1975, с. 11).

циальное расслоение общества в обоих торгующих между собой ранних государственных формированиях. Если с одной стороны (из славянских земель) везли меха, мед, воск, то с другой стороны (из Греции) везли дорогие ткани, серебро, оружие, вина.

Внешняя торговля славян способствовала приобщению их к античной культуре. Здесь важно отметить, что развитие Киевского раннефеодального государства по времени совпадало с упадком Византии[1]. Славяне выполнили примерно ту же роль для Восточной Римской империи, какую для Западной Римской империи выполнили германцы. Внешними толчками, уничтожившими рабовладение в Европе, были военные вмешательства германцев на западе, славян — на востоке. И если германцы многое наследовали от римской культуры, то славяне — от культуры византийской. Здесь прослеживается определенная общность в происхождении европейской культуры[2]. Славяне уже на ранней стадии феодализма создали самое крупное государство в Европе — Киевскую Русь.

Хотя внешняя торговля играла большую роль в экономике Киева, особенно для укрепления государственной власти киевского князя, но все же не она определяла экономическую основу жизни восточнославянского населения. Археология доказывает, что земледелие на территории современной Украины было известно не менее (возможно, и более) 3 тыс. лет до н. э.

Князья собирали дань с «дыма», т. е. с земледельческого хозяйства, или с главного земледельческого орудия — «орала». Поэтому уже сама единица обложения свидетельствует, что в Киевской Руси существовало общество безусловно земледельческое. Хлеб был (и остался!) основным средством питания у славян. Неуро-

[1] Первым советским ученым, обратившим внимание на это обстоятельство, был А. В. Мишулин (см. Древние славяне и судьба Восточной Римской империи. — Вестн. древней истории, 1939, № 1, с. 306).

[2] Широко известно, что Ярослав Мудрый находился в родственных связях с царствующими домами Англии, Франции, Германии, Польши, Скандинавии, Венгрии и Византии. Дети Ярослава говорили на нескольких европейских языках. Например, Всеволод Ярославич (отец Владимира Мономаха) владел пятью языками, был женат на греческой принцессе, а его сын Владимир — на дочери англо-саксонского короля Гите Гарольдовне, бежавшей из Англии от вторгшихся туда норманнов.

жаи зерна всегда считались народным бедствием. Хлеб — основа внутренней жизни славян, хотя он и не обладал в условиях Киевской Руси высокой товарностью. Хлебом торговали, но на «ближних» рынках, с кочевниками-скотоводами. Причем возможно, что эта торговля длительное время носила форму натурального обмена. Кроме того, славянское земледелие очень рано знало и технические культуры. Среди них особенно выделяется лен. Пригодный для пряжи лен-долгунец еще до возникновения Киевского государства не только производился «для себя», но и продавался, в том числе и на весьма дальних рынках. Славянский лен был известен в государствах Средней Азии и даже в... Китае!

Здесь надо сказать о первоначальном способе земледелия, получившем распространение в лесной зоне Восточной Европы, — о подсечном земледелии. Огонь играл роль важнейшего средства обработки земли, а не только средства расчистки участка от леса. Далее, подсечное земледелие, как правило, было связано с особым видом хозяйствования, при котором большое значение имели охота, рыбная ловля и лесной промысел. Контрастность в климате и богатство охотничьих и рыбных промыслов задерживали развитие земледелия на его начальной стадии. Охота и рыболовство обеспечивали длительное время высокую производительность труда. К тому же истребление даров природы в одном месте обусловливало миграцию в другое, где они были пока в изобилии. В то же время земледелие требовало, особенно на первых порах, огромных усилий по раскорчевке леса, а короткий вегетационный период вносил большие дополнительные трудности. Лесные подзолистые почвы быстро теряли свое плодородие, а использованию южных черноземов мешали кочевые народы. Все это часто делало труд земледельца менее производительным в сравнении с трудом охотника и рыболова. И если сравнивать экономическое развитие России и Западной Европы, то эти обстоятельства, несомненно, надо учитывать.

Преимущества подсечного земледелия состояли в следующем:

— никогда ранее не возделывавшаяся почва (целина) сама по себе обеспечивала первичную высокую урожайность;

— большое значение для высокой урожайности имела зола, полученная в результате сгорания леса, особенно благоприятно она влияла на урожаи корнеплодов, в частности на урожайность репы, которая широко культивировалась;

— большое значение для повышения урожайности сельскохозяйственных культур имело уничтожение сорной растительности огнем.

Поэтому не случайно начало земледелию было положено в лесу, где участки для посева расчищались с помощью огня, а не на более плодородных землях в безлесных равнинах. Огонь на безлесных участках из-за недостатка горючего материала не мог прожечь дернину и этим убить корни других растений.

До появления железного топора (в X в.) обработка огнища сохой была невозможна из-за множества не вполне сгоревших корней и пней. Вместо сохи применялась мотыга, а для рыхления верхнего слоя — «суковатка», которую волочили по огнищу. Тягло стали применять лишь на последнем этапе подсечного земледелия. Соха, самое совершенное орудие того времени, появилась именно в лесной зоне при переходе от общинного хозяйства к индивидуальному. Однако по времени появление сохи не полностью совпало с началом установления феодальных отношений. Различия в географической среде приводили к тому, что в ряде мест пашенное земледелие распространилось значительно раньше возникновения феодализма. В то же время есть свидетельства о длительном отсутствии земледелия в некоторых районах феодальной Руси из-за обилия в них охотничьих и рыболовных угодий. Во многих районах лесной зоны переход от подсечного земледелия к трехполью сопровождался переложным земледелием. По своей сути это использование старых огнищ после некоторого перерыва. Организация работ при таком земледелии в сравнении с обычным, подсечным имела свои особенности. Участки очищались исподволь, в течение нескольких лет. Лес вырубался и свозился в сторону. Стволы деревьев использовались как строительный материал или на дрова. Одновременно у пней подрубались корни, после чего участок на несколько лет оставляли и только после этого корни корчевали и сжигали, подготавливая почву под посев.

Большинство советских историков подчеркивают, что

славянское население было не только земледельческим, но и полностью оседлым. На первый взгляд такое утверждение не вызывает сомнений, так как земледелие и оседлость, казалось бы, неизбежно должны сопутствовать одно другому. В очень большой мере это так и было. Но все же вопрос об оседлости смердов той же Киевской Руси не столь однозначен и прост. Надо иметь в виду действие двух диаметрально противоположных тенденций. Первая, и все же, по-видимому, основная, была направлена на усиление оседлости. Еще Б. Д. Греков, утверждая оседлость древнего славянского крестьянства, вынужден был все же говорить и об исключениях, которые, по его мнению, «погоды не делали» [1]. Это не совсем так. По сути дела, говоря о не слишком прочной оседлости смердов, Б. Д. Греков указывает и на вторую тенденцию, весьма характерную для крестьян феодальной Руси, — на тенденцию, направленную к «перемене мест». Оседлое в своей основе крестьянство выделяло из своей среды постоянные миграционные волны. «Исключения», как их называет Б. Д. Греков, т. е. крестьяне, утратившие оседлость и в поисках лучшей жизни отправляющиеся в дальние края, в отдельные периоды феодальной истории Руси были значительной частью всего крестьянского люда. В целом можно согласиться с тем, что беглые (временно потерявшие оседлость) крестьяне не составляли основной массы населения Руси. Но это хотя и не основная, но все же масса, заселившая постепенно огромные территории! Можно утверждать, что в феодальной Руси всегда некоторая часть крестьян (иногда значительная) постоянно передвигалась с одного места на другое. Конечно, такого рода миграция смердов сильно отличалась от кочевой жизни скотоводческих племен и народов. Но огромные свободные от земледельческого населения территории, несомненно, длительное время способствовали миграции земледельческого населения. И эта возможность постоянно превращалась крестьянами в действительность. Происходила земледельческая колонизация окраин Киевской Руси, и продолжалась она многие столетия. В этом большое различие в жизни и общественно-экономическом развитии районов Восточной Европы в сравнении с Западной. Географические просторы,

[1] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 55.

как мы постараемся показать и в дальнейшем, играли своеобразную, но всегда значительную роль и в истории России [1].

Здесь позволим себе привести цитату из работы Н. Огарева, опубликованной в свое время в «Колоколе»: «Географическое положение России — явление исключительное, резко отличающееся от той картины, которую представляет собой Европа. Это не только различие народов и исторических событий, это сама русская почва, которая создала своеобразную историю и особые социальные условия...» [2]

Весь первоначальный период в жизни России основывался на общинном земледелии, при котором общины меняли места своего расселения. Равнина не препятствовала этим перемещениям. «Единственное, что могло приостановить движение какого-нибудь племени, — это встреча с другим племенем, и тогда происходили столкновения и битвы. Побежденный отступал и вознаграждал себя за потерю части земли тем, что занимал другой земельный участок. Дух такого бродячего, но земледельческого населения мог по-настоящему проявляться только там, где прекращалась его кочевая жизнь...» [3]

В Древней Руси очень рано скотоводство комплексировалось с земледелием. И именно это обстоятельство объясняет многие особенности экономического и социального развития. Оно обеспечивало эволюционный характер хозяйственного развития. Ни одна из двух основных отраслей не могла резко вырваться вперед за счет другой, как это было, например, в хозяйстве некоторых степных районов Юго-Восточной Европы, где возникли чисто скотоводческие формы хозяйства, или как это было в чисто земледельческих хозяйствах, сформировавшихся в некоторых речных долинах. Интеграция между земледелием и скотоводством на ранних стадиях хозяйственного развития несомненно несколько замедляла его темпы. Районы, где такая интеграция происхо-

[1] «Славянские народы... отличаются гибкостью: замечательная легкость, с которой они усваивают язык, обычаи, искусство и технику других народов. Они равно обживаются у Ледовитого океана и на берегах Черного моря» (*Герцен А. И.* О социализме. М., 1974, с. 378).

[2] Колокол. М., 1978, с. 16—17.

[3] Там же, с. 17.

дила, первоначально развивались медленнее, чем специализированные скотоводческие районы или тем более ареалы специализированного поливного земледелия. Но эта же причина, несколько замедлявшая первоначальное развитие, на следующих этапах истории стала «ускорителем» развития производительных сил.

Подчеркивая значимость земледелия, скотоводства и охотничьего промысла, следует иметь в виду, что под воздействием внешней торговли и в связи с возникновением растущего спроса на промышленные товары уже в Киевской Руси получило заметное развитие и ремесленное производство. «С X в. до начала XIII в. русское ремесло неуклонно шло вперед, развивалось и совершенствовалось. Менее заметен этот процесс в деревне, но он очень явно ощутим в городах... По самым скромным подсчетам, мы можем указать в Киеве свыше 60 различных специальностей... <...> Перед русским ремеслом в XIII в. открывались широкие горизонты: неуклонно развивается техника производства, крепнут связи с рынком, ширится участие ремесленников в делах города, в борьбе за самоуправление... Судя по данным о ремесле, Киевская Русь в X—XI вв. и русские княжества в XII—XIII вв. шли одним путем с передовыми странами Западной Европы, не отставая от них, а в отдельных производствах даже опережая...» [1]

Феодализация сопровождалась на Руси колонизацией (и наоборот). Это был процесс, вносивший много своеобразия во все общественные отношения. С одной стороны, колонизацию осуществляли сами феодалы, стараясь заселить «пожалованные» земли; с другой — она проходила в ответ на установление феодальных порядков. Смерды уходили на новые земли, подальше от бояр и князей. На Руси не было редкостью, когда беглые смерды заселяли территории, равные довольно крупным по западноевропейским понятиям феодальным государствам!

В период расцвета Киевской Руси экономико-географическая картина ее территории представляла собой следующее: основной фон составляло земледелие в сочетании с животноводством и развитыми промыслами (прежде всего охотничьим), в городах получило развитие ремесло. Эта характеристика может быть отнесе-

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 779—780.

на к землям Киевской, Чернигово-Северской, Муромско-Рязанской, Смоленской, Волынской и Суздальской. Земли, занятые кочевниками, прилегающие к русским княжествам с юго-востока, представляли собой районы кочевого скотоводства с элементами торговли. На этом общем фоне выделялись Киевская и Новгородская земли как хозяйственные центры торговли мехами, кожами, воском и медом, изделиями ремесленников. Здесь и возникла наиболее ранняя на Руси социальная дифференциация, формировалось классовое общество в русских землях, составивших впоследствии Центральную Россию[1]. Формирование классового общества, особенно в раннефеодальных княжествах, как уже указывалось, сопровождалось развитием внешней торговли, основанной прежде всего на эксплуатации биологических ресурсов. Торговали и рабами, или, говоря иначе, использовался естественный прирост населения.

Но эта торговля, основанная на экстенсивном использовании географической среды, неизбежно должна была себя исчерпать по мере истребления биологических ресурсов и сокращения спроса на рабов в связи с деградацией рабовладельческих цивилизаций. Киевская Русь пришла к такому кризису экологического характера раньше других районов, потому что она была наиболее крупным центром, выросшим на экстенсивной эксплуатации биологических компонентов географической среды. Новгород держался дольше не только потому, что был дальше от Орды, но и потому, что обладал территорией с большей массой биологических ресурсов.

Хозяйственные связи между первыми княжествами не отличались прочностью, поскольку между ними почти не было разделения труда.

Для удельной Руси была характерна рассредоточенность населения, концентрировавшегося оазисами среди

[1] Б. А. Рыбаков выделяет двойное понимание определения «Русская земля»: «...во-первых, так называли часть лесостепного пространства на юге Руси от Киева до Курска; во-вторых, так постепенно стали называть всю совокупность восточнославянских земель — территорию древнерусской народности, все государственное пространство Киевской Руси от степей до Ледовитого океана» (см. Вопр. географии. М., 1970, № 83, с. 69). В главе «Феодальная Русь» мы пользуемся вторым, более широким пониманием Русской земли. В дальнейшем это понятие еще более расширяется. Россия выходит к берегам Тихого океана!

лесных дебрей и болотных топей, плохо связанных между собой дорогами. Исключение составляли лишь местности, непосредственно прилегающие к Киеву, но как раз они и оказались почти полностью разгромлены Ордой. Князья или их наместники при разбросанности своих владений с трудом, да и то не всегда, могли обеспечить необходимую защиту населения, которому часто приходилось самому заботиться об управлении и защите от кочевников.

Еще слабее оказывались хозяйственные связи (обмен) внутри княжеств. Единство, чисто политическое, «династийное», также не усиливалось. И все это увеличивало опасность вторжений кочевников, что привело затем к установлению длительного господства Орды. Если бы в Киевской Руси было сильнее развито товарное земледелие и могущество феодалов опиралось бы на владение землей, Киевская Русь смогла бы успешнее противостоять этому вторжению или, пережив период упадка, восстановить свою государственность. Но Киевская земля после разгрома не смогла даже выплачивать дани. «Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыя»[1]. Несколько иное положение сложилось в Суздальской земле, где при наличии охотничьего промысла значительное развитие имело и земледелие. Слабее здесь оказалось развито и ростовщичество. Отсюда меньше холопства, но больше самовластия князя. И если ремесленная промышленность в Суздальской земле также подверглась сильному разгрому (ремесленников насильно вывозили татары из русских земель), то земледелие и в известном смысле (несколько позже) торговля продолжали развиваться.

Большинство населения Суздальской земли составляли земледельцы, в том числе боярские и княжеские холопы. В целом хозяйство было более натуральным, чем в Киевской Руси. И это обстоятельство в то время не только не мешало, но даже содействовало превращению Суздаля вместе с территорией всего Волго-Окского междуречья, включая Рязанщину, в территори-

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси, с. 780—781.

альную базу формирования передового для того времени хозяйства с возможностями внутренней дифференциации. На этой территории и сформировался Центральный район России.

Первоначально и здесь земледелие велось свободными людьми, совмещавшими в одном хозяйстве, в одной семье земледелие с охотой или рыболовством. Для перехода к более интенсивному сельскому хозяйству необходимо было, следовательно, сохранить некоторые ресурсы от старого, изживающего себя способа производства, какими в данном случае и были охотничий и рыболовный промыслы. Без этого условия переход к «чистому» земледелию был бы слишком трудным. Поэтому в районе, где биологические ресурсы природы, лежащие в основе прежней экономики, почти полностью истощились, временно не оказывалось необходимых условий для перехода к земледелию.

Большое значение имели и водные пути сообщения если не для развития, то для сохранения торговли традиционными «боярскими» продуктами (мехами, медом, воском) [1]. В Центральном районе, таким образом, уже на самом раннем этапе его формирования и исторически и географически (IX—XII вв.) скомплексировались все необходимые условия для ускоренного развития хозяйства:

1. Элементы социальной дифференциации — княжеское, боярское и монастырское хозяйство, холопы.

2. Элементы, поддерживающие эту дифференциацию, — внешняя торговля мехами, для которой была база социальная (князья, бояре) и еще сохранилась база природная (биологические ресурсы, не столь расхищенные, как в Киевской Руси).

3. Пути сообщения — удобные для внешней торговли и для развития внутренних связей, хотя в начальный период удобство внутренних водных путей имело значение только для внешней торговли.

4. Земли, удобные для пахоты как в собственно междуречье, так и в прилегающих территориях Муромско-Рязанских земель.

[1] Вдоль водных путей, особенно если вблизи от них были плодородные земли, возникали города, такие, как Муром, Ростов, Суздаль, Рязань. Дороги тянулись обычно вдоль рек, а зимой — по их замерзшему руслу. Самостоятельное значение они имели почти исключительно в местах волока между речными бассейнами.

5. Возможности для соединения свободному пока крестьянству промыслов с земледелием.

Эти условия и позволяют нам считать, что история и география совместно определили неизбежность создания Центра России именно на этих землях! Все перечисленное сделало Центр Европейской России наиболее заселенным славянами районом. Примерно с начала X в. славянская колонизация этого района заметно усиливалась. Но особенно выросла она к концу XII в., при этом хозяйства смердов сразу же формировались с большими различиями в их специализации, так как природа заселяемой территории отличалась разнообразием и позволяла сеять различные культуры, а не только зерновые, что со своей стороны способствовало высокой эффективности при сочетании земледелия с животноводством.

Сила Суздальской земли проявлялась и в политике. В марте 1169 г. Киев пал перед Андреем Боголюбским. Экономически и Новгород в то время зависел от Суздаля. Угрозой прекратить подвоз хлеба Боголюбский добился почетного мира с Новгородом, несмотря на свое военное поражение. И не случайно время с первой половины XII в. до второй половины XIV в. называют периодом Мономаховичей. Правление Юрия Долгорукого (до 1157 г.) и Всеволода Большое Гнездо (до 1399 г.) было временем, когда интересы князей и народа значительно совпадали. Это лучшие страницы из истории Волго-Окского междуречья. Славяне на самых ранних ступенях своего общественного развития пытались соединить несоединимое: принципы единовластия с народовластием. Эта попытка привела к тому, что им пришлось испить горькую чашу последствий политической раздробленности. Уже при детях Святослава, внука Игоря, восточнославянские земли начинают дробиться на многие уделы, в результате чего и выделились особые области — княжества. Верхнее и частично среднее течение Оки стало входить в состав Чернигово-Северской Руси, независимое существование которой начинается примерно с XII в. В XIV в. области верхнего течения Оки на некоторое время входят в состав Литовского государства. Ниже по Оке сформировалось Рязанское княжество.

В период XI—XIV вв. население продвигалось с юга на север и с северо-запада на восток, из новгородских

земель. Стекалось оно как с юга (из Киева), так и с северо-запада (из Новгорода) прежде всего в Волго-Окское междуречье, хотя новгородцы селились и значительно севернее и даже достигли Северного Урала.

При этом к 1050 г. оказались сравнительно плотно заселены районы, прилегающие к городам Ростов, Суздаль, Ярославль, Муром, и речные долины Нерли, Которосли. Но все же это были преимущественно «гнезда» — города-фактории на главных водных путях. Основными занятиями населения этих ареалов долгое время оставались добывающая промышленность, звероловство, рыболовство, бортничество. И лишь постепенно ведущее значение начинало приобретать земледелие.

Позже, к 1154 г., миграция характеризуется сдвигами населения из Новгородского края и из Черниговщины. Заселяется Рязанщина, включая частично и Мещеру, но особенно усиленно осваиваются земли, прилегающие к рекам Москве и Клязьме. К 1239 г. здесь заканчивается освоение наиболее пригодных для земледелия земель, а основным районом заселения делаются Верхневолжский и Волжско-Окский районы. Торговые центры растут на пути из богатых черноземных рязанских земель на Москву и далее, на Тверь и Новгород. Новое направление торговых путей обеспечивает экономическое, а затем, в следующий период господства Орды, и политическое могущество западной части междуречья, т. е. Московскому району.

С 1239 по 1328 г. в колонизации Замосковья не было больших успехов, если не считать усиления миграции из особенно сильно пострадавших от татар восточных частей Ростовско-Суздальского края в Московско-Тверские земли. Время господства Орды характеризуется прежде всего перемещениями славянского населения внутри уже освоенных ими территорий.

Колонизация оживилась между 1328 и 1425 гг. Она охватывает Правобережье Волги, проникая местами и в Заволжье. Усиливается мощь Нижегородского княжества. К середине XV в. в междуречье слабо освоенными землями остаются только пески и болота, т. е. пространства, расположенные главным образом между Клязьмой и Окой. Вместе с тем заметно растут производительные силы и в ранее колонизованных землях.

Товарность звероловства и охоты, бортничества и отчасти рыболовства заставляла князей и бояр захваты-

вать в первую очередь не пашню, а лесные угодья, что позволяло им отнимать у свободных охотников меха, мед, воск под тем предлогом, что они были «добыты» на их, боярских, землях[1]. Не исключались случаи и скупки мехов у крестьян с последующей их перепродажей заморским купцам с большой выгодой для себя.

В результате в первую очередь исчерпывались охотничьи угодья, расположенные на путях между торговыми центрами, вдоль которых и концентрировалось население. Ухудшающееся положение смердов, связанное с утратой благ охотничьего хозяйства, повлекло за собой форсированный переход их к земледелию. Для даже весьма скромной интенсификации земледелия (переход к трехполью) смердам часто приходилось обращаться за ссудами к князю, боярам, а позже и к монастырям. Постепенно сокращалась крестьянско-общинная земельная собственность, усиливалась социальная дифференциация населения. Обязательства уплаты долгов натурой и деньгами заставляли смердов более старательно работать и совершенствовать орудия труда и агротехнику. Кроме того, дань Орде и подати князю заставляли помимо развития земледелия выискивать возможности для получения денег, т. е. создавать те или иные товарные отрасли, так как на продажу хлеба в этот период рассчитывать было трудно. Денежные доходы чаще всего обеспечивались продажей кустарно-ремесленных изделий, что и было причиной возникновения деревенского ремесла. Поэтому нашествие Орды на Русь, нанесшее сильный урон ремесленной промышленности, подрывало производительные силы не только города, но и деревни.

Общинного землевладения с периодическими переделами в средневековой волости на Руси не было (переделы возникли позже). Но сочетание частных владений с общинным существовало с давних времен. Поземельные и административно-управленческие права волости часто простирались не только на общинные выгоны

[1] «Особенно богаты были бортным лесом берега Оки, княжества *Рязанское* и *Нижегородское*. Большая часть этих угодий принадлежала князьям... на том общем основании, что все земли и леса, не находящиеся в документально заверенном владении у частных лиц, считались княжескими и эксплуатировались на князя, и борти с приписанными к ним деревнями являются одной из важных доходных статей в хозяйстве князей» (см. *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. II. М., 1954, с. 20).

и пустоши, но и на частные владения, т. е. на всю территорию волости. Даже бояре и монастыри, приобретая волостные дворы или деревни, должны были нести определенные обязанности и подлежали волостному суду. Только особые жалованные грамоты великих князей давали освобождение от власти волостного старосты и мира.

Земледелие становилось все более и более доминирующим источником, из которого князья черпали ресурсы для расширения и функционирования государственного аппарата. А это не могло не вызывать сопротивление крестьянства. Население княжеств даже в период наиболее сильной феодальной раздробленности не утрачивало своего единства, сохраняло самосознание национальной общности и необходимости совместной борьбы в годины лихолетья. Н. Г. Чернышевский писал, что в других странах «части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу национальным единством. У нас этого никогда не было (за исключением разве Новгорода): сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями... Распадение Руси на уделы было чисто следствием дележа между князьями... но не следствием стремлений самого русского народа. Удельная раздробленность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда и не имела корней в его сердце...» [1].

Территориальное совмещение экономического и государственного ядра в Волго-Окском междуречье было одним из важных факторов ускоренного развития Центрального района России. И хотя этот район имел сравнительно продолжительное время замкнутую структуру хозяйства, он тем не менее все же был тесно связан с другими районами в политическом отношении, что в свою очередь имело в те времена и экономическое содержание, поскольку зависимость от Орды выражалась почти исключительно в выплате дани.

В этот же период (XII—XV вв.) начинают проявляться зачатки внутрирайонного разделения труда. Растут города, при этом по темпам роста выделяется *Москва*. Формируются первые центры обрабатывающей промышленности (металлообработка около Тулы), вы-

[1] *Чернышевский Н. Г.* Собр. соч. Т. III. М., 1947, с. 570.

являются центры деревообработки. В поймах рек развивается животноводческое направление крестьянских хозяйств. Прежде всего животноводство начало развиваться в пойме реки Оки, где производство мясо-молочной продукции совмещалось с торговлей сеном, мясом, кожами, маслом и с различными ремеслами, не только наиболее распространенными деревообрабатывающими, но и другими, например кожевенно-обувным, и, наконец, производством металлических изделий, главным образом простейших орудий труда. В то же время стали выделяться районы распространения технических культур (льна и конопли).

Возвращаясь несколько назад, следует отметить раннее развитие у славян самоуправления. Вече появилось у них раньше, чем князья, и, будучи формой родовой организации, превратилось в территориальную. «Вече хорошо известно на Руси в Киеве и особенно в северных и северо-западных землях, в городах Новгороде, Пскове, Ладоге, Полоцке, Смоленске и т. д. Термин «вече» происходит, возможно, от слова вещать — говорить и связан с совещанием вообще... «Вече» — народное совещание — уходит своими корнями в родо-племенные сходки. Вслед за предшественниками Б. Д. Греков рассматривает его как особый институт и выделяет три его стадии: «догосударственную» (вече в полной силе), «государственную» (эпоха Киевской Руси — вече почти не функционирует) и эпоху феодальной раздробленности (вече набирает вновь силу)»[1].

Бояре захватывали значительную часть общинных земель не без участия наиболее зажиточных общинников, стремившихся избавиться от обязательств, накладываемых на них общинами. В то же время следует помнить, что бояре не уничтожали общины полностью, многие элементы общинного быта сохранялись в русских деревнях очень долго. Основная социальная ячейка общинного землепользования — большая семья. Процесс ее разложения шел чрезвычайно медленно. Очевидно, выходцы из больших семей, которые стремились к созданию своего независимого хозяйства, и были теми общинниками, которые обращались за помощью к боярам.

[1] *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 111.

Позже общины в России были восстановлены. И это свидетельствует о том, что полностью они не были ликвидированы. Очевидно, внутренние силы в разложении общин в XV—XVI вв. играли меньшую роль, чем внешние, принудительные. Внутри общин в то время еще не выросли достаточно сильные противоречия. А их ослабление происходило главным образом в результате давления со стороны бояр, которое оказалось недостаточным, и благодаря слабой внутренней дифференциации общины полностью так и не ликвидировались. Оставалась общинная крестьянская масса, послужившая впоследствии базой для формирования *передельной* крепостнической общины. Следует отметить, что в период расцвета общин феодальная эксплуатация крестьян была еще не столь сильной. Смерды платили дань князю, этим и выражалась в основном их эксплуатация в эту эпоху. Вести борьбу с князьями в этих условиях имело мало смысла. Дань (или подати) признавалась вполне законной, злоупотребления здесь не могли быть очень сильными, а внешние вторжения для огромного числа сельских общин представляли реальную угрозу, против которой князь и его дружина были единственной защитой.

Характерно, что наиболее крупные крестьянские восстания антифеодального характера происходили после укрепления власти поместного дворянства. На более ранних этапах, в княжеско-боярской Руси, классовые противоречия, как правило, не достигали столь большого антагонизма. Это было скорее время войн между князьями, а не войн крестьян против князей. Более того, в ряде случаев князей объединяли со свободными смердами общие политические и экономические интересы, в частности жизненная заинтересованность в борьбе против внешних врагов.

Правда, народные мятежи все же происходили и в удельные времена. Известны выступления городских «низов» в том же, например, Киеве в 1113 г. Войны между князьями не могли не разорять смердов, что вызывало иногда их восстания, руководимые чаще всего волхвами — идейными вождями родового строя. Последующее крещение в политическом смысле означало устранение идеологии родового общества и укрепление идеологии феодальной. Православие надолго сделалось оплотом княжеской, а позже царской власти.

Особенно долго общины на Руси сохранялись в удельных княжествах, что связано с более поздним обояриванием земель в них. В ряде случаев обояривание не успевало полностью завершиться, как сменялось формой крепостничества, при которой общины оказались вполне жизнеспособными.

Ведь в глазах феодала прежде всего ценилась земля, на которой жили смерды. Она сделалась орудием власти, средством закрепощения земледельческого населения. Натуральный оброк, «кормление» бояр — таковы были первоначальные формы производственных отношений между феодалами и крестьянами, установившиеся на Руси с XII в. И это вполне объяснимо. Земледелие по самому существу производимого продукта долгое время не могло быть товарной отраслью. Исключений было немного, и то преимущественно на севере. Для Центральной же Руси XII в. товарность производимого хлеба ограничивалась спросом Новгорода, издавна снабжавшегося хлебом из Суздальской, а позже и из Рязанской земель. Но, учитывая рост земледелия и почти полную стабильность в спросе на него со стороны Новгорода, товарность зерна здесь некоторое время не только не возрастала, но даже сокращалась. За весь период с XII по XV в. создавались лишь предпосылки для развития товарного земледелия, так как товарное производство на основе земледелия может развиваться при наличии как минимум двух условий:

— при возникновении района, имеющего своей экономической базой не земледелие и поэтому предъявляющего достаточно крупный спрос на хлеб;

— при разделении труда внутри самого земледельческого района, что предполагает возникновение обрабатывающей промышленности, ремесла, значительного городского населения.

Сочетание этих условий создавало возможности для развития товарного земледелия. Таких условий в период XII—XV вв. в России еще не было. Следовательно, в этот период в сельском хозяйстве можно было наблюдать лишь первые ростки товарности главным образом в районах, исторически связанных торговыми отношениями с тем же Новгородом.

Землевладение в этот период было представлено следующими формами:

1. Общинная с вольным семейным землепользованием в пределах общинной территории.
2. Княжеские земли.
3. Боярские земли и хозяйства.
4. Монастырские земли и хозяйства.

Становление феодального земледелия сопровождалось сокращением, но не ликвидацией крестьянского землевладения. Как известно, боярское землевладение не устанавливало полного крепостного права. В то же время превращение земледелия в экономическую основу общества усиливало натурализацию всего общественного уклада, чему способствовало и сокращение внешней торговли. Это объяснялось тем, что в сравнении с первобытными промыслами, основанными на расхищении компонентов биосферы, земледелие было менее производительным. В самом деле, хороший охотник при изобилии диких животных, даже имея примитивные средства охоты, имел добычу гораздо большей стоимости, нежели десять земледельцев. Спрос на меха был всегда достаточно большим.

Но на Руси никогда не было полной территориальной однозначности. При господстве земледелия продолжали существовать селения, жители которых по-прежнему занимались преимущественно охотой, бортничеством или рыболовством. В те времена в реках еще в большом количестве водились бобры; бобровый мех был своего рода валютой. В местностях, богатых бобрами, где-нибудь на Воже или по Клязьме, целыми десятками деревень селились «бобровники», распределявшие между собой бобровые гоны. Сохраняло значение и бортничество.

Дикие пчелы в лесах на Руси водились в то время в изобилии. Но как «бобровники», так и «бортники» были почти исключительно холопами князей, бояр или монастырей.

Для центральных и северных уделов Руси, как в свое время для Киевского княжества, наиболее товарными отраслями оставались отрасли, обреченные на исчезновение. Торговали «природой». И хотя на Руси (как Киевской, так и Суздальской) от VIII до XIII в. или даже до XIV в. хозяйство эволюционировало под воздействием внешней торговли, но она вела к ликвидации основной товарной отрасли — охотничьего промысла и тем самым к необходимости усиления земледелия, кото-

рое в те времена и в тех условиях не могло быть высокотоварным. Окружающие Русь страны не предъявляли тогда спроса на зерно, да и возить его из глубин Руси было бы в те времена практически невозможно.

В удельный период на территории феодальной России можно было выделить три региона: Северный, Новгородско-Псковский и Центральный. Экономика, социальный и политический строй в них имели свою специфику.

Северный район. Его формирование было тесно связано с торговлей. Первоначально торговые пути, по которым норманны торговали со Средней Азией, проходили через Каспийское море, Волгу и Каму. Арабские купцы провозили этим путем восточные товары. Скандинавские норманны (варяги) в X—XIII вв. приплывали в Северную Русь на своих ладьях вдоль Мурманского берега, затем по системе рек Северной Двины и Печоры. Поскольку в этот период торговые пути от Суздальской Руси и Москвы на восток и юго-восток были закрыты Казанским царством, торговля с Вятским краем и Сибирью шла через Северный район. На этом пути при слиянии Сухоны и Юга и вырастает один из крупнейших городов того времени — Великий Устюг. Нашествие Орды уничтожило возможность его использования.

Северный район имел не только натуральное хозяйство, иначе население должно было бы питаться солью и мехами. Конечно, добыча соли, известная здесь с глубокой древности, как и добыча мехов, производилась на продажу. Но как объяснить, что торговля мехами и солью не привела к закабалению населения торговым капиталом, почему население жило сравнительно свободно, менее зависимо, чем позднейшие кустари Центрального района? Заселение Севера русскими началось с XIII в. Колонизация осуществлялась экономически более сильными элементами общества, именитыми людьми, основывавшими фактории в виде ловчих станов, рыболовецких поселков, соляных варниц. Здесь и сосредоточивался пришедший затем по проторенным путям на заработки «маломощный» люд. Оазисами шла первоначальная новгородская колонизация прежде всего Поморья. По такому же выборочному пути продвигалась на север и последующая волна колонизации — монастырская (с юга и запада), в результате чего по берегам Белого моря, а затем и по всему Онежскому краю

образовались опять-таки разъединенные громадными пространствами торгово-промышленные фактории, часто с земледельческими поселениями при них.

Господствующей формой землепользования было семейное хозяйство, потому что скудость почв и суровость климата требовали от каждой хозяйственной единицы большого и тяжелого труда. Поэтому длительное время рентабельнее было расширять его в пределах одного общего владения, а не создавать новое хозяйство, «отвоевывая» землю для него у леса.

Поэтому на севере большие семейные хозяйства сохранялись весьма длительное время; при этом, как правило, только часть работоспособных членов таких семей занималась непосредственно сельским хозяйством. Остальные члены семьи надолго уходили в леса на охотничий промысел. Большое значение сохраняла и ловля рыбы.

Север иногда снабжал хлебом даже Центр — междуречье, следовательно, земледелие там имелось довольно значительное. Некоторые местности, например бассейн Северной Двины и ее притока — Ваги, к XV в. были заселены почти в тех же пределах, что и в XX в. В XIV в. Двинская и Важская земли стали привлекать к себе князей (в том числе и московских), и к XV в. здесь по Белозерью, Кеми, Ухтоме, Андоге и верхней Шексне, а также по озеру Кубенскому сформировались более или менее крупные княжества.

Боярские вотчины новгородцев на севере позже были уничтожены Иваном III и заменены крестьянским, так называемым черным, землевладением — той же самой формой, какая существовала здесь еще раньше. Высшее право собственника земли стало при этом принадлежать московскому государю. Крестьяне платили натуральный оброк князю московскому, т. е. была введена одна из разновидностей государственного крепостничества. Помещичьего землевладения и тем более барщины здесь не было.

Новгородско-Псковский район отличался преобладающим развитием технических культур. Если Центр кормил, то Новгородско-Псковский район одевал население удельно-феодальной Руси. Лен и конопля занимали здесь значительную долю посевных площадей. Продукция их переработки не только продавалась в русских княжествах, но и вывозилась за границу. Большую роль

играло также скотоводство с выработкой овчин и овчинных изделий. Имела значение здесь и примитивная добывающая промышленность, а также производство сельскохозяйственных орудий и инвентаря. Но, несмотря на внешнеторговые связи местного купечества, хозяйство района в целом характеризовалось все же многими чертами натуральности.

Заметную роль играла посредническая торговля. Из местных продуктов только лен и конопля и отчасти продукты скотоводства (кожа, сало, мясо, щетина и шерсть) шли на внешний рынок. В основном новгородская торговля была транзитная, посредническая (как в Голландии в XVI—XVII вв.). Новгородцы закупали в Центре или забирали в виде дани у северных народов меха, мед, воск, хлеб, лен, коноплю, продукцию животноводства и меняли их на заграничные товары. Здесь главной формой эксплуатации крестьян был натуральный оброк. Труд холопов применялся сравнительно редко. В то же время получило некоторое развитие городское хозяйство, органически связанное с торговлей, а в политике большую роль начала играть торговая аристократия.

В землевладении, как и в хозяйствовании, преобладали боярские формы права в сочетании с монастырскими, постепенно усиливавшими свое значение. Владения мелкого люда, как городского, так и сельского, были ничтожно малы. Самостоятельного крестьянского землевладения почти не оставалось. Процесс обезземеливания новгородских смердов происходил в XIII—XIV вв. и к XV в. почти полностью завершился. Покупка и прием в залог были важнейшими способами сосредоточения земель в руках бояр. Существовал еще способ приобретения земель, применявшийся новгородскими боярами, — это прием свободных людей, владевших землей, в закладни[1]. Недаром в договорных грамотах Новгорода с князьями, чтобы создать преграду для обогащения князей землей, постоянно фигурировал пункт, запрещающий князьям держать где бы то ни было закладные.

Наблюдалась определенная закономерность: если не было достаточно емкого рынка для сельскохозяйст-

[1] Закладни — это лица, отдававшиеся под покровительство какого-либо сильного человека и подчинявшиеся ему со своими землями в податном и судебном отношениях.

венных продуктов, барщина не применялась. Господствовала оброчная, натуральная система, а в более передовых районах — оброчно-денежная.

Материальной базой новгородского боярства было не крупное сельское хозяйство, как на юге, а позже и в центре России, а громадные промысловые вотчины Двинской земли, поставлявшие главную статью новгородского вывоза — дорогие меха и отчасти серебро.

Центральный район (Волго-Окское междуречье) заселялся славянами раньше Северного, но позже новгородских земель. Первоначально заселенная славянами территория представляла собой район, поставлявший продукцию лесных промыслов за границу через Новгород. Социальная форма этого хозяйства — княжеско-боярские вотчины на основе эксплуатации холопского труда. Свободное, не холопское население занималось потребительским земледелием, совмещая его с лесными промыслами и скотоводством.

Междуречье заселялось весьма длительное время. Наиболее интенсивно этот процесс шел в IX—XII вв. (до нашествия Золотой Орды) и с различными нюансами продолжался до XIV в., когда началось наиболее стремительное земледельческое освоение всего междуречья. В это время быстро увеличивалась распаханность территории, более интенсивно использовались земельные угодья для животноводства.

Сельское хозяйство, первоначально развивавшееся только как потребительская отрасль, стало отличаться здесь большим разнообразием в своей внутрирайонной специализации, в производимой сельскохозяйственной продукции. Благодаря разнообразию географической среды в Центральном районе России внутрирайонное разделение труда возникло раньше, чем на юге России, например на Киевщине.

Волго-Окское междуречье лежит в пограничной полосе между черноземами южной Руси и лесными подзолами северной. На всех этапах экономического развития страны это играло определенную (ту или иную), но всегда немаловажную роль. Пестрота почвенного покрова дополнялась не меньшим разнообразием смешанных лесов и по составу древостоя, и по составу их животного мира. Верхняя часть Волжского бассейна имеет наиболее разветвленную речную сеть. Многочисленные здесь реки были богаты рыбой и удобны для

судоходства. Речные поймы с их разнотравьем чрезвычайно благоприятны для скотоводства. И наконец, что оказалось особенно важным для развития ремесленной промышленности, здесь обнаруживалось много доступных для примитивных разработок железорудных месторождений и месторождений соли. «Оказалось, что Русская равнина располагала огромными по тем временам запасами доступной и удобной для обработки железной руды. Интересно отметить, что главная масса болотных железных руд залегает именно там, где отсутствует медная руда. Роли областей как бы переменились — область наиболее интенсивного залегания железных руд совпала с лесной полосой; степь в этом отношении оказалась обездоленной. Такая перемена ролей должна была еще решительнее выдвинуть на первое место пограничные лесостепные районы, располагавшие собственной железной рудой и возможностью получения привозной меди и олова. <...> ...Все восточнославянские племена, все позднейшие русские княжества лежали в зоне рудных месторождений; русские кузнецы почти повсеместно были обеспечены сырьем. Найти железную руду было не труднее, чем залежи гончарной глины. Болотная руда сохранила свое значение для металлургической промышленности местами до XVIII в.»[1].

Природные условия междуречья в связи со сложившимися историческими особенностями оказались наиболее благоприятными для общественного развития и представляли собой наиболее удачное сочетание элементов старого и нового. Колонизация направлялась сюда с разных сторон и в разное время. Переселялось население с разными трудовыми навыками, разными укладами и обычаями, что, несомненно, способствовало взаимному обогащению людей, давало возможность получать различные навыки, способствовало развитию кругозора. Промежуточное положение междуречья и специфика в природе имели особенно большое значение для территориальной дифференциации экономики района.

Основными районами заселения в это время (первая половина XIII в.) были Верхневолжский и Волжско-Окский (до Нижнего Новгорода). Торговые центры перемещаются к этому времени на пути из богатых

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 38—39, 125.

черноземных рязанских земель к Москве и далее, к Твери и Новгороду. Это направление торговых путей устанавливается на продолжительный период русской истории, что обеспечивало западной части Волго-Окского междуречья с центром в Москве значительные преимущества, проявившиеся еще в период татарского ига, что легло в основу ее будущего политического могущества.

Различия в действии географического фактора в разных районах влияли и на различия в направлении хозяйства. При этом они были особенно сильными опять же в междуречье, где ровные пространства чередовались с холмистыми местностями. Различия в хозяйственной деятельности населения разных районов заложили основу территориального разделения труда, начавшего выявляться уже в удельной Руси, хотя еще и не вполне отчетливо.

Развитие производительных сил всегда приводит к усложнению их размещения, а следовательно, к усилению региональных различий, лежащих в основе территориального разделения труда. Это закон связного, обобщенного разнообразия, синтезирующий природу, технику и человека при ведущем значении производственных отношений между людьми. Возникающие в результате районы — это комплексы, состоящие из противоположностей, постоянно развивающиеся благодаря своему внутреннему разнообразию и усиливающие это разнообразие в процессе своего развития.

В Центральном районе раньше, чем в других районах феодальной России, получило развитие внутрирайонное разделение труда. Благоприятные природные условия для земледелия и одновременно для добывающей промышленности имели при этом очень большое значение. Ранний переход к земледелию в результате феодальной экспроприации бортнических и охотничьих угодий и наличия черноземновидных плодородных почв (ополья) обусловил концентрацию населения в лесной зоне Центральной Руси, что само по себе стало фактором расширения и углубления разделения труда.

Правда, здесь, в центре Руси, феодальное закрепощение крестьян было сильнее. Но крупные землевладельцы в условиях господства натурального хозяйства были заинтересованы в заселении своих земель. Они в определенном смысле зависели от крестьян, у которых

в случае недовольства была возможность перейти к другому землевладельцу или вообще уйти на юг или на восток, где феодального землевладения не было. Поэтому кабальное положение крестьянства своеобразно сочеталось на Руси с определенной вольностью.

Формирование аграрных отношений и в значительной степени базирующихся на них политико-экономических изменений в Центральном районе характерно для всего русского феодализма. Поэтому мы и уделяем им особое внимание. Прежде всего следует отметить, что феодальное хозяйство формировалось здесь в условиях продолжающейся земледельческой колонизации. В то время как в Западной Европе передвижение этнографических масс закончилось уже к IX—XIII вв. и Европа «уселась по местам», формирование русской феодальной экономики только начиналось. Первые стадии закрепощения смердов на Руси проявились тоже сравнительно поздно: в междуречье, например, в период XIII—XV вв., спустя 3—4 столетия после завершения этого процесса в Германии. А усилилось закрепощение со второй половины XVI в. и особенно в XVII в., т. е. через 5—6 веков. Окончательное же «крепостное право» для русского крестьянства установилось лишь в XVIII в. Русское крестьянство в сравнении с крестьянами западноевропейских стран не имело столь длительного периода феодального закабаления и всегда фактически пользовалось большей свободой благодаря географическому фактору — было куда мигрировать.

Князья и бояре не вовлекали в свои хозяйства бóльшую часть своих земельных владений. Они раздавали земли во временное владение слугам, приказчикам, тиунам. Так возникло владение землей под условием службы. Различие между собственностью и владением было в то время далеко не пустой формальностью. Владение позволяло повышать степень эксплуатации крестьян, но не обременялось в отношении их какой-либо ответственностью. Право собственности на землю, а затем и на крестьян, давая землевладельцам больше прав, налагало на них и определенную ответственность. Возникало естественное стремление передать наследникам земли в лучшем состоянии, а крестьян в большем количестве. Позже уже в поместье времен крепостного права землевладелец также вынужден был проявлять некоторую заботу о своих крепостных. Ведь его богатство опреде-

лялось количеством их душ! И помещики заботились о крепостных крестьянах примерно так же, как крестьяне заботились о своем скоте. При феодальном временном владении землей не проявлялось и такого рода «заботы», что стало даже причиной частичного временного запустения земель, продолжавшегося до конца XVII в. и сопровождавшегося отливом части населения на юг.

«Собирание» Руси Москвой было исторической необходимостью для русского народа, отдельные части которого были сильно разобщены между собой и политически зависели от Орды. История формирования Русского государства была одновременно историей формирования и русской нации. Произошла ассимиляция некоторых племен (особенно финских), живших на просторах Восточной Европы до появления славян. Русский царизм отличался жестоким деспотизмом как в отношении к русскому, так и в не меньшей степени к нерусскому населению. Но, заселяя огромные пространства Восточной Европы, Северной и Средней Азии, русские люди не запятнали себя геноцидом.

В своей основе этот процесс осуществлялся мирным путем. При этом русские люди всегда охотно не только делились своим опытом и знаниями с другими народами, но в свою очередь перенимали их опыт, знания, а иногда и обычаи. То же происходило и в области языка. В русский язык вошло очень много слов из языков коренных народностей, живших в Восточной Европе до появления славян. А русский язык в свою очередь стал постепенно основным средством общения между всеми народами России, которых объединяла также общая ненависть к царизму.

На Московской Руси феодальный гнет был сильнее, но жить здесь было безопаснее. В то же время последующее освобождение от ига Орды привело к еще большему усилению самодержавия московских князей, а позже к установлению царизма. «Татары завоевали разные племена, захватили равнину, но не пошли дальше на Запад... Татары чинили зверства, взимали опустошительную дань, но не препятствовали земельной миграции и колонизации русских: на равнине хватало места для всех и не было никакого ограничения в земле, которое вынуждало бы население окончательно где-нибудь закрепиться... Земледельческие общины продолжали вести бродячую жизнь в поисках лучшей земли; но

было ясно, что для того, чтобы избавиться от татарского ига, требовалось уже сплочение сил, а не федерации. Отсюда — тенденция к военной централизации... Наконец, московская верховная власть централизовалась; татары были разбиты... Возможность татарского феодализма была вычеркнута из истории, но централизация поглотила республики и княжества и создала московский царизм» [1].

Борьба с татарским игом была жизненной необходимостью для всего русского народа, и победа на Куликовом поле под предводительством князя Дмитрия имела решающее значение для освобождения всех русских земель. «...Почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило московскому князю значение *национального вождя* северной Руси в борьбе с внешними врагами...» [2] Но и после разгрома войск Мамая Орда оставалась сильнейшей мировой державой с огромными ресурсами. Не случайно, что после Куликовской битвы иго Орды было сброшено лишь спустя столетие. Правда, отдельные районы после 8 сентября 1380 г. монголо-татарских «наездов» уже не испытывали.

Здесь следует отметить еще два обстоятельства. Первое — политико-географического характера. Оно состояло в том, что театр тюркского наступления переместился к XIV в. в южном направлении. В связи с усилением Турции для России стали представлять большую опасность союзники и вассалы турецкого султана — крымские татары, набеги которых нередко опустошали южные окраины России. Второе — экономико-географического характера. Созданное централизованное Московское государство, обладавшее военной силой и оказавшееся способным в 1380 г. разгромить полчища Мамая, еще не представляло собой экономического единства. Межрайонные связи отдельных частей Московской Руси были еще слабыми. Единый рынок только начинал складываться; большую силу сохраняли центробежные силы, феодальная обособленность, а все это, вместе взятое, несомненно, усложняло процесс объеди-

[1] Колокол. М., 1978, с. 16—17.

[2] *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. 2. М., 1937, с. 22—23.

нения, а отсюда как освобождение от власти Золотой Орды, так и отражение агрессии из Крыма и с запада. Никогда не следует забывать о том, что Россия объединялась в условиях осажденного лагеря.

Географическое положение феодальной Руси, между оседлой Европой и кочевой Азией, обусловливало частые внешние вторжения, сильно подрывавшие всю экономику страны и задерживавшие ее нормальное развитие. Русь, как и позже Россия, вела оборонительные войны, занимала круговую оборону с сильными в военном отношении противниками, чтобы сохранить свою независимость и возможность, попросту говоря, уцелеть. В этих войнах самое непосредственное участие принимали широкие народные массы, так как княжеских дружин почти всегда оказывалось недостаточно.

Нашествие татар в XIII в. не только уничтожило суверенитет Киевского государства. Разгрому подверглась по сути дела вся Русь, включая и ее земли в лесной зоне. В результате нашествия 1237—1238 гг. уничтожены были почти все сколько-нибудь крупные города, после чего Русь стала подвергаться регулярным опустошительным набегам. «...Летописи рисуют картину непрерывных татарских «ратей» в течение всей последней четверти XIII века... <...> Владимирские и суздальские земли опустошались татарами пять раз... Четыре раза громили татары «новгородские волости»... Семь раз — княжества на южной окраине (Курск, Рязань, Муром)»[1]. Ничего подобного Западная Европа не знала и не могла знать. Обычные в Европе феодальные войны сравнительно редко уничтожали массы мирных жителей. Войн на полное уничтожение городов и истребление завоеванных народов там не было. На Руси же города уничтожались полностью вместе со всеми жителями, спастись могли только те, кому удавалось укрыться в лесах и болотах.

В этих войнах Русь была щитом, прикрывшим Европу, которая со своей стороны посылала своих «рыцарей» завоевывать русские земли. Часто бывало так, что Русь вела оборонительные войны и на Востоке и на Западе... Чтобы не быть голословным, достаточно напомнить о «подвигах» Ливонского ордена, неизменно

[1] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, с. 171.

усиливавшего свои военные нападения на Русь именно тогда, когда она истекала кровью в боях с полчищами Орды. Выдержать такие войны можно было, лишь сплотившись в сильное централизованное государство — Россию.

Прежде чем продолжить анализ общественных отношений в России в связи с воздействием географического фактора, необходимо хотя бы очень кратко остановиться на характеристике раннефеодальных городов. Без этого трудно понять противоречивость развития процесса производства в феодальной Руси, который (на большей части территории) долгое время имел натуральный характер. Но в то же время в России очень рано получило развитие денежное обращение и ремесло.

Изменения в хозяйстве Приднепровья, где возникли первые города на Руси, меняли значение и функции городов и весь образ жизни в них. Торговая деятельность уже в XII в. перестает быть привилегией только князей и их старших дружинников. В нее вовлекается и социальная верхушка деревень; при этом возникающий торговый капитал направляется прежде всего на внешнюю торговлю, сочетающуюся с ростовщичеством. Экономическая сила и относительная многолюдность восточнославянских городов при весьма слабой заселенности сельских территорий усиливали и их политическое значение. Князья еще в XI—XII вв. часто зависели от городов в финансовом отношении. Жители городов нередко смещали почему-либо неугодных им князей. Следует также иметь в виду, что горожанин купец и ростовщик были в те времена одновременно и воинами.

При слабом развитии торгового обмена в феодальной Руси характерным стал и другой тип города — центр крупного вотчинного хозяйства (центр вотчины) князя, т. е. по сути дела разросшиеся княжеские (или боярские) усадьбы. Этот тип города вполне сопоставим с феодальными городами в Центральной и Западной Европе: та же замкнутость городского хозяйства с ремесленным производством, весьма ограниченного местным рынком, те же прямые связи производителя ремесленных изделий с их потребителем-земледельцем, только цеховая организация ремесленников не была столь четко оформлена.

Развитие торгового капитала в XVI в. меняет весь характер вотчинных городов, которые либо хиреют и

исчезают с лика земли русской, либо, наоборот, развиваются, превращаясь в торговые, а затем и промышленные центры, т. е. полностью утрачивают свой былой вотчинный облик. Но все это происходило не столь быстро. Сначала крепостные мастера, жившие в вотчинных городах, превращались в ремесленников, сочетавших производство «городских» товаров с их продажей. В этом-то и состояла специфическая черта городского ремесла на Руси. Ремесленники обычно сами же и продавали свой товар в лавке, часто представлявшей собой своеобразный «передний фасад» ремесленной мастерской. Городские функции обосабливались на Руси замедленно, что в значительной мере обусловливалось географической средой. С одной стороны, продолжительная зима освобождала от сельскохозяйственных работ значительную часть трудовых ресурсов деревни, особенно мужчин. Это позволяло сельскому населению достигать значительных успехов в ремесле, и поэтому сельское ремесло длительное время ничем не уступало городскому. С другой стороны, горожане занимались не только ремеслом и торговлей, но и земледелием и скотоводством, так как подвоз продовольствия ограничивался небольшой природной зоной (в частности, из-за редкого сельского населения и плохих дорог), не способной полностью обеспечить их потребности в продовольствии. Получалось, что горожане частично относились к сельскохозяйственному населению, а жители деревень успешно конкурировали с горожанами в ремесле и торговле. Борьба посадов с частновладельческими слободами в значительной мере отражала борьбу между городом и деревней за рынки сбыта ремесленной продукции.

По мере концентрации в городах ремесла и торговли среди посадского населения начинается классовая дифференциация. Из массы мелких торговцев-ремесленников выделяются торговцы-скупщики, «торговые люди», сочетающие торговлю в городе с ведением «больших отъезжих торгов».

В период XIII—XIV вв. замена промыслов земледелием знаменовала собой вследствие низкой товарности хлеба возврат к более натуральному хозяйству, в конце же XV в. и особенно с начала XVI в., с усилением разделения труда (восстановление городов, развитие ремесла и торговли), хлеб становился все в большей и

большей мере товарной продукцией, что, несомненно, было одним из результатов изменений в классовых отношениях, произошедших к этому времени на Руси. Крестьянские хозяйства при растущем спросе на хлеб не могли этот спрос обеспечить, как не могли они полностью обеспечить и повышение производительности труда, достаточное для оплаты налогов и оброка. В создавшихся новых условиях распашка делается главным источником денежных доходов, и она максимально расширяется в поместьях. Если натуральное хозяйство бояр велось руками холопов, то теперь их труда было недостаточно. Смерды и стали тем основным резервуаром, из которого черпались необходимые для развития поместий трудовые ресурсы. Посредством закабаления смердов росли посевные площади во владениях служилого сословия. Стремясь к увеличению пашни, дворяне привлекали к барщине не только отдельные дворы, но и целые деревни.

Словом, изменения происходили весьма существенные. В то же время в большинстве боярских вотчин все еще продолжало развиваться натуральное хозяйство. Могущество бояр держалось на вотчинах, оскудевших мехами и производящих сельскохозяйственную продукцию лишь для потребностей двора. Здесь не могло не обостриться противоречие между вотчинным и поместным землевладением. Ведь деньги падали в цене (за XVI в. примерно в 5 раз). Говоря иначе, цены на продукцию земледелия повысились в 4—5 раз! Бояре начинают продавать и закладывать свои вотчины монастырям. Грозными соперниками бояр выступили их недавние вассалы, боярские послуживцы, получившие свои поместья от самих же бояр или от князей. Эти будущие дворяне организовали в своих поместьях хозяйства, лучше приспособленные к денежно-рыночным отношениям и с более высоким уровнем эксплуатации крестьян.

Продажей сельскохозяйственных продуктов вынуждены были заниматься и крестьяне, нужны были деньги для уплаты оброка. Продавцами хлеба активно стали выступать и монастыри. Рост хлебных цен в XVI в. заставлял помещиков вводить более эффективные формы организации производства. Но все эти явления получают свое развитие уже в условиях централизованного государства, в условиях царской России.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ РОССИИ

Формирование централизованного государства в России не означало ликвидации феодализма. Но отличие от прошлого было все же весьма значительно. Если до этого феодальные отношения господствовали при одновременном значительном сохранении пережитков родового строя, то теперь феодальные отношения сосуществовали с растущими новыми капиталистическими производственными отношениями, а феодалы вынуждены были считаться с растущим влиянием сначала торговой, а позже и промышленной буржуазии. Да и само царское правительство, оставаясь вплоть до его свержения по форме феодальным, все в большей мере выражало интересы растущей буржуазии.

Значимость буржуазии в условиях царской России возросла далеко не сразу. Развитие капитализма было длительным и затяжным процессом. Первоначально централизация государственной власти даже усилила феодальные отношения. В то же время усиление феодализма привело к изменению его форм, что выразилось в изменении аграрных отношений: княжеское и боярское землевладение сменилось землевладением дворянским. В помещичьих хозяйствах начинают применять трехпольный севооборот, бывший по тем временам весьма прогрессивным способом земледелия. Процесс развития денежного и барщинного хозяйства привел к росту хлебного рынка, крестьяне стали производить продукцию для рынка, но это направление выросло у крестьян не настолько, чтобы они могли создать независимые от помещиков хозяйства. Развитие барщинного хозяйства в свою очередь тормозилось тем, что крестьяне не были полностью закабалены, они еще могли переходить от одного помещика к другому (юрьев день).

Превращение хлеба в товар сделало товаром и землю. Наиболее быстрая мобилизация земли для производства хлеба в Центральной России совпадает по времени с усилением социально-экономической поляризации сельского населения. На одном полюсе концентри-

руются крупные землевладельцы, на другом — обезземеливаемые крестьяне.

Складывались условия для трансформации Центральной России в промышленно-аграрный район, что в значительной степени обусловливалось возникновением кустарного производства и торговли кустарными изделиями (XVI в.). Основные моменты следующие:

1. Постепенная подготовка предшествующим ходом развития рынка для хлеба, прогресс в сельском хозяйстве, возникновение городов и ремесла в них, а следовательно, увеличение неземледельческого населения, предъявлявшего спрос на продукцию сельского хозяйства.

2. Разорение, ухудшение положения и обезземеливание крестьянства и боярства как результат их недостаточной приспособленности к развивающемуся денежному хозяйству.

3. Экономическая, а затем и политическая борьба поместного землевладения с боярским при определенном экономическом превосходстве первого.

4. Расширение рынка для продукции сельского хозяйства как результат обезземеливания, разорения части крестьян и бояр.

5. Временные моменты: набеги крымчаков, падение стоимости денег под влиянием Запада, войны, эпидемии (холера) и т. д.

Во времена Ивана Грозного и тем более после него мелкопоместное землевладение было прогрессивнее боярских вотчин. Кроме того, «под влиянием развития товарно-денежных отношений расслоение затрагивает и деревню. Среди лавковладельцев, торгующих в городах, мы встречаем в XVI в. значительную группу крестьян» [1]. Опричнина Грозного ускорила прогрессивный по своему экономическому содержанию процесс. В этом корни ее успеха, несмотря на негативные стороны. Весьма характерно, что «очень крупную роль сыграл московский посад в декабре 1564 — январе 1565 г. в момент оформления опричнины... гости и купцы и все граждане города Москвы» очень активно выступили против «сильных» людей, об избавлении от «рук» которых посадские обращались к царю, прося не оставлять их «на расхищение волкам» и выражая готовность «истребить всех

[1] *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. М., 1952, с. 49.

царских лиходеев, являющихся вместе с тем и врагами самого посада»[1].

Однако победа опричнины имела своим следствием нечто большее, чем это было необходимо для усиления экономического развития страны, несомненно нуждавшейся в освобождении от боярского засилья. Процесс нормального развития был заменен политическим диктатом. Применяемые методы террора в целом ряде случаев не были оправданы достигнутыми результатами.

Крупное помещичье землевладение по своей сути осталось феодальным, а рост рыночного спроса на хлеб заставлял новых феодалов наравне с сохранившимися в «земстве» феодалами — боярами усиливать эксплуатацию крестьян, оказавшихся в результате политики Ивана Грозного и его непосредственных преемников (того же Годунова, например) в худшем положении, чем они были при владычестве бояр, когда их непосредственная зависимость от феодалов была меньшей. (Бояр было относительно мало, а вотчины их огромны!) И никак нельзя считать случайностью окончательное установление крепостного права именно при преемниках Ивана IV. «Своими деяниями царь Иван Грозный снискал недобрую славу. Он обложил народ тяжелыми податями, каких Русь не знала прежде... Но своим Судебником Иван IV подтвердил Юрьев день, и на его время пришлись последние десятилетия крестьянской «воли».

Сыграть зловещую роль крепостника суждено было Борису Годунову. Авторы исторической справки 1607 г. утверждали, будто благочестивый Федор закрепостил крестьян «по наговору» Бориса. В действительности все произошло несколько иначе. Основы крепостнического режима были заложены приказным ведомством дьяка Андрея Щелкалова ...Через три года после отставки дьяка Годунов облек установления Щелкалова о пятилетнем сроке сыска крестьян в форму развернутого законодательного акта. Издание закона 1597 г. означало, что система мер по упорядочению финансов окончательно переродилась в систему прикрепления к земле. Таким был механизм закрепощения многомиллионного русского крестьянства...»[2]

На сельское хозяйство в предромановский период русской истории непосредственно воздействовал и гео-

[1] *Бахрушин С. В.* Назв. соч., с. 51.
[2] *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1979, с. 102.

графический фактор. Известно, что со второй половины XVI в. и примерно до конца первой четверти XVII в. в Европе наблюдалось похолодание с нарушением привычных для крестьян погодных циклов. «В начале XVII в. Россия испытала последствия общего похолодания и нарушения погодного цикла. Длительные дожди помешали созреванию хлебов во время холодного лета 1601 г. Ранние морозы довершили беду. Крестьяне использовали незрелые, «зяблые», семена, чтобы засеять озимь. В итоге на озимых полях хлеб либо вовсе не пророс, либо дал плохие всходы. Посевы, на которые земледельцы возлагали все свои надежды, были погублены морозами в 1602 г. В 1603 г. деревне нечем было засевать поля. Наступил страшный голод»[1].

С установлением правления дома Романовых феодализм приобрел еще более хищнический характер. Для первоначального накопления вообще свойственно стремление поскорее «выжать» как можно больше денег, и именно это стремление стало доминировать у помещиков, укрепивших и усиливших свою власть после Смутного времени. Усиление эксплуатации ставших крепостными крестьян явилось своеобразной формой первоначального накопления, так как богатства дворян, позже в большей своей части попавшие в руки буржуазии, были одной из основ для последующего капиталистического развития. Ну, а эпоха первоначального накопления везде была «вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня»[2]. Усилилась хищническая эксплуатация земли и труда.

Так или иначе, несмотря на политические перегибы и различного рода внешние факторы, придававшие кризису XVI в. особенно жесткие формы, часто губительные для значительной части народонаселения, экономика заметно трансформировалась, особенно в ее центральной части. Под внешними факторами мы имеем в виду неудачную Ливонскую войну и набег крымского хана в 1571 г., стоивший России, очевидно, не менее миллиона человек убитых и уведенных в рабство.

При Иване Грозном удельный период русского феодализма практически был закончен. Это произошло через 100 лет после того, как он пал во Франции при Людовике XI. Но многие феодальные порядки надолго

[1] *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов, с. 148.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 727.

сохранились как в России, так и в Западной Европе в сословных монархиях, выросших на феодальной основе. Московское царство по своей структуре было похоже на западноевропейские сословные монархии, превратившиеся в начале XVIII в. в монархии абсолютные.

Как отмечалось в предыдущей главе, в боярских вотчинах наряду с крестьянами были и мастеровые люди. Если крестьяне оставались после разорения вотчин в поместьях, обрабатывая часто те же самые земельные участки, то ремесленный люд (кузнецы, сапожники, портные и т. д.), как и большая часть дворового, чаще всего отпускался боярами на волю. К этому следует добавить, что и монастыри часто отпускали своих мастеровых на денежный оброк. Прибывали ремесленники и специалисты и из-за границы. В результате к началу XVI в. в междуречье, особенно в районе, прилегающем к Москве, растет торгово-ремесленное население городов.

Кризис XVI в. был следствием ускоренного развития денежного хозяйства, а отсюда резкого усиления эксплуатации крестьянства. Однако натуральное хозяйство отнюдь не повсеместно ликвидировалось. Изменилась лишь его география. И если Центральный район переживал бурный период перехода от натурального хозяйства к товарному, денежному, то на юге России оно продолжало развиваться. Юг (и в дальнейшем восток страны) были районами, куда крестьяне могли уходить от усилившейся эксплуатации, но уходить в историческом смысле не вперед, а назад, в натуральное хозяйство, которое затем, позже неизбежно перерастало в товарное. Таким образом, уход из Центрального района для крестьян был лишь кратковременным облегчением их участи. Вслед за крестьянами и на юг, и на восток шли дворяне-помещики.

Не дошли они только до Сибири, колонизация которой развернулась, когда уже полным ходом шло разложение дворянского землевладения. В. К. Яцунский писал, что в середине XVI в. «большая часть лесостепи и вся зона степей как в Европейской, так и в Азиатской части современного СССР... имела лишь редкое кочевое население. Лесная зона Сибири имела чрезвычайно незначительное население. Очень мало его было и в лесной зоне уральского края. В XVI—XVIII вв. русскими и украинцами, а частично и другими народами была

заселена лесостепная зона и начато заселение степной зоны Европейской России и Предкавказья, было заселено Приуралье, началось также русское заселение Сибири, причем в XVI—XVII вв. и в первой половине XVIII в. началось освоение сибирской лесостепи»[1].

Для всего XVII в. был характерен разрыв между территориальным формированием государства и ростом населения, не успевавшим за наращиванием территории. «В Российском государстве конца XVII в. — от Днепра до Амура, от Белого моря до Крыма, Северного Кавказа, Казахских степей — жило, по всей видимости, всего около 10,5 млн. человек. При этом заселение было очень неравномерным... Громадная Сибирь практически была почти пустой — там жило всего 72 тыс. душ мужского пола коренного населения, к которым прибавилось к концу столетия около 170 тыс. душ мужского пола — переселившихся сюда русских служилых людей, казаков, промышленников, крестьян (последних было всего 11 тыс. семей), из них 9 тыс. семей жили в Западной Сибири и лишь 2 тыс.— в Восточной»[2].

Дальнейшее заселение восточных районов, как отмечал В. К. Яцунский, происходило в результате не только (а в отдельных случаях и не столько!) миграции туда из европейских районов империи, но и высокого естественного прироста, столь характерного для вновь колонизуемых регионов, где условия жизни крестьян были более благоприятными, чем в помещичьем Центре страны.

Естественный прирост населения в России был относительно высоким и миграция его лишь несколько сдерживала, но не останавливала (за отдельными исключениями) концентрацию населения вокруг Москвы. При этом трансформация в хозяйстве Центрального района была крупным шагом в развитии общественного разделения труда. В некоторых местностях, а именно в северо-западной, северной и восточной окраинах Центрального района (тогдашние уезды Костромской, Нижегородский, Арзамасский, а также Тверская и Ярославские губернии), большое значение приобрело скотоводство, начавшее играть крупную роль и вне Центрального района, а именно по бассейнам Днепра, Волхова, Север-

[1] Вопр. географии. М., 1970, № 83, с. 34.
[2] Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979, с. 9, 11.

ной Двины (вологодское масло), отчасти Камы, а также на Украине, Смоленщине, в Новгородско-Псковском районе. Более отдаленные от Москвы окраины — Мурманский берег, Поморский берег, Пермская и Вятская земли, Среднее и Нижнее Поволжье, Южная Русь — сохранили промысловое значение, а следовательно, нуждались в хлебе. Фактором, форсирующим такое разделение труда, была и усиливающаяся социальная дифференциация. С одной стороны, сильный гнет и спрос весьма кредитоспособных феодалов на городские, в том числе «заморские», товары заставлял многих крестьян искать заработков неземледельческим трудом. С другой стороны, стремление к расширению земледельческих хозяйств заставляло многих крестьян, специализировавшихся только на земледельческом труде, покупать необходимые орудия труда и различный инвентарь на рынке. Число покупателей промышленных товаров росло.

Переход от оброка к барщине и закрепощение крестьян — процессы, происходившие одновременно и сопряженно с развитием денежного обращения. Именно развитие денежного хозяйства чаще всего обусловливало переход от оброка к барщине. Уже в XVI в. встречались дворянские имения, где барская распашка занимала до 50% всей распаханной площади. В конце того же столетия во владениях Троице-Сергиевого монастыря нередко четвертая часть, треть и даже половина всех крестьян сидели на барщине. Увеличивается применение и холопского труда.

Экономическое единство территории, вошедшей в состав Московского государства, т. е. связанность этой территории географическим разделением труда между отдельными составляющими ее, можно рассматривать как одну из главных причин успешного собирания Руси московскими князьями. В отличие от экономического районирования удельной, княжеской Руси территория Московского государства к XVII в. подразделялась уже не на три, а на шесть взаимодействующих между собой районов: Центральный, Новгородско-Псковский, Северный, Прикамский, Степные земли, расположенные к югу от Центрального и Прикамского районов, Приднепровье. Сибирь в то время еще не играла важной роли в хозяйственном развитии Московского государства. Эпизодические связи и поступавший оттуда ясак в виде

пушнины в XVI—XVII вв. существенно не влияли на экономику государства.

Ко второй половине XVI в. на большей части очерченного пространства, за исключением крайнего севера и крайнего юга, земледелие одержало окончательную победу над другими отраслями хозяйства. Обрабатывающая промышленность с остатками добывающих промыслов сохранила более или менее заметное значение только в Северном и Новгородско-Псковском районах. Крестьянские кустарные промыслы начали усиленно развиваться несколько позже, к концу XVII в.

Переход к барщине сопровождался регрессивными явлениями; многие обрабатывавшиеся до этого земли пришли в Центральном районе в запустение. В этом проявлялась противоречивость юридической природы поместья, которое все еще рассматривалось как «владение», а не как собственность.

В то же время воздействие географического фактора, несмотря на усиление крепостничества, давало крестьянам возможность «уходить» на окраины, где за счет эксплуатации биологических ресурсов природы можно было иметь высокую производительность труда и относительно высокий уровень жизни, и притом без помещиков. Отлив населения в районы, богатые биологическими ресурсами, несколько задерживал интенсификацию сельского хозяйства в обжитых районах. При истощении естественного плодородия почв у земледельца было два выхода: либо подумать об удобрениях и о севообороте, либо... бросить землю и податься на восток, на вольные земли, где в лесах еще было много диких животных, в реках и озерах — рыбы и неограниченные земельные угодья. И крестьяне использовали оба выхода. Часть их уходила, но этот уход не мог сильно задержать интенсификации сельского хозяйства, особенно в Центральном районе, где период «переложного» земледелия закончился раньше, чем в других районах страны, внедрением трехполья. Сведения о трехполье можно получить из самых старых письменных источников. Даже унавоживание пашни было известно уже в XV в., и крестьяне, желая повысить плодородие почв, этим широко пользовались. В XVI в. усилилось перемещение русского земледелия на черноземные почвы, дававшие высокие урожаи без удобрений, что обеспечивало и экстенсивное развитие земледелия. Одной из сту-

пеней в этом длительном процессе экстенсивного природопользования можно назвать земледелие на черноземах в районе Новороссийска, которые истощились только в конце XIX в. В начале XIX в. они давали еще баснословные урожаи без каких-либо удобрений.

В известной мере начальный этап освоения южных черноземов стимулировали реформы Ивана Грозного, на некоторое время затормозившие развитие производительных сил в Центре. Временное отставание хозяйства здесь усиливалось увеличением налогового бремени на посадских людей, что также было следствием политических «бурь», связанных с ликвидацией боярской оппозиции царизму. Словом, приход к власти «государевых слуг» — дворян происходил в России весьма болезненно, с большими потерями в производительных силах, и прежде всего с большими демографическими потерями.

Усиление самодержавия сопровождалось укреплением поместного землевладения, ставшего наследственной собственностью. В то же время города из-за общего кризиса, связанного со смутой, хуже снабжались продовольствием. Городское ремесло, вставшее более или менее на ноги, в ряде городов Центральной России оказалось в весьма тяжелом положении, а кое-где и совсем пришло в упадок.

Вообще в истории России неоднократно городская культура временно деградировала и заменялась деревенской. Города возникали, росли, приходили в упадок, поднимались снова (но не все и не всегда), и все это происходило на фоне огромного географического разнообразия. Деградация городов в одном районе часто происходила при одновременном их росте в другом. Усиливалось сельское ремесло в одних районах, ослаблялось в других. Страна большая, процессы противоречивые, географический фактор в различных районах оказывал на общественное развитие свое воздействие не только по-разному, но иногда в диаметрально противоположных направлениях. То, что было характерным для Центрального района, могло отсутствовать в Поволжье или в тех же черноземных районах юга европейской части страны. Говоря о специфичности в развитии России, мы стараемся обычно оговаривать, для какого района она характерна в то или иное время. Когда же мы говорим о России в целом, о специфике в развитии страны, то чаще всего имеем в виду специфику в историческом развитии

Центрального района, вокруг которого формировалось Русское государство.

В целом кризис феодальной экономики в период смуты обусловливался совпадением во времени нескольких обстоятельств:

— разорение боярских вотчин, достигшее апогея в период опричнины, с одновременным усилением поместного хозяйства дворян;

— победа поместного дворянства приводила к усилению хищничества со стороны этих «новых феодалов», политическое упоение победами служилого сословия сопровождалось не только разорением боярских вотчин, но и свободных крестьян; в результате — запустение и оскудение многих районов Центральной России;

— усиление царской власти и роли служилого сословия дворянства и чиновничества привело к закрепощению крестьян, позже завершившемуся установлением крепостного права;

— увеличилась численность кустарей и ремесленников, усилилось купечество; выделился особый социальный уклад, связанный с товарным производством;

— миграция части населения на юг и юго-восток, где сформировалось хозяйство более примитивного типа в сравнении с Центральной Россией, что создавало условия для усиления хозяйственных связей между отдельными частями осваиваемой территории. Иными словами, усилилось обособление экономических районов внутри страны и одновременно установились экономические связи между ними. Политическое единство, обеспечивающееся центральной властью, способствовало развитию этих связей. Это обусловливалось тем, что в Центральной России еще в период натурального земледелия (XIII—XV вв.) наряду с городами выделяются не только населенные пункты, большинство жителей которых совмещает земледелие с неземледельческими занятиями, но и ареалы со значительными массивами земли, занятыми техническими культурами, особенно льном и коноплей, а также ареалы с преобладанием скотоводства над земледелием (в той же пойме Оки, например).

Становление крепостного права, породив множество противоречий, часто вносило значительные различия в социальную географию страны. С одной стороны, разгром боярских вотчин приводил к росту ремесла в го-

родах; с другой — сельское ремесло в ряде районов деградировало, так как первоначально не было большого спроса на их изделия. Помещики, памятуя вотчины бояр, старались в своих поместьях иметь все или почти все необходимое для удовлетворения своих потребностей, а предметы роскоши предпочитали получать из-за границы. Взяться за ремесло нашему крестьянину, чтобы конкурировать с заморскими товарами, было по тем временам очень трудно. Но обстоятельства переменились, когда для продукции ремесленников появились новые рынки.

Для развития своего хозяйства помещикам недоставало людей и денег. Необходимо было задержать разбегавшихся крестьян. Но как это сделать без денег?[1]

Пришлось прибегнуть к помощи тех же внеэкономических методов принуждения, оказавшихся реальными благодаря господству специфического феодального права, т. е. бесправия. Московское право было прежде всего феодальным правом, и, когда оно не опиралось на силу, оно ничего не значило. Исходным моментом окончательного установления крепостного права и было именно такого рода бесправие. В этих условиях ремесло развивалось в большей степени в сельских населенных пунктах. Это частично связано с воздействием «вотчинных» традиций. Однако главная причина своеобразной, временной победы деревни над городом заключалась в появлении новых аграрных районов на юге и юго-востоке России, очень быстро предъявивших массовый спрос на промышленные, кустарные изделия. А удовлетворявшие этот спрос торговцы предпочитали использовать более дешевый труд деревенских кустарей, нежели более дорогой труд городских ремесленников. Можно утверждать, что это в свою очередь замедлило рост городов.

Вообще взаимоотношения промышленности с сельским хозяйством долгое время имели противоречивый характер. Играя первоначально ведущую роль в экономике, сельское хозяйство в то же время зависело от неземледельческих промыслов. В ряде районов Центральной

[1] Южные губернии России длительное время заселялись беглыми крепостными преимущественно из Центрального района. Землевладельцы Центрального и Северного районов стремились не допустить ухода «своих» крестьян на юг. Владельцы южных поместий, наоборот, стремились узаконить этот уход. Такого рода помещичья

России происходил своеобразный процесс, при котором крестьяне, оставаясь прикрепленными к земле, в то же время все в большей степени начинали заниматься отхожими промыслами, переходя с барщины на оброк. Постепенно во многих районах Центральной России промышленность начинает превращаться в ведущую отрасль хозяйства задолго до отмены крепостного права.

Таким образом, «система крепостного права создала возможность сосредоточения массы рабочей силы для извлечения максимально возможного при данной хозяйственной системе прибавочного продукта и тем самым производства необходимых материальных средств»[1]. Крепостное право создало, в частности, условия для развития промышленности на Урале, о чем писал В. И. Ленин: «Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»[2]. «Однако пределы развития производства при крепостном праве резко ограничивались тяжелым положением непосредственных производителей материальных благ, зачастую лишавшихся элементарной заинтересованности в развитии производства»[3].

Промышленность превращалась в ведущую отрасль хозяйства крайне медленно и территориально ограниченно. Весь переход от феодализма к капитализму отличался сложностью и противоречивостью, обусловленными помимо большого территориального разнообразия «пестротой общественно-экономических отношений, а также огромным военным напряжением, ускорявшим одни процессы (например, рост промышленности) и тормозившим многие другие (например, разрушение абсолютизма)»[4]. «В России сложилась система так называемого «государственного феодализма»»[5]. Государство, вы-

«свара» находила свое отражение даже в боярских «приговорах». «...Не умел он крестьянина своего кормить в голодные лета, а ныне его не пытай» — так записано в боярском приговоре 1 февраля 1606 г. Это лишало помещиков права искать и требовать обратно беглых крестьян, которые разбрелись в голодные годы. Но позже в «приговорах» неоднократно проскальзывала мысль: «Не принимай чужого!»

[1] Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979, с. 19.
[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 3, с. 485.
[3] Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1, с. 19.
[4] Там же, с. 9.
[5] Там же, с. 16.

ражая интересы господствующего класса феодальных землевладельцев, защищало их от эксплуатируемого крестьянства. В то же время оно само выступало как феодальный эксплуататор трудящегося населения страны. И все это придавало русскому капитализму много специфических особенностей, сохранившихся до самых последних дней его существования. «Капитализм бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы...»[1] Поэтому процесс становления капиталистических производственных отношений в России затянулся с XVII до XX в.

В Центральном районе рост промышленного производства начинался с его кустарно-ремесленной формы. Экономические рыночные отношения, отражаемые через товар, расширяли рынок. Это приводило к тому, что среди чаще всего промежуточных социальных слоев населения в одних районах в большей мере, в других в меньшей усиливается потребность в промышленных изделиях. Но кустарь не знает, где и кто, в каких количествах нуждается в его продукции. Торговец тем и отличается, что он знает по крайней мере, где есть спрос на промышленные товары,— он знает географию спроса и производства (иначе он разорится). Однако размеры спроса он знает приблизительно, так как трудно предвидеть многие обстоятельства, часто весьма конъюнктурного характера. Отсюда возникает зависимость кустаря от торговца. С присоединением и заселением Урала, а позже и Сибири для промышленности Центрального района открылись новые рынки сбыта, что стимулировало ее развитие. Емкость окраинных рынков была связана с уровнем производства и товарного обращения в русском Центре. «На протяжении всего XVII столетия, несмотря на зарождение и небезуспешное развитие местных производительных сил и рыночного предложения, поставки промышленных товаров из центральных, северных и поволжских уездов имели большое, а на первых порах определяющее значение для восточных окраин. Здесь, в частности, проявил себя процесс не только естественно-географического, но и территориального разделения труда»[2].

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 24, с. 6.

[2] *Преображенский А. А.* Историческая география России XII—начала XX в. М., 1975, с. 130.

Однако и здесь были свои противоречия. Миграцией квалифицированных ремесленников центральные районы содействовали возникновению на окраинах кустарно-ремесленного производства, но в то же время массовым ввозом кустарно-ремесленных изделий они задерживали там это развитие, тем более что далеко не сразу вновь возникавшие новые очаги ремесла могли производить продукцию, способную конкурировать с привозными изделиями.

В результате усиливавшегося крепостничества миграция населения отнюдь не ослаблялась в XVII и XVIII вв. Помещики по примеру бояр стали обзаводиться собственными поместьями-дворами с разнообразными мастерскими и прочими «заведениями» вплоть до театров с крепостными актерами. «Изменения в структуре земельной собственности, происходившие на протяжении XVII в., вели к стиранию сословных различий внутри господствующего класса, к его консолидации, что было завершено реформами Петра I» [1].

Все это не могло не сдерживать развитие внутреннего рынка для городских ремесленников, хотя в то же время заставляло их усиливать свои контакты с купцами, приноравливаться к запросам дальних рынков, что усиливало межрайонные связи. Кроме того, с XVII в. начинает осуществляться частичная промышленная переработка сырья, привозимого в Центральную Россию из окраинных районов. А это расширяло сырьевую базу кустарно-ремесленного производства, и опять же в первую очередь в Центральной России. Потребности усиливающего свою центральную власть государства уже в XVII в. заставляли иметь крупные по тем временам промышленные заведения, в частности по производству пороха, создававшиеся тоже прежде всего в городах Центральной России. Для развития промышленности в XVII и XVIII вв. большое значение имел государственный спрос на промышленные изделия, особенно военного назначения, что было обусловлено задачами, выдвигаемыми купечеством перед самодержавием,— потребностями в расширении внутреннего рынка и обеспечения выходов на рынки внешние, что не могло не сопровождаться войнами.

В целом кустарно-ремесленное производство в

[1] Очерки русской культуры XVII века, с. 12.

XVII в. росло весьма интенсивно как в помещичьих усадьбах, так и в городах, чему, как уже указывалось, в немалой мере способствовало расширение рынка сбыта кустарной продукции вследствие освоения новых, присоединяемых к России территорий. Центральная Россия, устанавливая экономические связи с вновь заселяемыми районами, освобождается тем самым от местной (территориальной) ограниченности. Кустарно-ремесленное производство Центральной России избавляется, следовательно, от узости местного рынка, недостаточно емкого из-за медленного разложения натурального хозяйства в деревне и слабой покупательной способности основной массы населения. Одновременно оно избавляется и от ограниченности местных сырьевых ресурсов, их относительной недостаточности. Расширение государства Российского открывало неограниченные возможности для использования ресурсов всей уже в то время огромной территории. Наконец, в Центральный район России как бы «перекачивается» и значительная часть наживаемого в более отсталых районах государства капитала, вкладываемого в кустарно-ремесленное производство и в торговлю, что служило дополнительным стимулом для их дальнейшего развития. База для роста производительных сил в Центральной России, расширяясь, постепенно охватывала всю территорию государства, что создавало новые стимулы для ускоренного экономического развития страны в целом, а промышленности в Центральном районе России в особенности.

Это хорошо показал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России»: «...степные окраины были в пореформенную эпоху *колонией* центральной, давно заселенной Евр. России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие *торговых* посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — с европейскими странами, ввозящими зерно» [1].

Колонизуемые районы юга и юго-востока на первых порах питались хлебом, привозимым из Центрального района. Но уже со второй половины XVI в. они, наобо-

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 3, с. 253.

рот, начинают выступать как потребители кустарных изделий Центрального района и как поставщики хлеба и сырья для растущего промышленного, торгового и служилого населения того же Центрального района. Центрально-Черноземная область превращается как бы в аграрный придаток Центрального района. Расширяется сфера деятельности купечества. Восточные окраины — Урал, Прикамье, а затем и Сибирь — используются главным образом для добычи предметов внешней торговли — тех же мехов, кож и др. Несмотря на отлив части населения из Центрального района, оно все же с 1620 по 1678 г. значительно выросло [1].

Потребности экспорта оживили торговый капитал, сориентировав его не только на скупку, но и на предварительную обработку продуктов. Кожи, скупаемые по всей стране, дубились в Москве, Ярославле, Костроме. Грубое сукно, предназначавшееся для вывоза за границу, производилось в Ярославской и Вологодской губерниях, льняное полотно тоже преимущественно на Ярославщине. При этом наряду с ростом кустарной промышленности, обслуживавшей широкий спрос потребительного характера, развивались и отрасли, удовлетворявшие потребности государства. Строились металлообрабатывающие заводы около Тулы и в Подмосковье. Обширная группа промышленных производств, по своей технике не укладывающихся в рамки ремесленничества, возникает уже в конце XVI в., и главным образом в той же Центральной России. Солеварение, рудное и поташное дело, зачатки металлургии часто организовывались сразу же с применением наемного труда. В особенности это относится к квалифицированным рабочим и техникам, порой выписываемым даже из-за границы. Железная промышленность в XVII в. целиком размещалась в Центральном районе России, где сосредоточились почти все получившие к тому времени развитие отрасли промышленности (кожевенная, поташная, стекольная, мыловаренная, металлообрабатывающая и текстильная).

[1] И это несмотря на то что «в конце XIX в., а в особенности в начале XX в. Сибирь стала районом весьма сильной иммиграции... Таким образом, миграционные процессы не только дали России возможность освоить огромные, почти не заселенные ранее пространства, но и способствовали значительному ускорению роста населения страны в целом» (Вопр. географии. М., 1970, № 83, с. 43, 44).

К началу XVIII в. Центральный район по типу своей экономики с кустарными промыслами как переходной формой к мануфактуре и фабрике приближался к передовым странам Западной Европы, отличаясь от них крепостничеством в деревне и слабым развитием городского ремесла.

Промышленность Центрального района, преимущественно кустарно-мануфактурной формы, развивалась прежде всего под воздействием межрайонного рынка. Но все же количественно наибольшую часть своей продукции она, особенно первоначально, сбывала внутри самого района, что было связано со сравнительно высокой плотностью его населения, с высокой степенью социальной дифференциации. Те же крестьяне, попав после разорения в положение рабочего, предъявляли спрос не только на сельскохозяйственную продукцию, но и на промышленные изделия.

Указ Петра I от 18 января 1721 г. давал купцам право покупать к фабрикам и жителей деревень, с тем чтобы «деревни были при заводе неотлучно... рабочих делали пожизненными фабричными крепостными». Появилась новая форма крепостного права. Больше всего таких крепостных было на полотняных фабриках. Фабриканты, получив право на крепостной труд, старались закрепостить и тех вольных, наемных рабочих, которые у них были до реформ. В 1736 г. образовалась новая социальная группа «вечных мастеровых», т. е. тех же крепостных, но занятых не в сельском хозяйстве, а в промышленном производстве. Однако ни техника, ни производительность крепостного труда в промышленности не делали успехов. Скорее там, где крепостной труд рабочих доминировал, наблюдался технический застой регионального характера. Там же, где преобладал наемный труд, предприниматели в большей мере шли на технические улучшения. Производительность труда крепостного рабочего оставалась очень низкой вплоть до второй половины XIX в., т. е. до времени, когда он перестал быть крепостным. Особенно сильно проявлял себя технический застой в ткачестве. Продолжал господствовать неуклюжий ткацкий станок, на котором работало двое — один по основе, другой подбрасывал челнок.

Крепостной труд, монопольное положение фабрикантов, таможенное покровительство — таковы при-

чины низкого качества многих видов промышленной продукции, производившейся в то время в России.

Монопольное положение усиливалось тем, что значительная часть промышленных предприятий выполняла государственные заказы, часто определявшие саму возможность развития той или иной отрасли промышленного производства. Заказами ведали государственные чиновники, которые за взятки и распределяли эти заказы среди фабрикантов на основе своего рода «откупа». Получив от правительства откуп, фабрикант становился полным монополистом в той или иной отрасли промышленности на определенной территории. Особенно быстро наживались откупщики, получавшие монополию на продажу водки. Спаивание народа давало баснословные прибыли. Система откупов и обусловленный ею протекционизм сделали русскую фабрику вплоть до отмены крепостного права содержанкой и одновременно служанкой царского правительства. Мелочная чиновничья опека, определявшая объем производства и номенклатуру производимой продукции, превращала фабриканта в приказчика, или, точнее, в своеобразного чиновника, мало заинтересованного в развитии производства. Многие такие «фабриканты» не только не развивали предприятия, но доводили их до полного развала, что при помощи взяток обычно вполне успешно удавалось, а средства, отпускаемые государством, попросту растрачивались. Словом, вместо развития производства в ряде весьма нередких случаев наблюдалось явное казнокрадство. Управляли из Петербурга методом сугубо чиновничьим, шаблонным.

Неудивительно, что промышленность того времени часто переживала кризисные явления. Ряд мануфактур и других предприятий, основанных при Петре I, были закрыты. Многие из оставшихся влачили жалкое существование. В 1744 г. правительство было вынуждено распорядиться о закрытии 44 фабрик из-за «их худого мастерства». Словом, государственный капитализм в России после Петра I не развился, но первоначальному накоплению капитала реформы Петра I весьма способствовали. Именно из фабрикантов-казнокрадов и взяточников-чиновников в значительной своей части и сформировалась впоследствии русская буржуазия. (Наряду, конечно, с представителями торгового капитала.)

Здесь следует еще раз подчеркнуть крайнюю проти-

воречивость всех социально-экономических изменений в царской России. Мы показали их схематически. Действительность всегда сложнее. Старой знати хотя и нанесли значительное поражение, но она была далеко не полностью разгромлена. Более того, в последующие годы в ряде случаев наблюдалось политическое усиление боярства, той же боярской думы например. Социально-экономические изменения после бурного периода в XVI в. в дальнейшем обрели менее радикальный характер. Помещичье землевладение постепенно, но неуклонно усиливалось, что привело к объединению недавно враждовавших дворян с сохранившимися боярскими родами. Устанавливалось крепостное право со всеми его «прелестями». Землевладельцы стремились сделать крестьян более неподвижными, чем сама земля, и первая половина XVII в. наполнена челобитными дворян и детей боярских, хлопотавших, чтобы им позволили разыскивать своих крестьян сверх урочных лет. По уложению царя Алексея «отдавали беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям *без урочных лет*». Любопытно, что и после этого, казалось бы, совершенно ясного закона землевладельцы продолжали требовать от вновь подряжавшихся крестьян *личного* обещания «ни за кого не сойти»... «Уцелевший местами «вольный» крестьянин нисколько не стеснялся, однако же, тем, что закон его игнорировал, и продолжал при царе Алексее «рядиться» со своим барином так же, как делал это при Грозном... <...> Московские люди не думали ломать своей жизни в угоду какой бы то ни было логике и устраивались в каждом отдельном случае так, как им было удобнее»[1]. Русские люди руководствовались больше здравым смыслом и учетом местных условий, а уж после этого законами царского правительства. К этому вынуждены были привыкать и царские чиновники, для которых такое юридически не вполне определенное положение часто было даже выгодно, так как расширяло их власть на местах. Имея над собой царскую тиранию, от которой терпели притеснения даже представители привилегированных сословий, населявшие Россию народы *фактически* продолжали пользоваться большей свободой, чем народ любого хорошо организованного монархического государства в

[1] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Т. II. М., 1933, с. 75—76.

Западной Европе. И это было в значительной степени обусловлено воздействием географического фактора. Здесь многое объясняет географическая специфика России с ее просторами, мешавшими установлению полного чиновничьего контроля. Правительство было не в состоянии повсеместно следить за выполнением своих законодательных положений. Даже в самые мрачные времена крепостного права помещики, обладая «законным» правом жестоко эксплуатировать крестьян, вынуждены были считаться с тем, что крестьянин может сбежать, а предварительно поджечь усадьбу помещика или попросту убить его, что не было такой уж большой редкостью. Над русским барином всегда довлел страх перед мужицким бунтом. Весь процесс закрепощения, период крепостного права, был временем непрекращающихся крестьянских восстаний (больших и малых) против помещиков и царского правительства. В России, особенно на юге и в восточных районах (в частности, в Сибири), всякий беглый всегда мог рассчитывать, что его накормят. Беглые находили приют и защиту у коренного населения. В некоторых губерниях даже дома строились со специальными приспособлениями для того, чтобы прятать в них беглых от полиции. При этом борьба с царизмом объединяла народ независимо от национальной принадлежности.

Борьба крестьян против помещиков в России никогда не прекращалась. Формирование централизованного государства сопровождалось продолжающейся колонизацией, экономическим освоением просторов, прежде всего Северной Азии. При этом и здесь была своя чрезвычайно интересная и в социальном отношении важная экономико-географическая специфика. Об этом очень хорошо написано Ф. Нестеровым: «Русские крестьяне, поднимая целину, распространили Россию от Прибалтики до Тихого океана, от Белого моря до песков Средней Азии. Ни у одного земледельческого народа, будь то в Поволжье, на берегах Балтики, в Закавказье, в бассейне Амударьи и Сырдарьи, землю не отобрали... Нигде русские переселенцы не ущемили жизненно важных интересов и кочевого населения: степь широка, в ней места хватало и для русского поля, и для пастбищ скотоводов. Напротив, в страшные годы бескормицы и массового падежа скота русское зерно и мука становились серьезным подспорьем в жизни кочевых племен...

<...> Не было причин, материальных причин к тому, чтобы русские крестьяне и казаки становились в непримиримо враждебные отношения к нерусским народам, и не было причин для яростной, слепой ненависти с другой стороны. Нигде русская община не напоминает английскую колонию, нигде не держится обособленно-высокомерно по отношению к «туземцам», повсеместно она органично врастает в окружающую иноплеменную среду, завязывает с ней хозяйственные, дружеские и родственные связи, повсеместно срастаясь с ней, служит связующим звеном между нерусскими и Россией...

Другой характерной и отличительной чертой Московского государства и Российской империи было действительно добровольное вхождение в их состав целого ряда народов, заселяющих огромные области: Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении, Казахстана и др. История никакой иной европейской или азиатской империи не знает ничего подобного... <...>

При всей жестокости классовой политики царского самодержавия по отношению к так называемым «инородческим народам» она в отличие от колониальной политики Запада не вела к физическому уничтожению местного населения... <...> Россия, отстаивая свое существование, никогда не вела войн на истребление. Она предпочитала превращать бывших врагов в своих верных слуг... <...> Русское бесправное население не могло смотреть свысока на новых, нерусских, подданных; в условиях непрекращавшейся борьбы на два-три фронта всякий встающий в строй... быстро становился товарищем. Встающий в строй сливался с правящим классом, трудовые же массы разных народов также постепенно сближались и смешивались друг с другом. Россия росла сплочением народов...» [1]

Вообще классовая и сословная принадлежность в России резко доминировали и имели решающее значение на социальной «лестнице». Классовая борьба часто достигала в России высокого накала, национальная проявлялась слабо, и то чаще всего выражала собой отражение той же борьбы классов. Многие феодалы нерусского происхождения входили в аристократию Российского государства. «Потомки Магомета» — Юсуповы и грузинские князья отнюдь не были каким-то исклю-

[1] *Нестеров Ф.* Связь времен. М., 1980, с. 94, 95, 108.

чением. При этом можно приводить огромное количество примеров патриотизма и геройства в защите России представителями нерусской национальности. Эти тенденции, возникшие в раннефеодальный период, усиливались в процессе формирования Российского государства. Отмечая это обстоятельство, В. Ключевский писал: «Старые родословные книги... производят впечатление каталога русского этнографического музея. Вся русская равнина со своими окраинами была представлена этим боярством во всей полноте и пестроте своего разноплеменного состава, со всеми своими русскими, немецкими, греческими, литовскими, даже татарскими и финскими элементами» [1].

Установление крепостничества, введение и усиление барщины не выделяли русских в сколько-нибудь привилегированное положение в сравнении с другими национальностями. Скорее наоборот, крепостное право в южных районах страны, заселенных русскими, достигало наибольшей силы, эксплуатация крестьян помещиками была там особенно жестокой. Отсюда борьба крестьян с помещичьим гнетом объединяла народ независимо от национальности.

Общность людей определяется прежде всего основой объединения, которая может быть политической (например, партией), производственной (коллективы), культурной или профессиональной и т. д. Среди этих общностей большое место принадлежит общности *территориальной*. Люди, живущие на какой-то одной территории (страна, район или город), всегда в той или иной мере связаны в определенное единство, хотя это отнюдь не исключает огромных различий между ними. Это лишь одна из основ объединения. Жизнь знает массу примеров, когда жители одной территории имели так много принципиально важных различий между собой, что эти различия создавали внутри общественного территориального единства противостоящие друг другу враждебные группы населения. В условиях классового общества классовые различия, как правило, значительно сильнее территориального единства.

Отличие России от Западной Европы, где классовое угнетение чаще всего было одновременно и национальным, проявлялось весьма отчетливо. Необъятность тер-

[1] *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. II. М., 1937, с. 148.

ритории с огромным количеством населяющих ее национальностей и народностей, часто не имеющих между собой сколько-нибудь четких географических рубежей, необходимость совместного использования природных богатств, абсолютная очевидность взаимной выгоды при государственном единстве — все это цементировало Россию, заставляло как представителей господствующих классов, так и тем более трудовой народ объединяться при защите государства в случаях угроз внешней агрессии и в то же время выступать с классовых, а не государственных позиций в процессе внутреннего социально-экономического развития.

Классовый, а не национальный характер носила эксплуатация крестьянства. Например, барщина в России, особенно в Южной и Юго-Восточной, длительное время была господствующей формой эксплуатации крестьянства независимо от их национальной принадлежности. При этом «прибавочный труд отделялся... пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. «Надел» крестьянина служил, таким образом, в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой... или средством обеспечения помещика рабочими руками»[1]. Но царское правительство так и не смогло обеспечить «мирной» эксплуатации крестьянства. Крестьяне в России (опять же независимо от национальной принадлежности) себя рабами не считали, сохранялась община, существовали «мирские сходки», имевшие определенную значимость в делах местного самоуправления. В тех же случаях, когда помещики не считались с «миром», неизменно вспыхивали крестьянские «беспорядки»...

Сравнительно длительное время в несколько особом положении находилось церковное землевладение. Основная масса крепостных, приписанных к церкви, находилась в монастырских вотчинах, ничем по сути не отличавшихся от боярских. Монастыри концентрировались в центральных и отчасти северных областях Европейской России, где их в конце XVII в. насчитывалось не менее 600. «По переписи 1678 г. у духовенства было около 148—149 тыс. дворов. По сказкам и росписям 1697—

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 3, с. 183—184.

1700 гг., число дворов достигает 152—163 тыс.»[1]. Размещение владений духовенства, «их географию» показывает следующая таблица, заимствованная у Я. Е. Водарского[2].

Районы	Число дворов в тыс.	Число дворов в %
1. Нечерноземный центр	92	62
2. Северо-Запад	19	13
3. Запад	2	1,5
4. Черноземный центр	12	8
5. Восток и Юго-Восток	6	4
6. Север и Северо-Восток	15	10
7. Слободская Украина	0,7	0,5
8. Сибирь	1,5	1
Итого...	148	100

Нам в данном случае важно показать, что крепостное закабаление крестьян монастырями охватывало почти исключительно районы, заселенные русским населением, что подтверждает особую силу крепостного права именно в русских губерниях. На окраинах империи крепостное право было весьма ограниченным, а в ряде случаев (например, в Сибири) оно и совсем отсутствовало. И это заметно влияло на усиление переселенческого движения русского крестьянства на юг и восток.

Радикальные меры против боярского, вотчинного землевладения, осуществляемые в XVI в., значительно меньше коснулись церковного землевладения, что показывает ограниченность и противоречивость перехода к экономическому господству дворянства. Церковь длительное время оставалась в стороне от борьбы между служилым сословием и боярством. Вотчинное землевладение дольше всего сохранялось поэтому у церковных иерархов, а к поместному землевладению переходили постепенно.

Двойственность церкви, служившей самодержавию и одновременно остававшейся крупнейшим феодалом России, как нельзя лучше соответствовала и сути царского

[1] *Преображенский А. А.* Историческая география России XII—начала XX в. М., 1975, с. 76.

[2] См. там же.

самодержавия, которое, с одной стороны, усиливало центральную власть, а с другой — сохраняло феодальные порядки в аграрных отношениях.

Реформы Петра I внесли в церковное землевладение значительные изменения. По сути дела у церкви была экспроприирована половина всех денежных доходов, хотя за церковниками оставили право непосредственно управлять имениями. В известном смысле Петр I заставил (особенно в период с 1701 по 1721 г.) архиерейские дома и монастыри выполнять функции чиновников по сбору денежных поступлений в государственную казну; при этом церковное землевладение утрачивает свой чисто феодальный характер. Сокращается феодальная рента, растет роль земледельческих монастырских хозяйств, в которых действуют две противоположные тенденции. Одна из них усиливает потребительский характер этих хозяйств, другая, наоборот, ведет к увеличению производимой в церковных владениях сельскохозяйственной продукции товарного назначения, широко используя при этом покупательную способность богомольцев.

В целом процесс экономического развития России отличался противоречивостью и большими региональными различиями, даже контрастами. Последнее обстоятельство было результатом воздействия географического разнообразия, обусловившего значительность территориальной мозаики в хозяйственной специализации страны, что в свою очередь усиливало межрайонные связи, упрочивая экономику страны как определенное единство.

Единство экономики, усиление центральной власти, возможности колонизации и почти постоянная опасность внешних агрессий усиливали и национальную консолидацию как русского, так и других населявших Россию народов. В то же время сохранились и определенные тенденции феодальной эпохи, в частности замкнутость хозяйственной жизни не только отдельных районов, но даже отдельных деревень. Противоречивость оставалась характерной особенностью развития России. Продолжало, например, сохраняться сочетание земледельческого труда с кустарными промыслами как при отходничестве, так и непосредственно в деревнях. Крестьянский двор в XVII—XVIII вв., а в ряде областей и позже, часто представлял собой примитивный микро-

комплекс, состоящий из земледелия, животноводства и кустарного промысла (часто по переработке продукции того же сельского хозяйства). Во многих крестьянских дворах в зачаточной форме наблюдалось своеобразное разделение труда: в то время как одни члены семьи занимались почти исключительно сельским хозяйством, другие в основном изготовляли кустарные изделия, помогая в сельскохозяйственных работах лишь в период их наибольшей напряженности. Природа России весьма способствовала такого рода комплексности крестьянских хозяйств.

Что касается XVII в., то такого рода комплексирование в целом ряде случаев было единственно возможной формой для существования огромной массы крестьянского населения России, если учитывать не только сезонность земледельческого труда, но и усиление его эксплуатации поместным дворянством. Разнообразие в кустарных промыслах имело не только натурально-технический характер, выражающийся в значительных различиях в производимой продукции и применяемых орудиях и приемах их изготовления, но и в различиях чисто экономического характера. Большинство закрепощенных крестьян в центре России вынуждены были: отбывать барщину в помещичьем хозяйстве; обрабатывать свою землю, развивая свое земледельческо-животноводческое хозяйство; изготавливать те или иные кустарные изделия на продажу.

Ведущим звеном в этом «триумвирате» были кустарные промыслы, так как земледелие все еще оставалось малотоварным.

Кустарный промысел с XVII в. имел свою «географию», поскольку сравнительно четко выделялись районы специализации кустарей на производстве тех или иных изделий. Характеристика региональных различий в кустарной промышленности того времени — тема особая, весьма интересная, но она не является важной в данном случае. Здесь следует лишь подчеркнуть органические связи между региональной специализацией кустарной промышленности и региональной спецификой географической среды. И чем более благоприятными были условия, сырье и спрос в той или иной местности Центра России, тем большее значение приобретали кустарые промыслы в жизни сельского населения. В районах с более плодородными землями кустарная

промышленность развивалась быстрее, с менее плодородными — медленнее.

Сравнительно раннее возникновение в Центральной России неземледельческих промыслов, тесно связанных с рынком, привело к распространению оборочной системы эксплуатации крестьян значительно раньше, чем в «чисто» земледельческих районах. Крестьянин-кустарь получал больше свободы, расплачиваясь с барином деньгами, которые к тому же ему было получить легче, чем сельскохозяйственную продукцию, производимую часто в столь ограниченном количестве, что едва хватало на то, чтобы прокормить семью.

В целом про развитие экономики центральных районов России в XVII в. можно сказать, что потребности рынка в промышленных изделиях, растущие параллельно с ростом сельского хозяйства, особенно в южных и восточных частях Европейской России, стимулируют кустарно-ремесленное производство, и не только крестьянское, но и дворянское: возникают дворянские фабрики-мануфактуры с крепостными рабочими. Расширение денежного оброка усиливало классовое расслоение кустарей, среди которых появляются крепостные-фабриканты, нередко ссужавшие деньгами своих господ и имевшие на кустарно-ремесленных предприятиях своих крепостных, «записанных» на барина. Позже крепостническая мануфактура вытесняется мануфактурой капиталистической. Владельцами и организаторами кустарно-ремесленного производства чаще всего становятся вчерашние крепостные, часто платившие за свой «выкуп» значительные денежные суммы. В экономической борьбе между дворянством, купечеством и зажиточным крестьянством в области кустарно-ремесленного производства победу одерживали сначала купцы, а затем выделившаяся из их среды, а также из среды наиболее разбогатевших крестьян-кустарей социальная прослойка промышленной буржуазии, которая особенно большую роль в экономике страны начинает играть уже в XIX в.

Сельское хозяйство при ведущем значении промышленности сохраняло в Центральной России очень большое значение. Однако доминирующий характер промышленности в экономике русского Центра никогда не был абсолютным. Говоря о ведущем значении промышленности в экономике Центрального района, мы имеем

в виду динамику хозяйственного развития и конечный результат, определивший впоследствии индустриально-аграрный характер его экономики.

Большую роль в усилении, а в дальнейшем и в сохранении на продолжительное время господства торгового капитала играл чисто пространственный момент — громадность территории. Именно благодаря действию пространственного фактора при слабом развитии городского хозяйства, обслуживавшего небольшую прилегающую к городу территорию, общественное разделение труда приняло межрайонную форму. В России картина общественного разделения труда отличалась не мозаичностью, а регионализмом: огромными территориями с почти одинаковой специализацией хозяйства и со значительными различиями специализации между регионами. В таких условиях всякое возрастание общественного разделения труда означало прежде всего расширение и усиление географического разделения труда. Общественное разделение труда имело макротерриториальную форму, а уже сложившиеся межрайонные связи усиливали эти географические рубежи между различными по своей хозяйственной специализации районами. Дальнейшее развитие производительных сил усиливало значение этих границ.

Однако чем больше расстояние между производителем и потребителем, тем в большую зависимость от скупщика-торговца попадают и тот и другой. Отсюда и живучесть сочетания кустарных промыслов с земледельческим трудом, тем более что климат России оставлял крестьянам время, почти полностью свободное от земледельческих работ. Словом, условия (в том числе и прежде всего географические) развития общественного разделения труда сложились в России так, что городской средневековый район, столь характерный для феодальной Европы, в России не получил большого развития.

Разделению труда между крупными регионами содействовало и природное однообразие на мелких территориях. Вся природа России с ее ландшафтными зонами на огромных равнинных территориях отличается крупными масштабами и создает естественные предпосылки для развития крупномасштабного межрайонного разделения труда. Следует иметь в виду, что не всегда или во всяком случае не сразу переход к более интен-

сивному использованию территории приводит к повышению производительности труда. Если при переходе от менее интенсивного использования территории к более интенсивному не происходит изменений в технике, если организация труда остается прежней, то роста производительности труда может и не быть, хотя общий рост производительных сил вследствие вовлечения в производственный процесс новых элементов географической среды будет несомненным. Положительное значение интенсификации природопользования, даже без прогресса техники, состоит в том, что она позволяет увеличить плотность населения, что в свою очередь создает предпосылки для роста общественного разделения труда, роста техники, а в конечном счете и производительности совокупного общественного труда. На примере освоения Волжско-Окского междуречья все эти положения получили свое яркое подтверждение. В результате земледельческого освоения междуречья с течением времени в нем обнаружились хозяйственные территориальные различия, а вслед за этим усилилось и общественное разделение труда в его территориальном аспекте.

Но не следует отождествлять русскую систему районного общественного разделения труда с городским хозяйством Западной Европы. Города в России играли несколько другую роль. В России город раньше, чем он стал необходим населению, потребовался правительству [1]. По крайней мере на половине территории страны, к югу от Оки города возникали как оборонительные пункты. Чем ближе к окраинам Московского государства и чем, стало быть, моложе города, тем военного элемента в них было больше, а посадского соответственно меньше. Известны случаи, когда городское население правительству приходилось создавать даже в принудительном порядке.

Другая важная особенность связана с тем, что торговый капитал развивался в России в значительной мере независимо от городов. Даже в конце XVIII и первой половине XIX в. промышленное производство, концентрировавшееся в Центральном районе, размещалось не столько в городах, сколько в сельских населенных пунктах.

[1] Это утверждение не относится к раннефеодальным городам Руси. О них подробнее см. в главе «Феодальная Русь».

По срокам развития капиталистической промышленности Россия отставала от Западной Европы, что в значительной степени обусловливалось силой торгового капитала, его гегемонией в экономике страны в продолжение длительного исторического отрезка времени. Русский абсолютизм, будучи оплотом феодализма, объективно одновременно был формой политической организации и торгового капитала. Но как торговый капитал, возникнув позже, чем в остальной Европе, получил затем ускоренное развитие, так и промышленный, возникнув в России позже, начал не только догонять, но и перегонять промышленный капитал Западной Европы по темпам развития, что проявилось, правда, лишь в конце XIX — начале XX в. Так, например, по темпам роста металлургия России за последнее десятилетие перед первой мировой войной была на первом месте в мире. Конец XIX и начало XX в. были временем бурного развития *промышленного* капитализма. Государство содействовало развитию капитализма, и пример тому — строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

В то же время главную массу хлебной продукции в России получали путем эксплуатации деревенской бедноты, т. е. того же крестьянства. Однако представителям торгового капитала для получения прибавочного продукта за счет мелкого производителя одной торговли было недостаточно. Поэтому они использовали в своих интересах феодальные порядки, *внеэкономическое принуждение*. Сохранение остатков внеэкономического принуждения в деревне составляло одну из характернейших особенностей российского абсолютизма вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

И после отмены крепостного права купечество в России в значительной мере сохраняло свое привилегированное положение, хотя одновременно расширились возможности и для промышленного капитала, так как прикрепление к земле крестьянина было ослаблено, а условия для его пролетаризации усилились. Это и привело к ускорению классового расслоения деревни, начавшей интенсивно «выбрасывать» беднейшую свою часть на фабрики.

«Крестьянин получил меньше земли, чем он имел прежде, и в большинстве случаев она была худшего качества, право пользования общинным выгоном и лесом

было у него отнято, что лишило его базы для содержания скота; налоги были значительно повышены, и крестьянин теперь должен был повсюду выплачивать их деньгами; кроме того, он должен был делать взносы — также деньгами — в уплату процентов и в погашение авансированной государством выкупной суммы (wykup); короче говоря, к ухудшению общего экономического положения крестьянина внезапно присоединился вынужденный переход от натурального хозяйства к денежному, что уже само по себе достаточно для того, чтобы разорить крестьянство целой страны. В результате чрезмерно усилили эксплуатацию крестьянина сельские богатеи...» [1]

Помещики-крепостники, особенно на юге, продолжали цепко держаться за свои земельные владения, а в Центральном районе крестьяне, получив относительно больше земли, создают хозяйства, развивающиеся по пути интенсификации и дифференциации. Худшая почва заставляла больше заботиться о севообороте, о введении технических культур, развитии животноводства. Близость городских рынков стимулировала картофелеводство и овощеводство.

Черноземные почвы, т. е. благоприятные, но однообразные географические условия способствовали однобокому развитию сельского хозяйства южных губерний, специализировавшихся на производстве зерна. Этому способствовали и рыночные отношения — рост спроса на зерно не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Одностороннее развитие, зависимость от рынка с его часто неустойчивыми ценами на зерно — вот характерные особенности экономики русского юга.

Реформа 1861 г. укрепила позиции капитализма, но и дворянское землевладение сохраняло еще очень сильные позиции, особенно в южных губерниях. В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» писал: «К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых лю-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 406—407.

дей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег...»[1] Но в то же время *«семьсот* собственников владеют *в среднем* по *тридцать тысяч десятин* каждый. У этих семисот человек втрое больше земли, чем у шестисот тысяч мелких землевладельцев. И латифундии вообще составляют отличительную черту русского частного землевладения. Выделяя все владения свыше 500 десятин, получаем двадцать восемь тысяч собственников, владеющих 62 миллионами десятин, т. е. в среднем по 2 227 дес. на каждого. В руках этих 28 тысяч три четверти всего частного землевладения. <...> Высшие сановники бюрократии фигурируют один за другим в числе этих владельцев дворянских латифундий»[2].

Русский чернозем, обусловивший быстрое заселение юга Европейской России, где длительное время был наибольшим естественный прирост населения, в то же время определил засилье барщины, задерживавшей развитие денежных отношений. Кроме того, и в пореформенный период высокое плодородие почв способствовало более продолжительному сохранению крепостнических пережитков, стимулировало стремление помещиков к ведению своих хозяйств, что сдерживало рост капиталистических отношений и развитие производительных сил. Именно со времени усиления хищнического помещичьего землепользования и начался процесс, который получил название деградации русского чернозема. В конце XIX и начале XX в. отчетливо определилась тенденция развития капиталистического земледелия. Фактическое же положение вещей было таково, что дворянство и к этому времени было классом, владеющим огромными латифундиями, и первым среди этих землевладельцев был русский император и его многочисленная фамилия. «...Старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель... крестьяне совершенно не в состоянии были вести само-

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 17, с. 61.
[2] Там же, с. 62—63.

стоятельного хозяйства, и помещики имели, таким образом, возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность «внеэкономического принуждения» тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.

Итак, капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы» [1].

Таким образом, капитализм в России развивался в противоречивых условиях многоукладной экономики. Пережитки феодального строя, сохранившиеся еще кое-где общинные отношения, значительная сила торгового капитала — все это осложняло и задерживало капиталистическое развитие экономики страны в целом. Если же вернуться к рассмотрению аграрных отношений, то совершенно очевидно, что «способы получения прибавочного продукта при барщинном и при капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землей, второй — на освобождении производителя от земли... <...> Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий...» [2].

Примитивность сельскохозяйственной техники, использовавшейся в царской России, обусловливала зависимость производительности сельскохозяйственного труда от естественного плодородия почв. Поэтому все те же черноземные губернии сделались главными поставщиками зерна по сравнительно низким ценам, что давало возможность успешно конкурировать с зерном, производимым в нечерноземных губерниях. Следует напомнить, что до развития промышленного капитализма ведущее значение в экономике всех стран принадлежало сельскому хозяйству, где географический фактор имеет особенно большую значимость. Поскольку именно сельское хозяйство определяло экономику России, приходит-

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 3, с. 186.
[2] Там же, с. 184, 187.

ся принимать во внимание два момента в ее экономико-географических условиях:

время заселения и сельскохозяйственного освоения данной территории;

зональность географических условий (почвенно-климатическую).

Характерно, что сельскохозяйственные районы России почти совпадали с определенными природными зонами, или районами:

району капиталистического молочного хозяйства и развития промышленного капитализма соответствовала Нечерноземная зона России;

району наименьшего развития капитализма — Черноземная зона России;

району капиталистического зернового хозяйства — южные и восточные окраины Европейской России негарантированного земледелия.

Это произведенное в общих чертах районирование тем не менее наглядно показывает значимость географического фактора при зарождении и развитии капиталистических отношений в России. Экономическое районирование при этом как бы надстраивается над природными зонами. Однако полностью границы экономических районов с природными и здесь не совпадают, так как большое значение имело *время* освоения и различия в рыночных отношениях. Но рыночные отношения даже в Центре развивались (особенно в начале) на основе разделения труда *внутри* сельского хозяйства. Вообще развитие капитализма как в деревне, так и в городе имело много своих особенностей. Например, не города, а промысловые села и слободы стали центрами капиталистической активности (часто вопреки указаниям царской администрации). После отмены крепостного права прежде всего в слободы хлынула масса обезземеленных крестьян. В них и формировалась капиталистическая фабрика, постепенно расширяясь и захватывая городские окраины.

Разрастание слобод, часто расположенных даже вдалеке от административных центров, заставляло царскую администрацию для лучшего надзора и управления реорганизовывать их в города. Например, слободы, возникшие вокруг промышленного села Вохна, получившие в свое время название Дикая Америка, были позже, хотя далеко и не в полной мере, объединены образованным

на их основе городом Павловский Посад. Жители слобод нередко противились насильственному превращению слобод в города: жизнь в слободах была значительно свободнее, в них было меньше чиновников.

Противоречивым было развитие капиталистических производственных отношений и в промышленности, где вплоть до XX в. господствовали сравнительно мелкие предприятия, разбросанные по промысловым селам, слободам и только начинавшие проникать в города. Первые ростки капиталистической концентрации промышленного производства вполне отчетливо проявились лишь в начале XX в., что и было отмечено В. И. Лениным. «Число крупнейших предприятий быстро растет, и еще больше растет их доля во всем производстве.

С 1901 по 1910 г. число крупнейших фабрик, имеющих более 1000 рабочих, выросло почти в полтора раза: с 243 до 324.

В них было рабочих в 1901 г. около полумиллиона... а в 1910 г. стало *больше 700 тысяч,* больше трети общего числа»[1].

На развитие промышленного производства не могло не оказывать влияние то обстоятельство, что наряду с господствующим классом — дворянством в экономике большую роль продолжали играть представители торгового капитала, отлично уживавшиеся в условиях сохранения многих феодальных пережитков. При этом использовался и географический фактор — удобство грабить восточные окраины. Непосредственной целью политики царского правительства на окраинах оставался прямой грабеж. Развернувшееся железнодорожное строительство, осуществлявшееся прежде всего на государственные средства, несомненно, способствовало развитию промышленности, хотя предпринято это было в целях торговли. Но для продукции промышленности и ремесел открылись самые отдаленные рынки, в том числе и за пределами государства. При этом капиталистический город продолжал усиливать эксплуатацию отсталой полуфеодальной деревни, и не только при помощи цен и налогов,— использовалась дешевая рабочая сила, освобождавшаяся в результате усиления классовой дифференциации.

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 22, с. 42.

Капиталистическая Россия оставалась страной с сильными феодальными пережитками в деревне, с большой зависимостью промышленного капитала от иностранных монополий, с развитым аппаратом торгово-капиталистической эксплуатации, особенно на окраинах государства.

Все это объясняет то противоречивое положение, когда интенсивное развитие капитализма сочеталось с общей хозяйственной отсталостью и необычайно низким уровнем жизни подавляющего большинства населения. А вся эта специфика в определенной степени имела предпосылку и в географических условиях страны. Огромные территории «целины» на востоке, открывающей возможности для развития торгового капитала в связи с практически неограниченным рынком, и притом для любых товаров, хотя бы и не самого высокого качества, конечно, не могли не накладывать отпечатка на развитие экономики.

Бурное развитие промышленности и транспорта в России в конце XIX — начале XX в. сопровождалось жестокой эксплуатацией трудящихся. К тому же русская буржуазия по сути дела не смогла устранить и тяжесть феодальной эксплуатации крестьянства. Ведь «правление» буржуазии без царского самодержавия продолжалось всего лишь с февраля по октябрь 1917 г. И если в момент своего появления Российская империя была оплотом и резервом европейской реакции, то уже к концу XIX в. «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»[1]. В 1883 г. Ф. Энгельс утверждал, что «Россия, это — Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства»[2]. Мы знаем, насколько оправдались эти предвидения!

Рассматривая воздействие географического фактора на развитие капиталистической России, следует коснуться вопросов специфичности этого воздействия в условиях производственных отношений капитализма как социально-экономической формации. Это необходимо хотя бы потому, что и при неизменной географической среде, но при изменении общественной структуры меня-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 305.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 490.

ется и воздействие географического фактора на общество. Если, например, в условиях феодализма географическая среда влияла прежде всего на усиление индивидуализации производства, то в условиях капитализма усилилась ее роль в региональной специализации хозяйства, так как она стала материальной основой географического разделения труда. При этом территориальные различия между разными странами или районами сохраняли и даже усиливали свое былое значение.

Следовательно, географическая специфика, проявившаяся еще в докапиталистические времена, продолжала воздействовать на общество и при капитализме, хотя характер этого воздействия в ряде случаев сделался совершенно другим. Говоря иначе, хронологические изменения в воздействии географической среды на общество не устраняют различий в воздействии хорологического характера. Наоборот, они неизбежно возрастают, поскольку при переходе к более сложной общественной формации процесс взаимодействия общества с природой неизменно усиливается.

В условиях капитализма силы и материалы природы помимо своих природных свойств вовлекаются в борьбу капиталистов против мелкого производителя, с одной стороны, и против промышленного пролетариата — с другой. Если материальной базой феодального общества были почти исключительно земельные фонды, то при капитализме в производство вовлекается значительно более широкий набор компонентов географической среды.

Наиболее простой пример, подтверждающий это положение,— использование ископаемых углей. Несомненно, переход к капитализму означал широкое вовлечение их в сферу общественного производства, что в виде обратной связи способствовало развитию капитализма, особенно когда в результате воздействия других факторов в данном районе были созданы предпосылки для успешного развития капиталистической экономики. И неудивительно, что на первых этапах развития капитализма регионы, обладающие крупными запасами угля (особенно в сочетании с относительно близко расположенными от них месторождениями железа), при прочих равных или почти равных условиях резко выделялись по темпам своего развития.

В России это проявилось в возникновении крупного промышленного района в южной части страны (на территории современной Украины), где постепенно сформировалась крупнейшая угольно-металлургическая база. Донецко-Приднепровский район сохранил свое значение и в настоящее время.

Во взаимодействии общества с природой большой интерес представляет вопрос о той роли, которую играют малые причины. Например, относительно малая разница между издержками производства топлива и железной руды на Украине (Донбасс — Кривой Рог) и в районах царской России имела решающее значение для преимущественного развития промышленности в Донецко-Приднепровском районе. И таких примеров в мировой практике можно привести много. Словом, казалось бы, малые различия в географических условиях в ряде случаев приводят к очень значительным последствиям в развитии производства со всеми социально-экономическими изменениями, с этим связанными. Такого рода большое значение малых причин обусловлено отнюдь не природой, а социально-экономическими противоречиями, сильно обостряющимися при капитализме. Борьба интересов вокруг проблем природопользования имеет при этом двоякий характер: с одной стороны, это усиление конкуренции между предпринимателями и их национальными, а в дальнейшем и наднациональными монополиями, а с другой стороны, подавление мелких и средних предпринимателей (аутсайдеров) и борьба с пролетариатом и национально-освободительным движением в зависимых странах.

Первоначально эту борьбу капиталисты ведут экономическими методами. Но в своем развитии она, как правило, перерастает во внеэкономическую, что нередко приводило к войнам между буржуазными государствами, к войнам колониального характера, к отказу от буржуазной демократии и переходу к открытой диктатуре.

Преимущества, возникающие из наличия богатых угольных ресурсов (и соответственно нефтяных, газовых и т. д.), сами по себе, конечно, не являются причиной ускоренного развития стран или районов. Но обладание углем, особенно в сочетании с железом, создает дополнительные, благоприятные условия. А это в свою очередь позволяет району, обладающему богатыми минеральными ресурсами, быстрее развивать свою экономи-

ку, чем районам, не обладающим сколько-нибудь крупными залежами ископаемых углей. Следовательно, «малая» причина оказалась в данном примере условием, обеспечившим большое преимущество в развитии общества. Неравномерность в развитии капитализма, о чем писал В. И. Ленин, несомненно, в *определенном отношении* связана с действием географического фактора, хотя, конечно, далеко не только одного этого фактора!

Географическая среда создает возможность для существования общества. Но эта возможность по мере общественного развития приобретает все в большей степени опосредствованный характер через различия в общественных структурах, в уровнях производительных сил и специфики их качества через определенную, сложившуюся географическую специфику в отдельных странах и районах. Нигилистическое отношение к географической среде и ее влиянию на общественное развитие неизменно базировалось на преувеличении роли антропогенного или «чисто» общественного фактора. Объявлялось, что все изменения происходят только в результате человеческой деятельности, и забывалось, что в разных географических условиях эта деятельность всегда будет несколько разной хотя бы потому, что при этом неизбежны различия в орудиях и предметах труда и в природных процессах, на них воздействующих.

Если страны и районы еще до капитализма отличались разными темпами развития, то они соответственно отличались и характером социальной структуры. Возрастание самостоятельности, усиление независимости от природы означало возрастание *опосредствованной* зависимости общества от измененной природы, т. е. от географической среды, в смысле более многосторонних связей с природой, более полного приспособления человечества к ее сущности [1].

Реальный факт разнообразия в уровне развития производительных сил и в социальной структуре различных обществ неизменно базируется на различиях географической среды. Однако по мере развития человечества значение этих различий отступает на задний план; решающее значение приобретают хотя и обусловленные

[1] Капиталистическое общество, противопоставляющее себя природе, всегда и неизбежно разрушает эту природу, превращая ее в непригодное для жизни состояние. Поэтому капитализм уже теперь выступает в роли убийцы будущих поколений человечества.

первоначально природой, но различия в социальной структуре общества, в достигнутом уровне производительных сил.

В эпоху капитализма географическое разнообразие не перестает влиять на формирование типа общественной организации. Это разнообразие, особенно в обеспеченности важнейшими энергетическими и сырьевыми ресурсами, продолжает сильно воздействовать на производственную структуру стран и районов, а также и на различия в производительности труда, а следовательно, и на общий темп накопления капитала.

В то же время различия между империалистическими державами и зависимыми от них странами, первоначально обусловленные различиями в географической среде, в эпоху империализма усиливаются различиями в социальной структуре и создавшимися на этой почве отношениями зависимости и эксплуатации.

С развитием капитализма усложняется его структура производства. Наряду с формами, перешедшими от отживающих формаций (натуральное хозяйство, община, поместье, ремесленная мастерская), возникают новые формы (мануфактура, фабрика, комбинат). Наконец, формируется мировое капиталистическое хозяйство, и на основе усиленного роста территориального разделения труда — новый, неизвестный прошлым эпохам организм — производственный район. Технический прогресс эпохи капитализма ослабляет непосредственное воздействие географической среды, особенно ее природного комплекса. В то же время разделение труда и классовая (социальная) дифференциация усиливают разнообразие социальных, и прежде всего экономического, факторов. Опосредствованные через товар отношения между равноправными мелкими производителями были первой формой производственных отношений, при которых возникла натуральная форма производительных сил — географическое разделение труда. О натуральной форме в данном случае можно говорить на том основании, что географическое разделение труда означает более или менее прочную прикрепленность различных конкретных видов производителей к различным местностям.

Географическое разделение труда усиливается с ростом интенсификации использования земли (в широком смысле этого понятия), трудовых ресурсов, развитием

орудий труда (в дальнейшем — техники). Исходя из этого при капитализме устанавливаются три типа географического разделения труда, основанные на:

— территориальных различиях в географической среде;

— различиях в способах эксплуатации трудящихся;

— различиях в степени совершенствования орудий труда (на территориальных различиях в уровне техники и в ее территориальной специфике).

Сочетание этих типов разделения труда уменьшает значимость различий между небольшими объединениями людей, стирает (но окончательно не уничтожает) племенные и национальные различия между ними.

Одновременно формирование государственных объединений приводит к усилению разнообразия в общественных условиях, в том числе и к увеличению разнообразия географической среды, особенно в той ее части, которая, оказавшись вовлеченной в общественное производство, превратилась в производительные силы общества. В результате уменьшается значимость социально-биологических единств, возникших на ранних этапах развития человечества. С одной стороны, сохраняются многие местные, исторически сложившиеся особенности между отдельными народами (в том числе религиозные) и тем более между сформировавшимися в капиталистическую эпоху нациями. С другой стороны, не менее сильно проявляется тенденция к стиранию хорологических различий внутри человечества,— тенденция, оказывающая нивелирующее воздействие на народонаселение Земли, усиливающая его социальную общность. При этом социальная структура в каждом государственном объединении в условиях капитализма усложняется. Господствующие производственные отношения сосуществуют обычно с большим или меньшим количеством пережитков докапиталистических формаций. Социальная структура в капиталистических странах, как правило, представляет собой переплетение различных производственных отношений при господстве капиталистических. В целом развитие имеет противоречивый характер. И хотя в капиталистической системе различия племенные и даже национальные ослабевают, но в то же время они отнюдь не исчезают полностью, а в некоторых регионах усиливаются или, что также нередко бывает, реставрируются. Общественные условия

классовых обществ создают новые внутренние различия социального характера. В капиталистических странах в одно и то же время, с одной стороны, усиливаются различия между эксплуататорами и эксплуатируемыми слоями населения, между жителями городов и сельской местности, между людьми, занятыми физическим трудом, и людьми, занятыми умственным трудом, и т. д., а с другой стороны, социальные различия приобретают много общих черт почти во всех странах и у многих народов.

В целом взаимодействие капиталистического общества с природой характеризуется следующими особенностями:

— возрастанием роли разнообразия географической среды вследствие формирования мирового хозяйства капиталистической системы с усилившимся взаимодействием стран, ее составляющих, а следовательно, и с усилившимися различиями между ними;

— возрастанием роли вертикального разнообразия той же географической среды вследствие возросшего значения орудий труда (техники), что особенно ярко проявляется в развитии добывающей промышленности;

— усилением роли общественного взаимодействия между пространственно разными компонентами мировой капиталистической системы хозяйства, не снимающим влияния географической специфики стран и районов на развитие их хозяйства.

Поэтому образование сложной и противоречивой капиталистической системы хозяйства не снимает вопрос о том, как же воздействует географическая специфика на развитие каждой страны или района. Интеграция хозяйства в мировом масштабе базируется на усилении дифференциации в развитии отдельных стран и районов. И здесь мы видим еще одно проявление закона единства противоположностей. Интеграция усиливается в результате развития дифференциации.

Однако взаимодействие компонентов мировой капиталистической системы хозяйства, основанное на специфических отношениях между обществом и природой в разных регионах земного шара, не исчерпывает всего механизма общественного развития или даже одних только производительных сил. Существенную роль играют взаимоотношения между обществами, имеющими различную социально-экономическую структуру. Каждая

общественная формация обладает определенным самодвижением, т. е. развитием, под воздействием внутренне присущих данному обществу закономерностей. А закономерности эти принципиально разные у капиталистического и социалистического обществ. И хотя местные особенности присущи как капиталистическим, так и социалистическим странам в зависимости от *уровня* их социально-экономического развития и географической специфики, но дальнейшее развитие их общественных формаций определяется принципиально разными общественными закономерностями.

Известно, что в любом обществе, в каждом производственном организме активной, главной производительной силой остаются люди. Активно приспосабливаясь к природе, они постоянно вступают во взаимосвязи с новыми ее сторонами и тем самым вовлекаются на путь изменений, на путь развития, выходящий за рамки самодвижения общества. Империалисты, захватывая колонии, как правило, стремились не уничтожать в них исторически сложившиеся докапиталистические формы эксплуатации, приспосабливая их для более эффективной капиталистической формы эксплуатации. Проявлялось своеобразное приспособление капитализма к докапиталистическим производственным отношениям. Таким образом, способ грабежа хотя и определялся способом производства, но с учетом географической специфики.

Разделение труда между обществами возникает и тогда, когда между ними существует общность в способе производства, так как географическая среда в разных странах не может быть абсолютно одинаковой. В результате неизбежно возникают различия в специализации хозяйства, т. е. в разделении труда, что в свою очередь подразумевает необходимость межгосударственной торговли, так как всегда возникает спрос на продукцию, производимую в других странах.

В свое время переросший производительные силы феодального общества спрос был важным фактором усиления развития капиталистической частной собственности, породившей крупную промышленность. Капитализм и возник в результате стремления к снятию противоречия между односторонним, преимущественно сельскохозяйственным, развитием феодальной экономики и выросшими потребностями (спросом!) общества в

потребительских товарах промышленного происхождения. Многокомпонентность географической среды, ее многообразие предоставляли необходимые условия для расчленения, дифференциации трудовых процессов, для роста разнообразия потребностей и способов их удовлетворения.

Ленин писал: «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства»[1]. А это означает, что классовая дифференциация внутри общества не есть что-то постоянное. Классы возникают на том или ином этапе развития производительных сил. При этом возникновение и развитие классового общества на целом ряде этапов исторического развития имеет положительное значение, способствуя росту производительных сил и повышению общего уровня благосостояния населения. «...Разделение на классы имеет... известное историческое оправдание... оно имеет его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточностью производства и будет уничтожено полным развитием современных производительных сил»[2].

На более высоком уровне развития производительных сил классовая структура общества тормозит их дальнейшее развитие. Наступает время перехода от классовой дифференциации к социальной однородности общества, от классового общества к коммунизму. Говоря иначе, эпоха классового общества подходит к концу. Уровень развития производительных сил, достигнутый в капиталистических странах, делает необходимой планомерную организацию их дальнейшего развития. Эксплуатируемые капитализмом народы стран, отставших в своем развитии, имеют теперь достаточно сил, чтобы эту эксплуатацию с себя сбросить. Здесь нельзя не привести высказывание Энгельса, сделанное им на основе анализа капитализма в его отношении к природе: «В самых передовых промышленных странах мы укротили силы природы и поставили их на службу человеку; благодаря этому мы безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же следствия этого

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 7, с. 44—45.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 293.

роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет — огромный крах. Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной»[1].

Рост капиталистического производства обусловил собой небывалую в прошлые эпохи эксплуатацию природных условий и ресурсов. «...При капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее собственных законов само выступает лишь как хитрость, имеющая целью подчинить природу человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления или в качестве средства производства»[2]. Капитализм наряду с развитием производительных сил породил также тот дух утилитаризма, узкого практицизма, торгашества и делячества, который стимулировал и направлял энергию «частной инициативы», породил то хищническое отношение к природе, для которого она лишь объект жестокой эксплуатации... Если по отношению к рабочему применяется система «выжимания пота», то по отношению к природе — естественная доктрина «выжимания ресурсов». Географический фактор по мере развития капиталистического производства все в большей и большей степени угрожает человечеству резким ухудшением жизненных условий. Географическая среда все в меньшей степени начинает соответствовать требованиям человека как биологического индивида. Природа перестала выдерживать ее возросшую эксплуатацию.

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 358—359.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 387.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Переход к социалистическому способу производства, начавшийся в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, происходит при самом широком использовании географического фактора с одновременным качественным изменением отношения общества к природе.

Исторически сложившаяся мозаика крупных территориальных комплексов географической среды помогла революции выстоять в неравной борьбе с внутренними силами реакции и международной интервенцией империализма. В. И. Ленин связывал «возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну отчасти»[1] и с влиянием географического фактора — гигантскими размерами страны.

Новые, социалистические производственные отношения сами по себе подразумевали принципиально другое отношение к природе, которое начало основываться на стремлении к достижению «*полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества»[2]. И это естественно. Советское государство не могло базировать развитие производства на хищническом истреблении природных богатств, сделавшихся всенародным достоянием, и среди первых декретов Советской власти, подписанных В. И. Лениным, мы уже видим документы природоохранной направленности. При этом В. И. Ленин руководствовался положением о том, что «законы внешнего мира, природы... суть основы *целесообразной* деятельности человека»[3]. Уместно здесь также напомнить и слова Ф. Энгельса, утверждавшего, что основой всего человеческого бытия «является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»[4].

[1] *Ленин В. И.* ПСС, т. 41, с. 48.
[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 6, с. 232.
[3] *Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 169.
[4] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 545.

В ленинских декретах забота о природе как о всенародном богатстве сочеталась с четким пониманием ее территориальных различий. В них неизменно обнаруживается географический подход. Например, в «Основном законе о социализации земли», принятом в 1918 г., содержатся такие положения:

«§ 1. Вся земледельческая Россия распределяется на такое число поясов, сколько различных систем полеводства (переложная, трехпольная, восьмипольная, многопольная, плодосменная и др.) исторически сложилось в данный хозяйственный период.

§ 2. Для каждого такого земледельческого пояса устанавливается своя особая потребительно-трудовая норма. Внутри пояса она может изменяться в зависимости от климата и от естественного плодородия почвы в каждом угодии отдельно...»[1]

Примеров, подтверждающих большую заботу Советской власти об охране природных богатств, можно привести много. Но в данном случае важно отметить, что именно с первых лет Советской власти было положено начало природоохранному законодательству нашей страны. Были созданы природные заповедники, введена регламентация охоты, начались дноуглубительные работы в бассейнах рек и т. п.[2] Природоохранное законодательство первых лет Советской власти регламентировало использование всех основных видов природных богатств (минеральных ресурсов, земельных фондов, лесных и водных ресурсов, промысловых видов диких животных и рыб). И уже тогда проявлялось стремление к широкому использованию достижений науки и техники в целях охраны природы. «Для того, чтобы охранить источники нашего сырья, мы должны добиться выполнения и соблюдения научно-технических правил. Например, если речь будет идти о сдаче леса, то надо предусмотреть, чтобы правильно велось лесное хозяйство. Если речь идет о сдаче нефти, то надо предусмотреть борьбу с обводнением. Таким образом, тут нужно соблюдение научно-технических правил и рациональная эксплуатация»[3].

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957, с. 411.
[2] См. Декреты Советской власти. Т. 8. М., 1976, с. 207; т. 9. М., 1978, с. 243, 342.
[3] *Ленин В. И.* ПСС, т. 43, с. 174.

В апреле 1918 г. под председательством В. И. Ленина было принято постановление Совета Народных Комиссаров, поставившее перед Академией наук задачу более углубленного и целенаправленного исследования естественных богатств страны. На основе этого решения при президиуме АН СССР была создана Комиссия по изучению производительных сил (КЕПС), преобразованная затем в Совет по изучению производительных сил (СОПС). Первым председателем этой научной организации, непосредственно связанной с территориальным народнохозяйственным планированием, был В. И. Вернадский.

Еще до окончания гражданской войны Советское правительство выделило десятки миллионов рублей на создание оросительной системы в Средней Азии. Расширяются созданные В. В. Докучаевым агромелиоративные станции, создается сеть опорных пунктов по борьбе с эрозией почв. Издаются декреты о создании единой метеорологической службы и Декрет о недрах (апрель 1920 г.): «...эксплуатация недр и распределение добытых полезных ископаемых, а равно и общее руководство и надзор за горнопромысловыми операциями находятся в ведении Горного совета Высшего совета народного хозяйства и его органов...»[1] Большая забота проявлялась о том, чтобы на нефтепромыслах Апшеронского полуострова не пострадали прилегающие к ним сельскохозяйственные угодья. Выдвигалась идея о максимальном сочетании земледелия с промышленностью, получившая свое более полное воплощение значительно позже, при создании агропромышленных комплексов. Политика индустриализации неизменно сочеталась с природоохранными мерами. В связи с этим большое значение имело постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 31 июля 1931 г., согласно которому все лесные массивы страны были разделены на две зоны — лесокультурного и лесопромышленного значения. «К зоне лесокультурного значения отнести ...все лесные массивы степной части Западно-Сибирского края... лесные массивы Московской области, имеющие водоохранное значение в верховьях Волги, Днепра, Десны и Оки; лесные массивы Украинской ССР, за исключением Полесья и северной части правобережья

[1] Декреты Советской власти. Т. 8. М., 1976, с. 125.

Днепра»[1]. Согласно этому постановлению, ВСНХ поручалось в пределах лесопромышленной зоны выделить массивы, имеющие водоохранное значение (берега Волги, Днепра, Дона). Для лесокультурной зоны был установлен предельный размер ежегодных рубок, не превышающий годичного прироста древесины. Леса в пределах однокилометровой полосы по обе стороны среднего и нижнего течения рек Волги, Дона, Днепра и Урала объявлялись водоохранными.

Опиравшаяся на ленинские декреты об охране природы деятельность Советского правительства предусматривала бережное отношение к природным богатствам как к общенародному достоянию. Эта деятельность основывалась на социалистическом отношении к средствам производства как к общественной форме собственности. Ликвидация частной собственности на средства производства, и в частности на землю, уже создавала новые возможности для более рационального природопользования, усиливавшиеся по мере увеличения роли централизованного управления. Несомненно, эти существенные изменения в производственных отношениях создали объективные предпосылки для снятия антагонизма между обществом и природой и разумного использования материалов и сил природы без кризисных явлений экологического характера.

Однако как ни важны созданные объективные возможности рационализации природопользования в условиях социализма, сами по себе они недостаточны. К тому же не следует забывать, что в Советском Союзе шел весьма сложный процесс индустриализации, коренным образом перестраивалась вся экономика. Нормальный ход экономического развития нарушался внешней агрессией империалистических сил, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Определенные, существенные изменения во взаимодействие общества с природой вносит и научно-техническая революция, далеко не всегда сопровождающаяся ростом социально-экологической культуры. Не удивительно поэтому, что в СССР географическая среда в ряде случаев оказалась «перегруженной», возникли экономико-экологические проблемы, требующие теперь своего решения.

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929—1940 годы. М., 1967, с. 347.

Особенно большого размаха техническая оснащенность производства и масштабы природопользования достигли в СССР за период с конца 40-х годов XX в.

Топливно-энергетический баланс в пересчете на условное топливо, млн. т [1]

	1940 г.	1965 г.	1970 г.	1980 г.
Ресурсы — всего	283,8	1 121,5	1 399,8	2 172,8
Производство (добыча) топлива	237,9	966,6	1 212,8	1 905,7
Выработка гидроэлектроэнергии	0,6	10,0	15,3	22,6

Добыча топлива по видам (в пересчете на условное топливо — 7000 ккал) [2]

Годы	Всего	Нефть	Газ	Уголь	Торф	Сланцы	Дрова
1940	237,9	44,5	4,4	140,5	13,6	0,7	34,2
1980	1 905,7	862,6	515,7	484,4	7,3	11,9	23,8

Росла и добыча руд, что наряду с ростом добычи топлива не могло не влиять на состояние земельного фонда, особенно если учесть увеличение объемов добычи полезных ископаемых открытым способом. Добыча железной руды выросла с 29,9 млн. т. в 1940 г. до 244,7 млн. т в 1980 г.; марганцевой руды — соответственно с 2,6 млн. до 9,7 млн. т Производство минеральных удобрений, составлявшее в 1940 г. 3290 тыс. т (в условных единицах), в 1980 г. увеличилось до 103858 тыс. т. В сельском хозяйстве наряду с ростом вносимых минеральных удобрений увеличивалась и площадь орошаемых земель — с 8,1 млн. га в 1940 г. до 17,2 млн. га в 1980 г., что не может не влиять на речной сток.

В лесозаготовках в Сибири и на Дальнем Востоке произошли менее интенсивные сдвиги. Но все же в целом

[1] Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 53.

[2] Там же, с. 156.

вывоз древесины и работы по лесовосстановлению, компенсирующие вырубку леса, могут уже быть сопоставимы, особенно в европейской части СССР, что показано в таблице:

	1950 г.	1980 г.
Вывозка древесины (млн. куб. м)	266	356,6
Лесовосстановление и лесоразведение (тыс. га)	1 088	2 454
В том числе:		
посев и посадка	729	1 358
содействие естественному возобновлению леса	359	1 096

Значительно выросла дорожная сеть, а следовательно, и отводы земель под транспортные полосы отчуждения. Протяженность железных дорог выросла со 106,1 тыс. км в 1940 г. до 141,8 тыс. км в 1980 г., а их грузооборот соответственно увеличился с 420,7 млрд. до 3 439,9 млрд. тарифных т/км.

Немало отводилось земель и под автомобильные дороги с твердым покрытием, протяженность которых, составлявшая в 1940 г. 143,4 тыс. км, выросла к 1980 г. до 732 тыс. км. Протяженность нефтепроводов выросла с 4,1 тыс. км в 1940 г. до 69,7 тыс. км в 1980 г., а газопроводов — с 2,3 тыс. км в 1950 г. до 132 тыс. км в 1980 г. Общая электровооруженность труда увеличилась к 1980 г. в сравнении с 1940 г. в 7 раз. Сильно выросла и сеть электропередач [1].

Высокие темпы народнохозяйственного развития, рост народонаселения и его потребностей требовали ускоренного освоения природных ресурсов, в первую очередь минерально-сырьевых, земельных, водных, лесных. «Нагрузки» на географическую среду интенсивно увеличивались. Стремление быстрее увеличить объемы получаемой продукции, погоня за экономической эффективностью производства в ряде случаев приводили к ухудшению географической среды, особенно в районах ин-

[1] См. Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 174, 220, 294, 295, 305, 306.

генсивного развития промышленности и урбанизации. Ликвидировать возникающие экологические осложнения — дело не простое. Поэтому Советским государством был намечен и осуществлен ряд мер.

В ходе их реализации и социалистического строительства к оценке эффективности производства был выработан более широкий *общественно-экологический* подход, включающий в себя не только одни технико-экономические расчеты. Устранение в социалистическом обществе хищнического отношения к природе заложено уже в его социальном строе, но отнюдь не в доставшейся от прошлого технике. Коммунизм подразумевает принципиально новую технологию, не имеющую отходов. Советская наука, руководствуясь этим принципом, разрабатывает основы для создания производственных малоотходных комплексов, т. е. для повышения комплексности при использовании минерального сырья, тепловой энергии, включая тепло атомных электростанций, и других материалов природы, более рациональные структуры производства и потребления металлов, включая их естественное микролегирование, и технологические процессы с минимальным расходом сырья и энергии. Огромное значение приобретает экологическая оценка ущерба от загрязнения географической среды и оценка экономического эффекта, получаемого в результате предотвращения загрязнения. Выявляются пути для установления сравнительной экономической эффективности и очередности мероприятий по введению малоотходной, а в дальнейшем и безотходной технологии в общественное производство и потребление.

Переход к безотходной технологии коммунистического завтра осуществляется в условиях социалистического общества путем внедрения малоотходной технологии с одновременным совершенствованием очистных сооружений и их расширяющимся применением. В этой связи начинает изменяться структура производства. Появляются предприятия — *симбионты,* на которых полезная продукция производится из отходов других, как правило, более крупных предприятий, перерабатывающих первичное сырье, получаемое отраслями добывающей промышленности. В перспективе в структуре производства наряду с добывающими и обрабатывающими отраслями промышленности будут развиваться симбионтные отрасли. Только их широкое распространение во

всех территориально-производственных комплексах (ТПК) сможет обеспечить переход к безотходной технологии.

Извлечение продукции из отходов нередко считалось делом экономически малорентабельным, что обусловливалось узко понимаемой экономической эффективностью, основанной на малокорректных методах и ограниченных модельно-качественных оценках. Очистные сооружения, несмотря на всю их необходимость, не решают проблему загрязнения среды, лишь смягчая ее в отдельных городах, реже районах. В перспективе стоит задача наращивать мощность симбионтных отраслей, с тем чтобы отходы производства полностью превратились в промышленное сырье.

Между господством хищнической технологии капиталистического общества и безотходной технологией социализма лежит целый исторический этап в развитии производства, имеющий свои специфические особенности, резко отличающие социалистические страны от капиталистических. В социалистических странах наращиваются экономические потенциалы, растет производительность труда, совершенствуются структуры производства. Опережающее развитие получает энергетика, создаются принципиально новые орудия труда (в том числе и экологически более приемлемые), совершенствуются системы народнохозяйственного (особенно территориального) планирования и управления. Решение первоочередных задач в области производства и социального прогресса в условиях социализма заставляет интенсифицировать экономику социалистических стран, широко используя новейшие достижения научно-технической революции, усложняя межотраслевые и межрайонные производственно-экономические связи внутри стран, расширяя их участие в системе международного разделения труда, и прежде всего путем углубления социалистической экономической интеграции.

Развитие производительных сил в СССР подразумевает вовлечение в хозяйственный оборот в первую очередь наиболее экономичных ресурсов. Меняются территориальные пропорции народного хозяйства, что обусловлено изменениями в размещении прироста рабочей силы и территориальными диспропорциями в энергообеспеченности. Следует напомнить, что основные запасы топливно-энергетических ресурсов СССР сконцентри-

рованы на востоке, а $^3/_4$ потребителей топлива и электрической энергии — в европейской части СССР и на Урале. Изменения в размещении производительных сил призваны способствовать рационализации в природопользовании.

Экономический потенциал страны в целом по-прежнему определяется уровнем развития и эффективностью производства в ее европейской части, где дальнейший прирост производства происходит главным образом в результате реконструкции и расширения действующих предприятий. Их развитие базируется также на квалифицированных кадрах и сырьевых ресурсах, поэтому для европейской части СССР наиболее эффективны трудоемкие и неэнергоемкие отрасли. В то же время основная масса получаемого прироста в производстве нефти, газа, угля, цветных металлов, продукции химической и нефтехимической промышленности связывается с освоением природных ресурсов Сибири, где преимущественное развитие получают энерго-, материало- и водоемкие отрасли промышленности.

Юго-Восточный регион СССР (Казахстан и Средняя Азия) специализируется на добыче и производстве цветных металлов и некоторых видов химического сырья. Преимущественное развитие получают трудоемкие отрасли промышленности — машиностроение, легкая и пищевая, а также цветная металлургия, нефтехимия, электроэнергетика.

Дальний Восток создает промышленное производство, используя свою богатейшую сырьевую и энергетическую базу. XXVI съезд КПСС поставил задачу обеспечить на Дальнем Востоке «дальнейшее развитие цветной металлургии, нефтеперерабатывающей, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Увеличить производство сои, риса и другой сельскохозяйственной продукции»[1]. Создаются новые возможности для усиления экспортного характера хозяйства Дальнего Востока в связи с предстоящим окончанием строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Если до сих пор внешнеэкономические связи региона базировались преимущественно на экспорте продукции южной зоны Дальнего Востока и ограничивались возможностями Трансси-

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 188.

бирской железной дороги, то теперь открываются перспективы для экспорта промышленной продукции огромных территорий Западной и Восточной Сибири и всего Дальнего Востока, включая Якутию. «Все это дает основание считать, что БАМ имеет непосредственное отношение к развитию международных экономических связей. Нефтегазовые, лесные и топливные ресурсы, а также цветные металлы Сибири и Дальнего Востока по своей значимости уже на современном этапе их освоения выходят за рамки сибирского и даже общегосударственного потребления. Они начинают оказывать заметное влияние и на развитие мирового хозяйства» [1].

Еще более отчетливо это сказано М. А. Сусловым: «Сооружая сегодня БАМ, новые города, шахты и промыслы на востоке, мы работаем не только на сегодняшний день, но и для будущего, создаем прочную основу дальнейшего роста всего народного хозяйства страны, укрепления обороноспособности, повышения народного благосостояния» [2].

В период интенсивного народнохозяйственного развития вступает Якутский регион, особенно Южная Якутия, уникальная по своим природным ресурсам. Нерюнгринский угольный бассейн — второй по величине после Кузбасса. Рядом с углем выявлены крупные месторождения железных руд. Чаро-Токинский железорудный бассейн по запасам выходит на второе место в стране после Курской магнитной аномалии. На севере Читинской области находится крупное месторождение меди (Удокан). Чрезвычайно велики и разнообразны залежи строительных материалов, много полиметаллических руд и других ценнейших материалов. Огромны запасы древесины. Далеко не исчерпаны гидроресурсы, имеются возможности для создания крупных гидроэлектростанций. Зона, прилегающая к БАМу, находится в центре внимания при планировании народного хозяйства Сибири и Дальнего Востока. «Развернуть работы по хозяйственному освоению зоны, тяготеющей к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Завершить проектные работы по Удоканскому медному месторождению. Продолжить формирование Южно-

[1] Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск, 1980, с. 308.

[2] *Суслов М. А.* Марксизм-ленинизм и современная эпоха. М., 1980, с. 81.

Якутского территориально-производственного комплекса, завершить строительство угольного разреза, обогатительной фабрики и первой очереди Нерюнгринской ГРЭС. Разработать технико-экономические обоснования освоения железорудного месторождения в Южной Якутии, а также строительство железной дороги Беркакит—Томмот — Якутск.

Продолжить строительство Бурейской ГЭС, закончить сооружение Приморской ГРЭС и Колымской ГЭС»[1].

Западная Сибирь, например, превратилась в промышленный район, где построены и продолжают строиться такие города, как Сургут, население которого в 1980 г. превысило 120 тыс. человек. Свыше 100 тыс. человек имеет Нижневартовск, растут города Нефтеюганск, Урай, Стрежевой, Надым и др. Промышленный комплекс обеспечивается электроэнергией Сургутской ГРЭС, работающей на попутном газе, мощность которой составляет 2,5 млн. кВт, а к 1985 г. увеличится до 6,2 млн. кВт. Действует железная дорога Тюмень — Сургут — Нижневартовск. В 1982 г. она дойдет до Уренгоя. Построена мощная система газопроводов на Урал и в европейскую часть СССР, по которой в 1980 г. было перекачано 148 млрд. куб. м газа. Мировая практика не имеет подобного опыта сооружения магистральных газопроводов большого диаметра протяженностью свыше 3 тыс. км[2].

Добыча нефти в Западной Сибири открыла самые широкие перспективы для развития лесной промышленности. Лесные богатства Сибири начинают широко использоваться социалистическим производством.

Многие негативные стороны в действии географического фактора устраняются самим социалистическим способом производства. Особенно отчетливо это проявляется в практике территориального планирования, учитывающего региональные различия, существующие в географической среде нашей страны. Народнохозяйственная целесообразность, заменившая капиталистическую погоню за прибылью, возможность полного учета

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 188.

[2] См. *Филановский В.* Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: результаты и перспективы. — Плановое хозяйство, 1980, № 3, с. 19; Тюменский Север сегодня. — Правда, 6 мая 1980 г.

воздействия географического фактора открывают широкие возможности для создания природоохранных систем. Работы в этом направлении особенно активизировались с принятием постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов». Оно положило начало новому периоду в организации природопользования, усилению целенаправленной, систематической деятельности по охране природы. Реализация этого постановления позволила усилить контроль за правильностью использования колхозами, предприятиями и организациями земель, вод, лесов, недр и других природных богатств.

Возлагая ответственность за охрану природы на министерства и ведомства, постановление усиливает централизацию природопользования, указывает на необходимость перехода к безотходной технологии будущего. Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике предложено разрабатывать и утверждать планы исследований по научным основам рационального использования природных ресурсов. При разработке этих планов особое внимание уделяется обеспечению перехода на качественно новые технологические процессы, уменьшающие отрицательное воздействие на окружающую среду. Ряду союзных организаций, в том числе Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике, Академии наук СССР, Госплану СССР, Госстрою СССР, поручено было разработать в 1973—1974 гг. научно-технический прогноз возможных изменений в биосфере в результате развития отраслей народного хозяйства на перспективу (в 20—30 лет). Этим же решением при Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике создан Междуведомственный научно-технический совет по комплексным проблемам охраны окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов. Была развернута подготовка специалистов в области охраны природы. ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ поручено организовать активное участие трудящихся и молодежи в работе по охране природы. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, министерства и ведомства СССР активно участвуют в осуществлении программ международного сотрудничества в области изучения окружаю-

щей природной среды и защиты ее от неблагоприятных воздействий.

Большое внимание проблеме рационализации природопользования и охраны окружающей среды уделялось съездами КПСС. Изучая материалы XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, их значение для снятия антагонизма между обществом и природой, нельзя не отметить прежде всего их полную последовательность ленинским декретам об охране природы и предшествующим документам партии и правительства по этим проблемам. Эта преемственность в то же время означала развитие, совершенствование всей практики использования природных ресурсов. После XXV съезда КПСС, например, на сохранение окружающей среды были выделены многомиллиардные ассигнования в дополнение к средствам, отпущенным для этой же цели министерствами и ведомствами.

Охрана природы, рациональное использование ее ресурсов могут быть реальны лишь при условии дальнейшего роста производительных сил и совершенствования технологии, с тем чтобы всемерно усилить ее безотходный характер. Поэтому на XXVI съезде КПСС была поставлена задача «совершенствовать технологические процессы и транспортные средства с целью сокращения выбросов вредных веществ в окружающую среду и улучшения очистки отходящих газов от вредных примесей. Увеличить выпуск высокоэффективных газопылеулавливающих аппаратов, водоочистного оборудования, а также приборов и автоматических станций контроля за состоянием окружающей природной среды» [1]. При этом в условиях социализма географический фактор учитывается не только при использовании техники, но и при создании самих технических средств. «Обеспечить создание и расширение производства техники и материалов, отвечающих требованиям эксплуатации в различных климатических зонах страны, и особенно в условиях Крайнего Севера» [2].

Характерна направленность в развитии горнодобывающей промышленности. Высокая экономическая эффективность открытых разработок все более делает их ведущим способом добычи полезных ископаемых. В то

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 184.
[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 176.

же время XXV съезд КПСС подчеркнул, что следует «расширить производство оборудования для подземной добычи руды; освоить выпуск мощных экскаваторов, думпкаров грузоподъемностью до 170 тонн, высокопроизводительных буровых станков с диаметром бурения до 400 миллиметров для угольной и горнорудной промышленности»[1].

В свете решений XXV и XXVI съездов КПСС советскими учеными и практиками расширено и продолжает расширяться комплексное исследование земной коры и верхней мантии, включая морские шельфы и дно Мирового океана. Появились новые комплексные, высокоэффективные методы исследований: геофизические, ядерно-геофизические, геохимические, новая аппаратура, повышающая эффективность разведки месторождений полезных ископаемых. В геологоразведочных работах стала шире использоваться высокопроизводительная техника для бурения, разрабатываются принципиально новые способы разрушения горных пород с применением ультразвука, электрогидравлического эффекта и т. д. Усиливается и регионализм геологоразведочных работ, что обеспечивается широким использованием новых методов наземных, воздушных и космических съемок. И наконец, реализация указаний съездов КПСС открыла большие перспективы в области синтеза минерального сырья, позволяющего получать редкие или совсем не встречающиеся в природе материалы, обладающие ценными свойствами. Все это, в значительной мере созданное в годы девятой и десятой пятилеток, обеспечивает необходимыми средствами выполнение задач, поставленных XXVI съездом КПСС: «Более комплексно осваивать месторождения полезных ископаемых, не допуская их потерь при добыче и переработке.

Ускорить строительство водоохранных объектов в бассейнах Черного, Азовского, Балтийского, Каспийского морей и в важнейших промышленных районах страны. Осуществить меры по усилению охраны морей, рек и других водоемов Арктического бассейна от загрязнения. Увеличить мощности систем оборотного и повторного использования вод, разрабатывать и внедрять на предприятиях бессточные системы водоиспользования. Улучшить охрану водных источников, в том числе малых

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 185.

рек и озер, от истощения и загрязнения. Продолжить работу по охране и рациональному использованию уникальных природных комплексов, и прежде всего Байкала»[1].

Постоянная забота об охране природы проявляется социалистическим государством и в области сельского хозяйства. Здесь нельзя не привести широко известные слова Л. И. Брежнева: «К сельскому хозяйству мы, строители коммунизма, должны подходить и еще под одним углом зрения — охраны окружающей среды. Это проблема, которая стоит не только перед промышленностью. Ведь труд земледельца и животновода — это по существу использование природы, окружающей нас естественной среды для удовлетворения нужд человека.

Однако использовать природу можно по-разному. Можно — и история человечества знает тому немало примеров — оставлять за собой бесплодные, безжизненные, враждебные человеку пространства. Но можно и нужно, товарищи, облагораживать природу, помогать природе полнее раскрывать ее жизненные силы. Есть такое простое, известное всем выражение «цветущий край». Так называют земли, где знания, опыт людей, их привязанность, их любовь к природе поистине творят чудеса. Это наш, социалистический путь. Следовательно, мы должны рассматривать сельское хозяйство как огромный, постоянно действующий механизм охраны, культивирования живых природных богатств. И природа воздаст нам сторицею»[2].

В сельскохозяйственной практике стали шире использоваться системы ведения хозяйства, в наибольшей степени соответствующие зональным особенностям в природных условиях. Разрабатываются экологические принципы использования сельскохозяйственных угодий, и принципы не шаблонно повсеместные, а зональные и районные. Например, для Черноземной зоны они отличаются от тех, что предназначены для Нечерноземной. Географический подход особенно важен при расширяющемся мелиорировании земель. Определение масштабов развития орошаемого земледелия и сами осушительные работы осуществляются ныне с комплексных, общегосударственных позиций, со строгим учетом региональных

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 183—184.
[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 53.

особенностей. В годы десятой пятилетки «в крупных масштабах велись работы по ирригационному и мелиоративному строительству. Площадь орошаемых и осушенных земель достигла почти 35 млн. гектаров. Осуществлялась комплексная программа подъема сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Более глубокий и разносторонний характер приобрели концентрация и специализация сельскохозяйственного производства, агропромышленная интеграция»[1].

Еще большие масштабы воздействия на природу открывают решения XXVI съезда КПСС на перспективу до 1990 г. А это означает, что необходимо лучше и с большим «выходом» в практику знать географическую среду, возможности ее использования с предотвращением негативных последствий. Поэтому перед наукой ставится задача: «...изучение строения, состава и эволюции Земли, биосферы, климата, Мирового океана, включая шельф, с целью рационального использования их ресурсов, совершенствования методов прогнозирования погоды и других явлений природы, повышения эффективности мероприятий в области охраны окружающей среды, развитие экологии»[2].

Охрана окружающей среды в наибольшей мере сочетается с оптимальным развитием сельскохозяйственного производства. В перспективных планах развития народного хозяйства до 1990 г. широко учитываются зональные различия в географических условиях, особенно при формировании агропромышленных комплексов. В подтверждение сказанного достаточно напомнить о специальном решении по подъему Нечерноземья. В еще большей степени учет географических условий необходим при создании продовольственной программы, основой которой «является **дальнейший подъем сельского хозяйства**»[3].

Большое значение приобретают при этом рекомендации ландшафтоведов о пользе чередования массивов сельскохозяйственных угодий с участками естественной растительности, а для Нечерноземья — с лесными дачами, водоемами и даже болотами. Принятые планы исходят из того, что при выборе структуры землепользования в первую очередь должен учитываться рельеф,

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 133.
[2] Там же, с. 147.
[3] Там же, с. 45.

а сама сельскохозяйственная техника — приспосабливаться к ландшафтам, а отнюдь не наоборот, как это уже давно доказала практика. Бережное отношение к земле в практике ее любого использования — прямое требование Коммунистической партии Советского Союза, прозвучавшее на ее XXIV—XXVI съездах.

Укрупнение массивов пахотных земель в каждом отдельном случае имеет свои пределы, которые весьма важно учитывать, иначе усиливается эрозия, что неизбежно снижает экономическую эффективность земледелия. Еще хуже, когда естественные ландшафты превращаются в бросовые земли в результате открытых разработок полезных ископаемых. Поэтому в документах партии подчеркивается, что рекультивация земель абсолютно необходима во всех тех местностях, где завершаются работы предприятий горнодобывающей промышленности.

Опыт показал, что в отдельных случаях рационально использовать в хозяйстве можно и естественные ландшафты, непригодные для земледелия. Например, болота часто без достаточных оснований подвергаются осушению. Болота в природе необходимы, и их повсеместное осушение может ухудшить водный баланс отдельных районов страны. Особенно опасно их переосушение. Тогда вместо болот возникают пятна антропогенных пустынь с выгоревшим торфом. Следует также добавить, что сбор даров природы в ряде случаев может оказаться более рентабельным, чем земледельческая эксплуатация осушенных болот. «Болота могут дать до 500 кг клюквы с гектара и некоторое количество дичи, что в сочетании с водоохранным значением болот и их ролью в качестве местообитания редких биологических видов и сообществ во многих случаях делает сохранение болот более предпочтительным, чем их осушение» [1]. При «окультуривании» болот Рязанской Мещеры можно создать ягодные плантации, каждый гектар которых «будет давать не менее четырех тонн клюквы» [2].

Сохранение болот и охотничьих угодий, особенно в лесной зоне, приобретает большое значение в связи с ростом потребностей в естественных продуктах приро-

[1] *Исаченко А. Г.* Оптимизация природной среды. М., 1980, с. 168.

[2] Правда, 1 июля 1980 г.

ды, стоимость которых непрерывно растет. Не только дикорастущие ягоды и грибы, но и многие травы приобретают все большую ценность, особенно для медицины. То же можно сказать и о многих «трофеях» охотничьего промысла и звероводства. Меха, панты издавна применяются в фармацевтике, не говоря уж о мясе диких животных. В отдельных случаях охотничье хозяйство и в наши дни может быть экономически эффективным не только в саваннах, где концентрация домашних животных часто заведомо менее рентабельна, чем рациональное охотничье хозяйство. Вполне возможно, что сочетание звероводства и сбора даров природы окажется весьма рентабельным, например, в Рязанско-Владимирской Мещере, не говоря уже о том, что такого рода использование географической среды сохраняет генофонд естественной растительности и диких животных, что имеет все еще не вполне осознанное, но чрезвычайно большое значение.

Рассматривая воздействие географического фактора в области сельского хозяйства, следует подчеркнуть его определенную стабильность. Воздействие, например, почвенного разнообразия сохраняет свою значимость во все эпохи. И именно из-за этой устойчивости эффект индивидуального земледельческого труда на всех этапах истории был весьма значительным, так как его индивидуализация позволяет лучше изучить все свойства земельного участка с целью получения максимальной продукции. В нашей стране, в условиях социализма, ярко проявились преимущества концентрации, благодаря которой сельское хозяйство теперь обладает мощной техникой и агротехникой. Сельскохозяйственная наука стала обеспечивать практику знаниями местных условий, и большая роль в этом принадлежит советской географической науке.

Преимущества концентрации в сельском хозяйстве несомненны, но они не абсолютны. Если подсчитать объем продукции, получаемой с мельчайших земельных участков при их индивидуальной обработке, то он будет весьма велик в пересчете на единицу площади. Отсталость индивидуального земледелия проявляется не в низкой *абсолютной* производительности земли (хотя встречались и такие случаи), а в колоссально большом количестве *труда,* затрачиваемом на единицу площади земельных угодий, в требовании огромных трудовых ре-

сурсов, большой доли населения, занятого в сельском хозяйстве.

Однако при наличии избыточных трудовых ресурсов индивидуализация земледельческого труда может давать положительные результаты, особенно качественного характера. Она обеспечивает также уникальность продукции, что всегда высоко ценится.

Смотря в будущее, следует поэтому сказать, что весьма заманчиво выглядит возможность сочетания крупных механизированных государственных и кооперативных хозяйств, производящих *основную массу* сельскохозяйственной продукции при минимальных трудовых затратах, с мельчайшими земельными участками личного, «любительского» использования за счет свободного времени рабочих, служащих и членов их семей. В своей совокупности эти участки могут давать заметную часть производимого в стране мяса, молока, овощей, фруктов, цветов, обеспечивая чрезвычайно большое разнообразие сельскохозяйственной продукции. Сведéние сельского хозяйства только к крупным хозяйствам, переведенным на промышленную основу, нельзя считать полным решением всех проблем его развития. На XXVI съезде КПСС отмечено, что главным в сельском хозяйстве «были и остаются колхозы и совхозы. Но это вовсе не означает, что можно пренебрегать возможностями личных подсобных хозяйств»[1]. В канун XXVI съезда партии по этому вопросу было принято специальное постановление Центрального Комитета КПСС.

В условиях социализма эта проблема получает и другой аспект. Сокращение рабочего времени на производстве увеличивает свободное время тружеников. Более того, высокая концентрация производства, сопровождаемая урбанизацией, вызывает у людей естественную потребность «бывать на природе». Для удовлетворения этой потребности уже многое делается, и увеличение общего количества небольших личных подсобных хозяйств, несомненно, может способствовать повышению благосостояния и отдыху трудящихся.

Учитывая огромное почвенно-климатическое разнообразие земельных фондов, широкая сеть личных хозяйств может рассматриваться как проявление индиви-

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 47—48.

дуализации земледельческого труда с большим положительным значением и для крупных хозяйств. И в селекции, и в целом в агрономии известны случаи, когда достижения энтузиастов, работающих на микроучастках, затем внедряются и крупными хозяйствами. Развитие личных хозяйств делается для ближайшей перспективы делом несомненно полезным, а попытки их полной ликвидации объективно направлены против новых Мичуриных, против усиления социалистического сельского хозяйства. Л. И. Брежнев, выступая 25 октября 1976 г. на Пленуме ЦК КПСС, сказал: «Свертывание производства сельскохозяйственных продуктов в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих... преждевременно. Личным хозяйствам надо уделять больше внимания, проявлять о них заботу» [1].

Природоохранные мероприятия в СССР осуществляются и на основе введения более строгих нормативов по отводу продуктивных земель под несельскохозяйственные нужды. Однако уже отведенные земли можно полнее, рациональнее использовать, а внедряя передовые методы организации и технологии строительства, вполне можно снизить удельную землеемкость. Большое внимание уделяется изучению влияния хозяйственной деятельности на плодородие почв с учетом зональных и районных различий в почвенно-растительном покрове. Весьма актуальны исследования экологической роли почвенного покрова и вод суши как важнейших компонентов географической среды.

Природопользование в СССР регламентировано не только отдельными постановлениями партии и правительства, но и Основным Законом. В статье 18 Конституции говорится: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей среды» [2]. Ресурсы природы включены в общую экономическую систему отраслевого и территориального планирования, в единый народнохозяйственный комплекс страны, основу которого со-

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978, с. 153.

[2] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 11.

ставляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. На основе государственных планов экономического и социального развития, утверждаемых Верховным Советом СССР, Совет Министров СССР в соответствии со статьей 131 Конституции СССР разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению роста благосостояния и культуры народа, по рациональному использованию и охране природных ресурсов. Статья 147 Конституции возлагает на местные Советы народных депутатов обеспечение комплексного экономического и социального развития на их территории и контроль «за соблюдением законодательства расположенными на этой территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения»[1], координацию их деятельности в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения и контроль за этой деятельностью. Охрана здоровья граждан СССР закреплена статьей 42 Конституции, при этом в числе других мер она обеспечивается и мероприятиями по оздоровлению географической среды, созданием наиболее благоприятных условий для труда и отдыха.

В этой связи следует напомнить высказывание тов. М. А. Суслова о том, что «партия неоднократно подчеркивала, что охрана природы и рациональное использование природных ресурсов в условиях быстрого развития производства являются одной из важнейших экономических и социальных задач Советского государства. <...>

Чистые реки, полноценные леса, почва, надежно защищенная от водной и ветровой эрозии, — это величайшее национальное достояние. Успешное проведение мероприятий по охране природы важно не только в экономическом отношении, но и как средство защиты здоровья человека. Мы не вправе относиться к охране окружающей среды как к делу второстепенному. Всему, что связано с улучшением жизни советских людей, партия придает особое значение, ибо нет у нее инте-

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 53—54.

реса выше, чем забота о благе и счастье нашего народа»[1].

Включение заботы о природе в Основной Закон (Конституцию СССР), целый ряд декретов, постановлений партии и правительства и отдельных законодательных актов позволяют утверждать, что в Советском Союзе развивается особая отрасль советского права — экологическое право. Мы свидетели усиления правовых законодательных мер, направленных на охрану природы, на рационализацию природопользования. Так, например, на заседании Президиума Верховного Совета СССР 23 июня 1980 г. рассматривались проекты законов «Об охране атмосферного воздуха» и «Об охране и использовании животного мира». С их принятием практически для всех важнейших видов природной среды — земли, воды, лесов, недр, атмосферного воздуха и животного мира — будет установлен необходимый правовой режим, позволяющий строить взаимоотношения человека с природой на основе разумного, бережного и подлинно хозяйского подхода[2].

Природа рассматривается теперь далеко не только как природное «окружение», но и как часть материального мира, находящаяся в единстве взаимодействия с обществом, но в единстве противоположностей. Это единство составляет на территории СССР сложные общественно-природные, территориальные комплексы географической среды, отличающиеся большим разнообразием от места к месту. Изучение и учет географического фактора в условиях социализма стали осознанной необходимостью, вошли в систему народнохозяйственного планирования и управления. Но такого рода общественно-природные системы имеют нерефлекторный характер. Ими нельзя управлять, так же как рефлекторными (например, техническими), реакция которых на то или иное воздействие может быть заранее точно определена. Сложные системы географической среды, представляющие собой результат процесса взаимодействия общества с природой и в то же время сферу этого взаимодействия, могут быть названы *парадоксальными*. Их ответная реакция на воздействие не может пока быть точно предсказуема. Возможности планирования и управле-

[1] *Суслов М. А.* Марксизм-ленинизм и современная эпоха, с. 106—107.

[2] См. Правда, 24 июля 1980 г.

ния такого рода системами заложены в интегральных исследованиях, в широких теоретических обобщениях *общенаучного* характера. Эти возможности проглядываются на путях научной интеграции результатов, полученных частными науками, на путях обобщения получаемых результатов, или, говоря иначе, на путях научного развития не столько вглубь, сколько вширь. Большое значение будет при этом принадлежать наукам, развивающимся на стыках естественных наук с общественными, на изучении хронологических и хорологических взаимодействий, на выявлении сопряженности в развитии, казалось бы, весьма далеких друг от друга явлений материального мира. Общегеографический подход мог бы быть здесь применим с весьма большим успехом.

Территориальные комплексы географической среды уже теперь в социалистических странах стали естественной основой территориально-производственных комплексов (ТПК), развитие которых рассматривается в тесной увязке с развитием производства и с рационализацией природопользования. Сама организация производства в форме систем ТПК создает необходимые предпосылки для перехода к малоотходной, а затем и к безотходной технологии. Территориальное комплексирование само по себе еще не обеспечивает этого перехода, но оно создает первое, необходимое условие, так как при разбросанности предприятий вообще было бы невозможно обеспечить использование отходов одного предприятия в качестве сырья для другого. Однако в работах, посвященных анализу ТПК, эта сторона чаще всего не привлекает внимания исследователей. Создание на базе ТПК комбинатов с тесными производственными связями, с общим уровнем технологии и общим планированием может быть новым этапом на пути к безотходной технологии. ТПК стали основной формой организации производительных сил в Советском Союзе, и решение проблем охраны окружающей среды в отрыве от этой формы представляется нам попросту невозможной. Эта идея была четко сформулирована Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС: «Лицо отдельных районов страны во все большей мере будет определяться реализацией крупных народнохозяйственных программ и созданием территориально-производственных комплексов. Можно назвать такие уже начатые программы, как развитие сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР,

индустриально-аграрной зоны Курской магнитной аномалии, Западно-Сибирского территориально-промышленного комплекса, системы Ангаро-Енисейских комплексов, Южно-Таджикского и других. Начнется формирование нового Тимано-Печорского промышленного комплекса с использованием имеющихся здесь богатых месторождений нефти и газа»[1]. Крупные народнохозяйственные программы создаваемых на их основе ТПК содержат в себе конкретные разработки мероприятий, предотвращающих при их реализации ухудшение условий жизни и трудовой деятельности советских людей. Все это говорит о том, что в настоящее время в социалистических странах проблемы экологического характера усиленно решаются на практике и учитываются в прогнозах и планах. То, что уже сделано в ходе строительства социализма, наглядно свидетельствует о том, что производство в социалистических странах выгодно отличается от производства даже в развитых капиталистических странах своей более высокой экологической культурой. Это утверждение может быть проиллюстрировано следующей таблицей[2].

Население, промышленность, загрязнение среды
(в % от мирового итога)

	Развитые капиталистические страны	В том числе США	Западная Европа	Социалистические страны	В том числе СССР
Население	19,5	5,5	8,0	33,0	6,6
Промышленная продукция	53,0	24,6	19,2	39,0	20,0
Загрязнение среды	63,0	31,0	20,0	24,0	10,0

В дальнейшем, несомненно, различия в качестве природной среды между капиталистическими и социалистическими странами будут еще большими.

Принятое в нашей стране в декабре 1978 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» предусматривает целый ряд новых мероприятий исходя из необ-

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 152.
[2] *Рябчиков А. М.* Метеорология и гидрология, 1974, № 3, с. 13.

ходимости решения сложных, комплексных задач не только технико-экономического, но и социального характера. Еще больше усиливается ответственность министерств и ведомств «за охрану природы, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов и своевременное выполнение соответствующих природоохранных мероприятий». Особое внимание при этом обращено на «создание технологических процессов и оборудования, снижающих производственные и иные вредные выбросы в окружающую среду»[1].

Природа в социалистических странах рассматривается при развитии народного хозяйства как первооснова материальных благ, животворный источник здоровья, радости, духовного богатства всего человечества. Широкие полномочия, особенно в части контроля над природопользованием, предоставлены Государственному комитету СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды. Этот комитет осуществляет большую работу по созданию и налаживанию эффективно действующей *государственной системы* проверки соблюдения норм и правил охраны чистоты вод и воздушного бассейна. В Госплане СССР создан специальный отдел, занимающийся проблемами природопользования.

В результате усиления роли природоохранных мер при народнохозяйственном планировании в СССР начала функционировать служба наблюдения и контроля за уровнем загрязнения природной среды. «Контроль загрязнения атмосферного воздуха проводится в 450 городах. Организуются автоматизированные системы контроля, начата широкая инвентаризация источников загрязнения атмосферного воздуха. Высокую эффективность доказал опыт установления нормативов предельно допустимых выбросов в ряде областей промышленности. Так, внедрение таких норм на атомных электростанциях уже много лет обеспечивает полную безопасность их работы для населения и окружающей природной среды. <...> Воздушный бассейн столицы нашей Родины Москвы является одним из самых чистых среди крупных городов мира»[2]. И не только воздушный бассейн.

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 13. 1978—1980. М., 1981, с. 284.

[2] Выдержки из выступления Ю. А. Израэля на третьей сессии Верховного Совета СССР десятого созыва (Правда, 26 июня 1980 г.).

Население Москвы в 1979 г. превысило 8 млн. человек, хотя, по расчетам Генерального плана, это количество жителей должно было в ней быть лишь к концу 1990 г. Быстрый рост города выдвигал ряд новых вопросов, связанных с воздействием географического фактора. И надо отметить большую работу по обеспечению нормальных географических условий для жизни москвичей, которая была осуществлена и продолжает осуществляться. Из города удаляются непрофильные и вредные в санитарном отношении предприятия. Даны необходимые указания, чтобы «на месте сносимых изношенных зданий создавать главным образом скверы и зеленые участки для отдыха. Предполагается превратить долину Москвы-реки в цепь зеленых комплексов для отдыха населения. <...> В целях усиления охраны окружающей среды планируется перебазировать в производственные зоны 900 предприятий»[1].

Дальнейшее развитие водно-транспортного узла будет предусматривать лучшую охрану чистоты воды в канале имени Москвы, дающем 60% питьевой воды. Основной грузопоток будет направляться теперь из Южного и Западного портов города по Москве-реке и Оке южнее города. Москва уже теперь имеет лучшие естественные условия для жизни населения, чем любой другой крупный город мира.

В целом можно утверждать, что СССР — родина социалистической системы природопользования, — системы, созданной на научной основе, законодательно закрепленной и целенаправленной на обеспечение такой экологической среды, которая бы полностью соответствовала экономическим, социальным и биологическим потребностям народонаселения. Расширенное воспроизводство в условиях социализма включает в себя и воспроизводство территориальных комплексов географической среды. Более того, постепенно осуществляются мероприятия по преобразованию, а в отдельных случаях и созданию этой среды.

Охрана географической среды, создание благоприятных экологических условий для жизни людей — в СССР забота всенародная. Миллионы советских людей от школьников до ветеранов включились в работу, обеспечивающую охрану природы нашей Родины. В этом

[1] *Гришин В. В.* Избранные речи и статьи. М., 1979, с. 295—296.

большом деле советской общественности принадлежит весьма значительная и постоянно растущая роль. Особенно это относится к республиканским обществам охраны природы. Со стороны партии и правительства республиканские общества охраны природы получают всемерное содействие.

Рационализация природопользования определяется в СССР не только огромным увеличением вовлекаемой массы материалов и энергии природы в общественное производство, но и большой ролью, которую природные ресурсы СССР играют в развитии экономики других стран по единой программе социалистической экономической интеграции. Отмечая ее значение, Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС сказал: «Особенно важным Политбюро ЦК считает принятую нами совместно с другими странами СЭВ в 1971 г. долговременную программу социалистической экономической интеграции... Она означает, например, совместное освоение природных ресурсов для общей пользы, совместное строительство крупных промышленных комплексов, рассчитанных на удовлетворение нужд всех его участников, спланированную на многие годы вперед кооперацию между предприятиями и целыми отраслями промышленности наших стран» [1].

«Мы взяли курс на совместное решение проблем сырья, топлива и энергетики, продовольствия, транспорта. Мы углубляем специализацию и кооперирование, особенно в машиностроении, на базе новейших достижений науки и техники. Мы будем решать эти задачи надежно, экономично, долгосрочно. Решать их с пониманием интересов и нужд каждой братской страны и всего содружества» [2].

Долговременная программа социалистической экономической интеграции подняла сотрудничество социалистических стран на гораздо более высокую ступень.

Каждая из стран — членов СЭВ получила полную возможность развивать наиболее оптимальный, наиболее соответствующий географическим и экономическим условиям национальный народнохозяйственный комплекс, опираясь одновременно на природные ресурсы и производственную базу своих партнеров. Социалисти-

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 9.
[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978, с. 590.

ческое разделение труда позволяет каждой из стран устанавливать пропорции обмена, наиболее соответствующие географическим и экономическим условиям, имеющемуся демографическому и производственному потенциалу. А это в свою очередь ведет к комплексному развитию народного хозяйства.

Следует отметить, что при Комитете по научно-техническому сотрудничеству СЭВ создан Совет по вопросам охраны и улучшения окружающей среды. Он активно содействует специализации и кооперации социалистических стран в производстве измерительных приборов и аппаратуры по очистке воды и воздуха, а также в создании технических усовершенствований, направленных на уменьшение производственных отходов, загрязняющих географическую среду. Научно-технические исследования по охране природы координируются специальными отраслевыми комиссиями СЭВ на основе многосторонних соглашений по научному сотрудничеству.

Уровень поставок энергии, топлива и сырья из СССР в страны — члены СЭВ сильно увеличился и продолжает расти, что требует крупных капиталовложений в их добычу и транспортировку. В соответствии с Комплексной программой в этой связи осуществляется крупное совместное строительство. Сооружены и сооружаются такие важные объекты, как газопровод «Союз» от Оренбурга до Западной границы, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, увеличены мощности в черной металлургии СССР. В десятой пятилетке «завершено сооружение многониточных систем газопроводов север Западной Сибири — Ухта — Торжок — Минск — Ивацевичи — Долина общей протяженностью более 11 тыс. км, первой очереди трассы Уренгой — Тюмень — Челябинск. Строится вторая ее очередь с выходом в район Куйбышева и далее на запад. Высокую оценку партии и правительства получило сооружение совместными усилиями стран — членов СЭВ газопроводной системы «Союз»»[1].

Страны — члены СЭВ сооружали этот газопровод на паритетных началах и в качестве компенсации произведенных затрат ежегодно будут получать газ. «Эта грандиозная стройка стала одним из убедительнейших примеров развития новых форм сотрудничества социалисти-

[1] *Щербина Б.* Индустриальные методы сооружения объектов топливной энергетики. — Плановое хозяйство, 1980, № 3, с. 3.

ческих стран в решении ключевых экономических проблем на равноправной и взаимовыгодной основе. Претворяя в жизнь решения съездов коммунистических и рабочих партий, закрепивших курс на дальнейшее расширение и углубление социалистической экономической интеграции, вы своим самоотверженным трудом создали крупнейший в Европе газохимический комплекс и уникальную по техническим параметрам газотранспортную систему и тем самым внесли весомый вклад в дело повышения энергетического потенциала государств — членов СЭВ», — отметил Л. И. Брежнев в своем приветствии участникам строительства [1].

Введена в строй действующих межгосударственная линия электропередачи напряжением в 750 кВ от Винницы до Альбертирша (ВНР), знаменующая начало параллельной работы объединенных энергосистем европейских стран — членов СЭВ. Созданный мощный энергомост позволяет значительно увеличить взаимный обмен электроэнергией, повышает надежность снабжения ею братских стран.

Страны — члены СЭВ оказывают большую помощь в организации природопользования на территории Монголии, где активно работали совместно с монгольскими товарищами геологические экспедиции. В 1978 г. там была введена в строй первая очередь крупного медно-молибденового комбината «Эрдэнэт», сооружаемого усилиями советских и монгольских специалистов и рабочих. Сооружается никелевый завод на Кубе. Выдающиеся успехи достигнуты в реализации программы «Интеркосмос»: начиная с 1978 г. осуществляются полеты международных экипажей космонавтов социалистических стран, работа которых имеет непосредственное отношение к проблемам рационального природопользования.

Развертывая совместную плановую деятельность, широко применяя принцип демократического централизма, совместно используя в общих интересах природные ресурсы друг друга, все страны — члены СЭВ полностью сохраняют свою суверенность. Наша мировая социалистическая система есть совокупность национальных хозяйств суверенных государств. И даже после того, как сформируется коммунистическое общество, границы между ними сохранят значение рубежей между терри-

[1] Правда, 18 января 1979 г.

ториями со своими существенными различиями в природе, населении и хозяйстве. Напоминать об этом приходится потому, что преувеличенная оценка географического фактора приводит иногда к ошибочным выводам, отрицающим или во всяком случае недооценивающим значимость государственных границ между социалистическими странами. Например, предлагается включать национальные народнохозяйственные структуры «в формирующуюся международную территориальную производственную структуру стран СЭВ...». Допускается существование межгосударственных народнохозяйственных комплексов, подразумевающих «планомерное кооперирование национальных экономик на народнохозяйственном уровне» [1]. Все это повторяет ошибки, встречавшиеся в географических публикациях 60-х годов [2].

Производственная кооперация внутри социалистической экономической интеграции углубляет разделение труда, усиливая планомерность и пропорциональность народнохозяйственного развития стран — членов СЭВ. Но «это, конечно, не дает основания смешивать международные и внутрихозяйственные пропорции, не видеть принципиальных различий между ними, вытекающих из того, что в условиях сотрудничества суверенных социалистических государств первые являются вторичными, производными по отношению к последним...

...Имеющийся опыт доказал нежизненность различного рода разработок упрощенных схем и вариантов международного разделения труда, специализации и кооперирования производства без учета интересов каждого сотрудничающего государства, его возможностей и потребностей, вытекающих из направлений его социально-экономического развития, определяемых на основе решений его директивных органов... <...> Поэтому в их сотрудничестве нет и не может быть принципа наднациональной директивности, каких-либо наднациональных (межгосударственных. — *В. А.*) органов управления, не может быть каких-либо решений, принимаемых за страны тем или иным органом сотрудничества» [3].

[1] *Авдеичев Л. А.* — В кн.: Проблемы теории и практики региональной экономики. М., 1978, с. 100—101.

[2] См. *Маергойз И. М.* и *Пробст А. Е.* — В кн.: Материалы к IV съезду Географического общества СССР. Л., 1964.

[3] *Рыбаков О. К.* Плановые основы экономической интеграции стран — членов СЭВ. М., 1979, с. 57, 63.

Создание мощных трубопроводов, таких, как нефтепровод «Дружба» и газопроводы «Братство» и «Союз», оказало и оказывает большое положительное воздействие на обеспечение стран — членов СЭВ топливом и энергией за счет природных ресурсов СССР. Использование географической среды огромной территории СССР и в будущем останется важнейшим фактором развития народного хозяйства стран — членов СЭВ. Но энергетическая и сырьевая проблемы уже теперь и тем более в ближайшем будущем приобретут возрастающее значение в связи с интенсивным ростом уровня энерго- и топливопотребления. Если до сих пор обеспечение стран — членов СЭВ энергией, топливом и сырьем наращивалось, то теперь большую актуальность приобретает проблема рационализации энергопотребления, в частности широкого использования вторичных топливно-энергетических ресурсов.

Решаться эта общая проблема в каждой стране будет конкретно, с учетом ее специфики, опять же определяемой особенностями ее географического положения и ее природным потенциалом. Но некоторая общность все же здесь обнаруживается. Она состоит, например, в ускоренном развитии атомной энергетики, в увеличении использования ресурсов своей географической среды, в развитии объединенных электроэнергетических систем, максимальной экономии топлива и энергии, в частности за счет размещения материалоемких и тем более энерго- и водоемких производств в зависимости от имеющихся внутри страны ресурсов.

Не следует забывать, что хотя в сравнении с СССР ресурсы минерального сырья в других европейских странах — членах СЭВ относительно невелики, но с точки зрения их использования для обеспечения нужд этих стран они имеют определенное значение (например, довольно большие запасы каменных и бурых углей, значительные гидроэнергетические ресурсы). На Дунае еще в начале 70-х годов Румыния совместно с Югославией создали крупный гидроузел в районе Железных Ворот с электростанциями общей мощностью 2 млн. кВт, а в ноябре 1978 г. в Румынии вошел в строй действующих гидротехнический узел на р. Прут у Костешти-Стынка. Румыния совместно с Болгарией строит новый крупный гидроэнергетический комплекс на Дунае. Однако возможности гидроэнергетического строительства в приду-

найских странах еще использованы далеко не полностью.

Примером того, как «в условиях международного сотрудничества социалистических стран «снимается» противоречие между ограниченными естественными предпосылками экономического развития страны и требованиями научно-технического прогресса к количеству и качеству используемых ресурсов»[1], может быть названа Венгрия. До 90% потребляемой энергии и сырья она получает из социалистических стран, но в перспективе ее электроэнергетика начнет опираться и на атомные электростанции, и на тепловые, работающие на местных лигнитовых ресурсах.

Социалистическая экономическая интеграция устраняет негативные воздействия географического положения некоторых стран на их хозяйство. Особенно это относится к странам, лишенным выхода к морю, таким, как Чехословакия и Венгрия. Обе страны для транспортировки внешнеторговых грузов в значительной степени пользуются услугами портов приморских социалистических стран Европы. Но для них по-прежнему исключительно большую роль играет железнодорожное сообщение, в том числе и для перевозки внешнеторговых грузов.

Во всех странах — членах СЭВ совершенствуется и территориальная структура сельского хозяйства: в соответствии с географическими условиями усиливается региональная специализация его.

Особое значение придается рационализации производственной структуры хозяйств, расположенных в относительно неблагоприятных (или малоблагоприятных) географических условиях.

На размещение промышленных предприятий наряду с нефте- и газопроводами продолжают воздействовать и месторождения каменного угля и лигнита. В ГДР, например, определенное значение имеют инвестиции в буроугольную промышленность, в строительство и расширение тепловых электростанций, размещаемых поблизости от буроугольных карьеров. Тяготеют к районам открытой добычи лигнитов и тепловые электростанции Венгрии. Размещение «по сырью» характерно и для та-

[1] Венгрия. Развитие и размещение производительных сил. М., 1978, с. 5.

ких отраслей промышленности, как цементная, стекольная, фарфоровая, строительных материалов. Поскольку некоторые современные отрасли химической промышленности не менее водоемки, чем атомная электроэнергетика, и могут создаваться лишь вблизи достаточно крупных источников воды, большое значение приобрел водный фактор. В некоторых странах — членах СЭВ размещение этих отраслей имеет «ленточный» характер, т. е. они располагаются вдоль крупных рек — Дуная, Тисы и др.

Широко вовлекаются в производство «собственные» природные ресурсы в Венгрии. На Дунае, в Сазхаломбатта, построена гидроэлектростанция, а на Тисе в Ленинвароше — олевиновый комплекс с электростанцией, в Пакше — атомная электростанция. Не менее чем на 40% увеличена производительность шахт в буроугольных бассейнах. Быстрыми темпами развивается добыча бурого угля в районах Айки, Татабаньи, Орослани, Дорога; каменного угля — в районе Печа и Комло; в окрестностях Варпалоты — лигнита. В настоящее время из всего добываемого твердого топлива на каменный уголь приходится 12%, на бурый (его доля снижается) — 58, на лигниты (их добыча растет) — 30%. Хорошие результаты дает разведка на нефть, особенно в южной части Альфельда. Уже многие годы Венгрия добывает около 2 млн. т нефти, что покрывает примерно четвертую часть ее потребностей в жидком топливе. Развивается и добыча газа. Отечественный газ удовлетворяет до 20% потребностей страны. Хуже обстоит дело с обеспеченностью железной рудой, отечественная добыча которой удовлетворяет не более 5% потребностей черной металлургии. Импорт железной руды обеспечивается поставками высококачественной руды из Кривого Рога. Потребности в металлургическом коксе также покрываются преимущественно за счет импорта из СССР. Зато Венгрия полностью удовлетворяет свои потребности в марганце, а запасы бокситов обеспечивают производство глинозема и алюминиевого проката. Алюминиевая промышленность составляет примерно $^2/_3$ всей продукции цветной металлургии страны.

Однако рационализация использования выявленных ресурсов в социалистических странах не в состоянии решить проблему обеспечения топливом, энергией и некоторыми видами сырья их растущее производство.

Высокий прирост топлива, энергии и сырья необходим и для будущей экономики СССР. Поэтому в последнее время наша промышленность все больше ориентируется на природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока. Затраты на освоение природных ресурсов здесь выше, чем на старых, обжитых территориях. Но «высокие первоначальные вложения могут быть возмещены последующим снижением себестоимости продукции, поскольку в эксплуатацию вводятся обильные по запасам и благоприятные по горно-геологическим условиям добычи месторождения полезных ископаемых»[1]. Сбывается предвидение В. И. Ленина, писавшего, что «разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил»[2]. Происходит прирост энергии и сырья за счет восточных районов СССР, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, удаленных от границ с европейскими социалистическими странами. Уже на XXX сессии СЭВ (1976 г.) Советский Союз внес предложение о создании в Сибири крупных предприятий энерго-, водо- и материалоемкого характера. Такие предприятия, входящие в состав конкретных ТПК, смогут обеспечить экономию в энергии и топливе внутри Европейского региона социалистической интеграции, поставляя туда отдельные виды продукции, дефицит в которых уже теперь начинает давать о себе знать. Это относится, например, к продукции цветной металлургии и некоторым отраслям химической промышленности.

Развитие природопользования в Сибири и на Дальнем Востоке — одно из важнейших стратегических направлений в экономическом сотрудничестве социалистических стран. И не только это. «Освоение новых районов, усиливающаяся специализация производства и совершенствование транспорта будут приводить к дальнейшему углублению территориального разделения труда, к повышению интенсивности межрайонного (и межгосударственного. — *В. А.*) обмена»[3].

Изменяется и само географическое положение социалистической экономической интеграции. Ее территория широко раскинулась по просторам Евразии, имея выхо-

[1] Экономические проблемы развития Сибири. Новосибирск, 1974, с. 79.

[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 36, с. 188.

[3] Экономические проблемы развития Сибири, с. 68.

ды и к Атлантическому и к Тихому океанам. Достижения научно-технической революции позволили усилить эффективность Северного морского пути (атомные ледоколы). Мощная железнодорожная сеть связывает между собой большую часть стран социалистической интеграции. Строительство Байкало-Амурской магистрали и портовых сооружений в тихоокеанском Приморье открывает небывалые в прошлом возможности для самых широких экономических связей.

Историчность понятия «географическое положение», как и историчность в характере и направленности действия географического фактора, наблюдаемая нами во всей истории человечества, проявляется и в наши дни. И есть достаточно оснований утверждать, что и в процессе дальнейшего общественного развития воздействие географического фактора сохранит свою историчность. Его воздействие невозможно прекратить, но оно никогда не было фатально предопределено. Люди, объединенные определенными исторически сложившимися производственными отношениями, всегда могли управлять воздействием географического фактора. Смогут они управлять этим воздействием и в будущем, только более осознанно, в интересах человечества. В этом и состоит коренное отличие во всем процессе взаимодействия будущего бесклассового общества с природой от взаимодействия с ней классового общества.

В условиях социализма забота о людях сливается с заботой о природе, отвергается эксплуатация географической среды, заменяемая рациональным, социалистическим природопользованием. В этой связи встает вопрос о необходимости создания общей теории социалистического природопользования.

Одним из первых в разрешение этой задачи включился Ф. С. Худушин. «Само изучение отдельных актов практического воздействия на природу с точки зрения их последствий не может быть достаточно успешным и плодотворным, пока нет целостной теории управления процессом взаимодействия общества и природы, — подчеркивает он. — Только на основе этой теории можно вывести непреложные принципы природопользования, которые нашли бы применение в каждом отдельном случае»[1]. Накопленный опыт социалистического строи-

[1] *Худушин Ф. С.* Человек и природа. М., 1966, с. 147—148.

тельства позволяет шире взглянуть на эту проблему на современном этапе. Выявилась потребность в замене чисто экономических критериев оценок эффективности природопользования критериями, учитывающими многие социальные слагающие, в том числе и *экологического характера.*

В основе этой теории должно лежать положение о том, что социалистическое общество не может относиться к природе, вошедшей в его содержание, как к эксплуатируемому объекту. Установление единства между природой и обществом устраняет между ними антагонистический характер противоречий. Возникают внутриобщественные отношения между обществом и вовлеченной в него природой (географической средой). В то же время отношение общества как субъекта к природе как к объекту сохраняется в той части взаимодействия между ними, где природа остается внешней по отношению к обществу, где она еще не вовлечена в материальное содержание общества, не превращена в его производительные силы. Возникнув в качестве особой формы материи и включив в себя другие ее формы в качестве своих производительных сил, общество остается в природе как часть целого, подчиняясь законам целого. «...Весь процесс взаимодействия человека с природой, проистекающий и в сфере познания, и в сфере практики, *начинается* с нерасчлененного еще единства человека и природы... *затем* переходит в стадию расчленения и противопоставления человека (субъекта) и природы (объекта) и, *наконец,* находит каждый раз свое относительное (в рамках данного цикла) завершение в установлении единства человека и природы» [1].

Философское осмысливание взаимодействия социалистического общества с природой стало *практической* необходимостью, а создание общей теории этого взаимодействия приобрело характер «социального заказа» для современной науки. «Ленин отмечал неоднократно, что все моменты, шаги, ступени процесса познания, направляясь от субъекта к объекту, проверяются практикой и приходят через эту проверку к истине. Практика выступает, «как звено, в анализе процесса познания и именно как переход к объективной («абсолютной», по Гегелю) истине» (*Ленин В. И.* ПСС, т. 29, с. 193). Таким обра-

[1] *Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века. М., 1971, с. 322—323.

зом, самое *субъективное* (практическое осуществление субъективной цели) есть вместе с тем и самое веское доказательство *объективности* содержания нашего познания. Здесь действительно субъективное диалектически соединяется с объективным, образуя с ним подлинное единство противоположностей»[1].

Было бы ошибочным отрицать действие законов природы в обществе. Не меньшим заблуждением было бы отрицать воздействие общих законов природы на общественное развитие. Но не меньшей ошибкой было бы не видеть *специфического* характера действия (и воздействия!) законов природы в обществе и на общество, трансформируемого общественными законами, в целом ряде случаев вступающими в противоречие с законами природы.

Активно приспособляясь к географической среде, люди нередко ее изменяют, усиливая действие одних естественных законов, ослабляя воздействие других. Например, если взятая в целом жизнь сферична, образует биосферу, то растительные сообщества уже не совсем сферичны. Здесь скорее можно говорить об ареалах, зонах, но не о сфере, особенно если учитывать опосредствованное воздействие через производство общественных закономерностей. Высшие формы жизни, более требовательные к условиям своего существования и способные к воздействию на эти условия, трансформируют действие закона сферичности. Пространственная равномерность присуща далеко не всем формам материи на Земле. Для высших форм характерна прерывность в их размещении. Относительность же воздействия сферичности особенно усиливается в результате воздействия закона *концентрации,* овеществляемого в результатах человеческой деятельности, всегда концентрированных, а не «рассеянно-сферичных».

Основные черты отношения людей будущего к природе могут быть показаны и теперь. Взаимодействие общества с природой будет определяться интересами человечества в целом. В природопользовании уже при развитом социализме вполне отчетливо прослеживается полное устранение погони за прибылью как главного фактора, определяющего отношение людей к природе. В социалистических странах, как мы только что пока-

[1] *Кедров Б. М.* Назв. соч., с. 324—325.

зывали, многое делается для предотвращения кризисных явлений экологического характера. Общественное производство развивается в них по пути создания безотходной технологии. А в более отдаленном будущем человечество, несомненно, включится в великий биологический кругооборот земной природы, где не может быть никаких отходов. Но все это отнюдь не означает существование «ноосферы», равномерно обволакивающей земной шар и распространяющейся в космос. Материалистическая диалектика отрицает возможность растворения разума в сфере, подобно воздушным массам в атмосфере. Общество и природа не только едины, но и противоположны. И забывать об этом не следует. Полное слияние общества с природой в некой «ноосфере» означало бы гибель общества, которое всегда будет специфической частью природы со своими особыми законами развития. И именно *эти законы* будут всегда определять *причины* общественного развития.

Близкие к «ноосфере» понятия о разумно упорядоченной природе в результате воздействия внематериальной «жизненной силы» употребляются иногда и современными философами, и биологами, стоящими на позициях неовитализма. На это обстоятельство, в частности, обращено внимание в недавно вышедшей книге И. Т. Фролова: «Виталистические идеи Дриша все более «развиваются» его современными последователями по линии панпсихизма, смыкаясь с откровенным фидеизмом, апеллирующим к богу как «конечной причине», «разумной упорядоченности природы» [1].

Последующие поколения всегда будут корректировать деяния предшествующих. Люди на всех этапах своего развития вынуждены расширять производительные силы общества. А это возможно только из материалов и энергии, имеющихся в природе. Энгельс писал: «Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и про-

[1] *Фролов И. Т.* Жизнь и познание. М., 1981, с. 97.

изводительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости»[1].

Развитие общества в его взаимодействии с природой — не только эволюция. Возможны скачки и временная деградация. Наше время, «на грани веков», в этом отношении никак нельзя назвать периодом только эволюции. Современная экологическая ситуация ярко показывает неразумность природопользования в условиях капиталистического способа производства с его хищнической по отношению к природе и к людям технологией. Усиление взаимодействия общества и природы во много раз увеличивает опасность негативных для человечества последствий, происходящих в ней изменений. Это заставляет современных людей в корне пересматривать критерии «разумности» своего отношения к природе, заставляет учиться предвидеть негативные последствия своего вмешательства в естественные процессы. Такого рода предвидение (= географический прогноз) превращается в общественную необходимость. Не случайно мировая наука уделяет столь большое внимание этим проблемам.

Все сказанное можно, конечно, считать увеличением роли разума в природопользовании. Но следует иметь в виду, что в настоящее время тоже вовлекаются в производство малоизвестные людям компоненты (и их комплексы) материального мира. Сфера природопользования углубляется и расширяется, что увеличивает возможности выявлений в последующие эпохи просчетов, допускаемых в наши дни. Усиление разумности в природопользовании, учитывая одновременное увеличение его масштабов, означает и увеличение в нем возможностей больших неразумностей, которые мы, очевидно, допускаем.

Возможность при любом разрешении внутриобщест-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

венных противоречий привлекать новые элементы (и их комплексы) географической среды, находившиеся до этого вне общественной сферы, обеспечивается неисчерпаемостью материалов и энергии природы. Но насколько беспредельно разнообразие природы, настолько же (повторяем!) беспредельны и способности общества к развитию. Создавая причины общественного развития, внутриобщественные противоречия в процессе своего снятия создают условия для более полного освоения территориальных комплексов географической среды, обладающей беспредельным разнообразием.

Общество способно развивать средства труда, а следовательно, и свое воздействие на природу. Но это возможно лишь благодаря беспредельности географического разнообразия, неисчерпаемости материальных условий, предоставляемых людям природой. Составляя единство с земной природой, общество способно к целенаправленным воздействиям на все остальные части целого, куда оно входит. Но это не отменяет и того обстоятельства, что как часть целого оно навсегда обречено подчиняться законам развития целого.

Одно из необходимейших условий общественного развития — воздействие пространственного разнообразия. Существует зависимость развития общества (как части природы) от разнообразия географической среды. Чем большим разнообразием обладает среда, сформировавшаяся на той или иной территории, тем чаще всего будут на ней наиболее благоприятные условия для жизни и развития общества. И наоборот.

С усилением средств общественного воздействия на природу воздействие географического разнообразия трансформируется в связи с большей значимостью действия других факторов, созданных людьми. Но трансформация — не отмена! Более того, в ряде случаев (например, по мере развития урбанизации) значимость воздействия разнообразия географической среды может возрастать. Создавая искусственные условия своей жизни, люди их стандартизируют, порой уничтожая территориальную специфику в природе. Но человек не может жить в абсолютно стандартных условиях. Географическое разнообразие — одно из условий жизни и развития не только человека, но и общества в целом.

Региональная неравномерность в развитии производительных сил сохраняется в условиях социалистиче-

ских производственных отношений. Критерии качественной оценки географической среды с позиции производства все время меняются. Территория, казалось бы, с самыми благоприятными условиями для развития производства в той или иной степени эту благоприятность может утратить. И наоборот, территории, считавшиеся неблагоприятными для развития социалистического производства, могут оказаться центрами его развивающихся новых отраслей. Особенно ярко это проявляется при использовании минеральных ресурсов, отсюда постоянная необходимость учитывать территориальные различия в географической среде из-за изменений в общественных потребностях, предъявляемых к материалам и силам природы. Чем выше уровень развития общества, тем в больших масштабах и ассортименте природопользования оно нуждается, тем регионально неравномернее происходит и процесс общественного развития. В то же время опосредствованный характер зависимости общества от географической среды дает возможность активно воздействовать на ее комплексы. И это вполне понятно, так как «опосредствованность» дает в руки общества мощный рычаг воздействия на природу, усиливая трансформацию ее законов в общественных интересах.

Итак, выделившись в особую часть природы, общество противостоит остальной природе. В то же время еще раз подчеркнем, что это не должно принимать антагонистических форм и означать отрицания воздействия законов природы на общество и их действия в обществе!

Взаимодействуя с природой, люди продолжают развивать, а в последнее время и создавать свою географическую среду, т. е. общественно-природные, материальные условия своего развития, своей жизни. Географическая среда все в большей степени насыщается результатами труда, *всегда* разумного, с точки зрения людей, этот труд затрачивающих, и, как правило, *всегда* недостаточно разумного, с точки зрения людей более позднего исторического времени. Подсечное земледелие было вполне разумным на ранних этапах земледелия. Оно стало неразумным в последующие времена, когда разумным стал трехпольный севооборот. Позже и трехполье перестало быть разумным. Появились другие, кажущиеся в настоящее время разумными

способы земледелия. Но было бы большой наивностью считать их разумными для всех будущих времен!

Следует также обратить внимание еще на одну особенность в развитии географической среды — на цикличность. Изучая географическую среду, обнаруживаешь отрезки времени (циклы), когда люди, овладев определенной технологией, удовлетворяют свои потребности в материалах и энергии природы без резких изменений в практике природопользования. Затем, казалось бы, вполне разумные приемы в использовании земли, леса, воды и т. д. ведут к осложнению экологической обстановки... Говоря иначе, по обществу бьет географический фактор. Создается новая технология, меняется общественное отношение к природе, что нередко сопровождалось миграциями народонаселения. Новый, более высокий уровень технологии позволяет определенное время не допускать антагонизма внутри системы «общество — природа», развитие приобретает эволюционный характер, но... лишь до тех пор, пока снова не вскрывается несоответствие применяемой технологии и практики возросшего природопользования. Но примат общества в этом взаимодействии несомненен.

Заканчивая рассмотрение специфики в действии географического фактора в условиях развитого социализма, следует подчеркнуть, что сочетание отраслевого принципа с территориальным обеспечивает возможность рационального размещения производительных сил; создание ТПК и более совершенных форм хозяйственной интеграции, особенно в области промышленности, в свою очередь создает предпосылки для перехода к безотходной технологии коммунистического общества.

Рационализация природопользования становится одной из важнейших функций социалистических государств, требующей привлечения больших средств и усилий со стороны социалистического общества, что может быть достигнуто только в результате ускоренного развития производства. Отсюда в социалистических странах уже теперь полностью выявилась необходимость создания экологически обоснованных правовых норм, направляющих природопользование. Охрана природы органически включается в систему планового хозяйства социалистических стран, где критерий экономической эффективности начинает постепенно заменяться критерием общественной эффективности.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Мы живем, создавая новую производственную базу, в эпоху сосуществования двух общественных систем: социалистической и капиталистической при одновременном развитии стран с еще докапиталистическими производственными отношениями, ищущих пути к более совершенной социально-экономической организованности. Научно-техническая революция в современном мире развертывается в условиях, когда проблема географической среды приобрела небывалую в прошлом остроту, став не только проблемой обеспечения материальными ресурсами общественного производства, но и важным фактором сохранения условий для жизнедеятельности народонаселения Земли. Угроза мировой войны со стороны империализма — одновременно угроза и для всей земной природы. «Мир — это не только вопрос безопасности, — говорил Л. И. Брежнев. — Это и важнейшая предпосылка для решения крупнейших проблем современной цивилизации. А с ними связано само будущее человечества. Да, будущее всей планеты, с которым уже нельзя не считаться, решая проблемы сегодняшнего дня...»[1]

Устранить несомненно существующую опасность экологического кризиса невозможно, не ликвидировав угрозу войны. Все осуществляемые и планируемые мероприятия по охране природы окажутся бесполезными, если средства массового уничтожения всего живого будут приведены в действие. Сохранение одних только животных и растений, заносимых ныне в Красную книгу, приведет лишь к тому, что люди на Земле погибнут вместе с этими животными и растениями.

Любые варианты планов предотвращения глобальной экологической опасности могут быть реализованы лишь в условиях мира. Это тем более так, если вспомнить, что применение современных средств массового уничтожения включает в себя воздействие географиче-

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 4. М., 1974, с. 340.

ского фактора в двух аспектах: в опосредствованном, когда люди погибают из-за уничтожения необходимых для их жизни условий, и в непосредственном, когда создаются искусственные географические условия, лишающие людей возможности получения необходимых средств для своего существования. Используя географический фактор, можно создать засуху и наводнения, можно уничтожить растительный покров со всеми посевами, понизить или повысить температуры и т. д. и т. п.

Внутри человечества с самой глубокой древности происходили межплеменные, а позже межгосударственные столкновения, конфликты, войны. Капиталистический способ производства не обеспечил прекращения межгосударственного антагонизма. Более того, он значительно его усилил. Только в последнюю фазу капитализма — при империализме — войны приобрели глобальный характер, сделались мировыми. М. А. Суслов писал: «Историки подсчитали, что за пять последних тысячелетий произошло около 15 тысяч войн. В этих войнах погибло около четырех миллиардов человек, что примерно равно всему нынешнему населению земли. Самые гибельные из них принес капитализм, империализм»[1].

Общий процесс производства, отражающий общие социально-экономические условия, сложившиеся к данному времени в данном месте в классовом обществе, всегда включал в себя изготовление оружия. Орудия труда (= техника) и средства уничтожения развивались параллельно. При этом первоначально средства убийства были непосредственно связаны с человеческим индивидуумом. Господствовали ручные средства уничтожения (копье, сабля и т. д.). Машинное производство привело к использованию механических средств уничтожения. Усиливается роль огнестрельного оружия, появляется дальнобойная артиллерия, танки и т. д. Научно-технический прогресс в развитии производительных сил обусловил усиление новых видов вооружения. Появились средства массового уничтожения, постепенно отделявшиеся от непосредственного использования их человеком. Возникло управление средствами уничтожения, основанное на использовании автоматических систем.

[1] *Суслов М. А.* Марксизм-ленинизм и современная эпоха, с. 192.

Капиталистический способ производства обусловил превращение самого изготовления современных видов вооружения в один из важнейших источников обогащения господствующего класса. Поэтому массовое производство оружия стало играть роль как средства устрашения, так и средства обогащения. Капиталистическая система при империализме с мощными военно-промышленными комплексами достигла такой стадии своего развития, что вне производства вооружения, вне подготовки к новым войнам, вне войн она развиваться уже не может.

Новая мировая война для многих идеологов монополистического капитала представляется «естественным» выходом из состояния кризиса капиталистической системы. В то же время и у самых реакционных буржуазных политиков не может не возникать понимание того, что при современных средствах массового уничтожения людей новая мировая война приведет к гибели всей человеческой цивилизации. Отсюда их определенная «заметная на глаз» непоследовательность, проявляющаяся прежде всего в декларациях о необходимости мира и даже разоружения. В действительности милитаризация развитых капиталистических стран с каждым годом усиливается. Такова хищническая сущность капитализма. При этом капиталистические государства, в частности США, стремятся к такой мировой войне, в которой погибли бы многие другие народы, но сохранилась их собственная элита. В условиях резкого сокращения в уровне развития производительных сил в других странах в результате их частичного или даже полного уничтожения она могла бы установить свое полное господство над планетой. Стремление к мировому господству с его геополитическими обоснованиями и поныне широко используется современными идеологами империализма. Более того, они пытаются реализовать эту идею, почти буквально следуя рекомендациям фашистского геополитика Гаусгофера. Это, в частности, проявляется в стремлении перенести основные средства готовящегося нападения на социалистические страны на территорию европейских стран, с тем чтобы ответные удары со стороны социалистических государств направить на европейские страны НАТО. Они хотят вести войну до последнего немца, англичанина, итальянца для того, чтобы европейские страны, и в первую очередь со-

циалистические, были бы сожжены в огне ядерной войны, тогда как территория США не подверглась бы сколько-нибудь серьезным разрушениям. При этом особые надежды возлагаются на нейтронные бомбы как на средство массового уничтожения, которые, уничтожив людей, сохранили бы материальные ценности, что позволило бы американскому бизнесу «осваивать» Европу с минимальными затратами, тем более что, как считают лидеры американского империализма, США останутся вне действия нейтронного оружия, целиком предназначенного ими для Евразии.

Многие американские географы активно участвовали и участвуют во всех теоретических разработках готовящихся военных мероприятий. На «военную» направленность американской географии в свое время обращал внимание Н. Н. Баранский: «...успех каждой операции в значительной мере зависит от той гибкости, с которой военные принципы прилагаются к природным и культурным условиям, существующим в данной стратегической и тактической ситуации. Поэтому невозможно отделять военную операцию от географических условий данного места; в современной войне пространственные отношения театра военных действий со всеми остальными частями мира имеют значение экономическое, политическое, а потому и стратегическое... Что касается более широких обобщений идеологического порядка, то... ничего, кроме той же «геополитики», только под другим, менее одиозным названием (американские географы. — *В. А.*) придумать не смогли»[1]. Геополитический подход проявляется в Америке к развивающимся странам и в «мирное» время. Рецензируя работы американских географов по Латинской Америке, Н. Н. Баранский отмечал: «Цель современной политики США по отношению к Латинской Америке (и не только. — *В. А.*) — возможно полнее овладеть ресурсами стран Латинской Америки и сколотить из этих стран крепкий блок под своим полнейшим контролем»[2]. Не правда ли, приведенные высказывания звучат вполне современно, хотя им более 30 лет. Оценки, сделанные Баранским, не устарели потому, что характер американского империализма не изменился!

[1] *Баранский Н. Н.* Научные принципы географии. М., 1980, с. 135—136.

[2] Там же, с. 145.

В своих геополитических расчетах современные империалистические стратеги из США немалые надежды возлагают на китайских гегемонистов («Ганьбу»), также стремящихся к мировому господству.

В действительности глобальные геополитические расчеты никогда не оправдывались. Более того, те политические деятели, которые возлагали на них надежды, неизменно отправлялись на свалку истории. И в данном случае европейские народы не хотят превращаться в атомную пыль в угоду американскому военно-промышленному комплексу! Но так или иначе современная социальная и политическая ситуация в мире такова, что полностью исключать возможность мировой войны было бы большой ошибкой, как ни безумны расчеты и сценарии будущего современных гегемонистов!

Народы социалистических стран идут в авангарде борьбы за мир, сливающейся с борьбой за сохранение жизненных условий развития человечества. «...В противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд*!» [1]

В борьбе за мир большое значение имеет учет географического фактора, воздействие которого может быть смертельным и для народов стран воинствующего империализма, что в определенной мере сдерживает лидеров империализма в их авантюристических стремлениях к мировому господству. В то же время в своих отношениях с социалистическими странами империалисты стараются использовать географический фактор в своих интересах. Это особенно наглядно показал А. А. Громыко на пресс-конференции в Бонне в ноябре 1979 г.: «А географический фактор? Он не вкладывается в количественные и качественные характеристики собственно стратегического оружия. Между тем это — фактор, работающий только в пользу США. В связи с подготовкой Договора ОСВ-2 мы пытались, в частности во Владивостоке во время встречи Л. И. Брежнева с Дж. Фордом, обсудить вопрос и об американских средствах передового базирования. Однако американцы категорически отказались от этого. Советский Союз,

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 5.

скажем прямо, сделал уступку, он пошел на то, чтобы договор был заключен без учета этого географического фактора, выгодного только для Запада, для США. У Советского Союза нет чего-либо аналогичного, что уравновесило бы значение этого фактора. Это тоже необходимо учитывать»[1].

Стремление империалистических государств сохранить свое господство — главное препятствие на пути предотвращения экологического кризиса в его глобальном масштабе. Проблема сохранения географической среды, вне которой невозможна жизнь человечества, не может быть снята с «повестки дня». Это общечеловеческая проблема. Говоря о глобальных проблемах современности, Л. И. Брежнев указывал и на экологическую опасность в результате хищнического использования географической среды. Перечисляя основные задачи современности, он назвал и защиту человека «от многочисленных опасностей, которыми ему грозит дальнейшее неконтролируемое техническое развитие, — иначе говоря, сохранение природы для человека»[2].

Экологическая проблема для своего решения требует радикальных изменений в производственной деятельности общества, с тем чтобы не нарушалось равновесие между загрязнением среды и естественными восстановительными процессами. Между тем уже наступили пределы эксплуатации материалов и энергии природы, особенно в формах природопользования, характерных для капитализма последних стадий его развития. «По мнению экспертов Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), если современные тенденции сохранятся, то в результате наступления городов, перехода на вновь освоенные земли, эрозии почв общая площадь возделывавшихся в 1975 г. земель, равная 1 240 млн. га, которая использовалась населением в 4 млрд. человек, к 2000 г. может уменьшиться до 940 млн. га. За тот же период население планеты увеличится до 6,25 млрд. человек. Площадь возделываемой земли, приходящаяся на одного человека, таким образом, может сократиться с 0,31 до 0,15 га соответственно»[3]. Не только люди, но и природа не выдерживает того уровня и масштабов

[1] Правда, 25 ноября 1979 г.

[2] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978, с. 597.

[3] *Субботин А. К.* Мировые экономические проблемы: перспективы решения. М., 1980, с. 13.

эксплуатации, которые достигнуты в условиях современного капитализма. Хищническая эксплуатация природы, особенно в развивающихся странах, более чем когда-либо в прошлом, обнаруживает свой антигуманный характер.

Экологическая опасность выявилась во всех странах мира, достигших определенного уровня в развитии производительных сил. И хотя возможности устранения этой опасности в социалистических странах принципиально иные, чем в мире капитализма, не следует забывать, что последствия общественного воздействия на природу угрожают всему живому на нашей планете.

Хищническая по отношению к природе технология, сформировавшаяся в условиях классового общества, односторонне техническая направленность в развитии науки, усиление урбанизации — все это обусловливает глобальность экологических проблем.

Глобальный характер приобретает теперь, в частности, проблема сырья. А. К. Субботин связывает ее с направлением в развитии хозяйства всех стран мира, в частности с темпами и приоритетом экономического роста, технологическими достижениями в обрабатывающей промышленности, с обеспечением сочетания рационального использования минеральных ресурсов и заботы о будущих поколениях. «Энергетическая проблема несет в себе необходимость гармоничного развития структуры энергобаланса и учета пределов производства энергии, а также механизма распределения энергоресурсов. Ожидаемое в ближайшие десятилетия значительное уменьшение запасов нефти, которая представляет собой не только эффективное топливо, но и ценное сырье для химической промышленности, требует интенсивной разработки альтернативных источников энергии. Главным препятствием на пути решения этой проблемы является монополистический характер производства при капитализме, который приводит к созданию искусственного дефицита топлива, обостряет внутренние противоречия в странах капитала, вносит напряженность в международные отношения»[1].

При этом «буржуазные идеологи пытаются затушевать связь отношения к природе со всей системой обще-

[1] *Субботин А. К.* Мировые экономические проблемы: перспективы решения, с. 6.

ственных отношений, прежде всего с отношениями собственности, выдать наблюдающиеся в окружающей среде негативные процессы, которые в такой же мере «социальные факторы», как и «социальные результаты», за последствия развития техники, «чтобы свалить вину... на причину, за которую как будто никто не может нести ответственности» (*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 266)»[1].

В более общей форме основную причину угрозы экологического кризиса можно определить как воздействие географического фактора («бумеранга природы») на общество, вступившее в остроантагонистическое противоречие с ее законами.

Глобальный характер экологических проблем никем теперь не отрицается. Они находятся в сфере внимания Организации Объединенных Наций (ООН), Генеральная Ассамблея которой учредила Программу объединенных наций по окружающей среде (ЮНЕП). Создан Совет управляющих этой организации, призванный координировать программы по окружающей среде, давать оценку ее состояния, анализировать эффективность осуществляемых мероприятий по охране природы.

Не говоря о глобальных проблемах, встающих перед человечеством, важно отличать действительно общечеловеческие проблемы от проблем классового буржуазного общества. Слишком часто прогнозируя будущее, представители науки на Западе забывают об этом различии, выдавая «болезни» капитализма за общечеловеческие. Иными словами, глобальные проблемы рассматриваются с позиций, камуфлирующих классовый, буржуазный подход к проблемам будущего. Кризисные явления капитализма рассматриваются как явления общечеловеческие, не зависящие от его социальной структуры. Особенно ярко это проявляется в моделях будущего, выполненных западными учеными[2]. Следует упомянуть и о работах Международного института при-

[1] *Тихонова Н. Е.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 34.

[2] Обильное количество футурологических сценариев поставляет небезызвестный Римский клуб: «Пределы роста» Д. Мидоуза с соавторами (1972), «Человечество на распутье» М. Масаровича и Э. Пестеля (1974), «Преобразование международного порядка» Я. Тинбергена (1976), «За пределами века расточительства» Д. Габора (1976), «Цели человечества» Э. Ласло (1977) — вот далеко не полный перечень такого рода работ. Их общность состоит в том, что они явно или замаскированно ставят знак равенства между

кладного системного анализа, находящегося в пригороде Вены. В его деятельности участвуют и советские ученые, работы по глобальному прогнозированию которых осуществлялись с социальной ориентацией [1].

Действие географического фактора, как это ярко показывает вся история человечества, отнюдь не ограничивается экономикой. В опосредствованном виде он может как положительно, так и отрицательно воздействовать на очень многие стороны биосоциального развития. Поэтому взаимоотношение между обществом и природой, устраняющее эксплуататорский подход к географической среде, превращается в общественную необходимость, и его следует рассматривать как важнейшее направление в строительстве коммунизма. Если в условиях классового общества отношение общества к природе определяется как отношение субъекта к объекту, то при коммунизме оно будет рассматриваться как отношение субъекта к субъекту. Интересы сохранения географической среды и улучшение условий жизни человечества полностью сольются между собой, определяя весь характер отношений людей к природе. Общественное развитие будет базироваться на взаимодействии общества с природой, а постоянно возникающие в этом единстве противоположностей внутренние противоречия и их снятие будут силой, двигающей вперед развитие цивилизации.

Хотя наша работа посвящена рассмотрению воздействия географического фактора на общественное развитие и ограничена «земными» границами, все же в ней следует коснуться проблем использования околоземного космического пространства. Это необходимо хотя бы потому, что, видимо, еще длительное время космические исследования будут служить прежде всего задачам познания Земли, в том числе они смогут способствовать улучшению природопользования. Исследования в космосе особенно наглядно демонстрируют, что развитие производительных сил значительно опередило капиталистические производственные отношения. Частная собственность в космосе выглядит особенно нелепо, а воз-

целями человечества и... целями межнациональных монополий, которые и оплачивают исследования, осуществляемые Римским клубом.

[1] Венский институт стал инициатором цикла симпозиумов, проведенных в 70-х годах, где обсуждались модели глобального развития, созданные в различных странах.

действие частной собственности на эту сторону взаимодействия общества с природой представляет собой большую опасность для человечества. Космос может быть использован капиталистическими монополиями для применения наиболее сильных средств уничтожения всего живого на нашей планете. Поэтому использование космических пространств несовместимо с империалистической милитаризацией.

Все «сценарии будущего» западных ученых не учитывают, что это будущее определяется не только развитием техники и ростом эксплуатации материалов и энергии природы, но прежде всего *качественными* изменениями в развитии производительных сил, в свою очередь неизбежно приводящими к изменениям в производственных отношениях. Их прогнозы носят преимущественно количественный характер и игнорируют изменения качественного характера. Они, как правило, недоучитывают или попросту не учитывают производственные отношения, оставляя их частично или полностью за рамками своих исследований.

Предвидеть будущее означает рассмотрение настоящего через будущее. При этом самое главное — определить качественные изменения в производительных силах. Прошлое, показывая тенденции в развитии производительных сил, дает ориентиры для понимания будущего. Используя их, можно модифицировать явления, основы которых были заложены в прошлом. Всегда многофакторная причинность будущего требует анализа экономических, социальных, географических и идеологических сторон общественного развития в их комплексе. Говоря иначе, предвидеть будущее невозможно, игнорируя общественные, и прежде всего производственные, отношения! И именно в этом игнорировании причинной многофакторности, в игнорировании изменений в производственных отношениях как неизбежного следствия развития производительных сил и заключена коренная причина неудач прогнозов ученых Запада, несмотря на всю мобилизацию ими достижений современной вычислительной техники. Нельзя забывать того, что «люди не свободны в выборе *своих производительных сил,* которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. <...> Благодаря тому простому факту, что каждое последующее

поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения»[1].

Перед социалистическим обществом открываются особенно широкие возможности использования биофизических и биохимических свойств материи, безмашинного производства, основанного на законах природы и не противоречащего происходящим в природе естественным процессам. При этом первоначально, видимо, будет происходить своеобразная интеграция физико-химической (малоотходной и безотходной) технологии с принципиально новой — биологической, по самой своей сути сугубо региональной, географической. Развитие научно-технической революции должно будет регулироваться с учетом экологических критериев, географически весьма различных. Единство географической среды с материальным содержанием общества представляет для этого необходимые возможности. При этом, вероятно, произойдет повышение статуса наук гуманитарного и биолого-географического профиля на общем фоне углубления взаимодействий между естественными и общественными областями человеческого знания.

Однако все это реально за пределами XX в. На грани XX и XXI вв. стоят несколько иные задачи — рационализация природопользования и охрана среды при значительно возрастающей «нагрузке» на природу со стороны производства всех стран мира. Определенный интерес поэтому представляют расчеты, произведенные группой экспертов ООН во главе с В. Леонтьевым[2], по определению возможностей сокращения «разрыва» в экономическом развитии между странами. И хотя общество и географическая среда в их диалектическом единстве при этом не рассматривались, но включение в систему межотраслевого баланса изменений в окружающей среде позволило выявить некоторые взаимосвязи между экономическим развитием и состоянием географической среды.

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 402.
[2] См. *Леонтьев В.* Будущее мировой экономики. М., 1979.

В этой работе В. Леонтьев более или менее реально показал «нагрузку» на природу в ближайшей перспективе. Расчеты количественного порядка сделаны на основе использования экономико-математического инструментария с применением аналитического метода «затраты — выпуск». Конечно, полученные данные можно подвергать сомнениям, хотя масштабы глобального природопользования вряд ли потребуют очень значительных коррективов (чего нельзя сказать о данных по отдельным регионам). Глобальная нагрузка на географическую среду действительно особенно сильно возрастает во второй половине XX в. При этом ее величина в каждое последующее десятилетие значительно превосходит ее величину в предыдущее. Изменения в земной природе далеко не ограничивались изменениями в ее гидрографии и почвенно-растительном покрове, которые подверглись особенно радикальной трансформации. Подтверждается предвидение В. И. Вернадского — воздействие общества стало проявляться наряду с геологическими процессами, затрагивая и строение земной коры. Об этом говорят данные о кумулятивных объемах добычи важнейших полезных ископаемых.

Добыча основных видов полезных ископаемых на земном шаре за 30 лет (1970—2000 гг.) в млн. т, топливно-энергетические ресурсы в угольном эквиваленте [1]

Нефть	229 093,0
Природный газ	102 676,0
Уголь	137 794,0
Медь	407,9
Бокситы	695,6
Железо	27 908,0

Рост производства при капитализме и в условиях развитого социализма, несомненно, увеличивает масштабы природопользования. К концу XX в. это увеличение, вероятно, достигнет своего максимума. Позже объемы природопользования, возможно, стабилизируются и даже сократятся в результате качественных изменений в производственной технологии и привлечения новых видов энергии. Рационализация использования уже известных видов энергии, прежде всего Солнца, открывает здесь беспредельные возможности. Еще более реальной становится рационализация производственного

[1] См. *Леонтьев В.* Назв. соч., с. 208.

использования материалов природы. Нужно ли будет, например, увеличивать добычу металлических руд, если можно в 7—10 раз увеличить срок использования материала и практически на порядок увеличить срок надежной эксплуатации деталей, упрочив наклепом поверхностный слой металла?[1]

Расчеты экспертов ООН подтверждают предположение, что 2000 г. при условии мирного развития будет весьма важным рубежом в характере природопользования. Масштабы производства, рост народонаселения, необходимость в значительном увеличении площадей под сельскохозяйственными угодьями — все это будет сочетаться с новым подходом к природе, обеспечив смягчение, если не полное устранение опасности экологического кризиса. Вполне реальные возможности для решения этой проблемы, правда, пока не вырисовываются. Но уже идет усиленный поиск их, и принимаются меры локального характера, направленные на улучшение и усиление использования очистных сооружений и организацию контроля за состоянием окружающей среды.

В последнее время в капиталистических странах законодательные акты и ограды сберегают отдельные «куски» ландшафтов, но сохранившееся понятие о необходимости «завоевания» природы явно противоречит самой возможности ее сохранения. А существующая в условиях капитализма система экономических и социальных фильтров, отсеивающих тех, кому недоступно общение с природой, превращает ее в дорогой дефицитный товар, сберегаемый для элиты.

Между тем люди не могут произвольно выбирать модель своего отношения к природе. Преодоление экологического кризиса возможно только тогда, когда оно будет осознано как общественная необходимость, когда единство географической среды с материальным содержанием общества будет не только признано, но и войдет в качестве теоретической основы в производственную практику. А это подразумевает изменение в общественных отношениях, в самом человеческом обществе, его производстве и потреблении. Здесь вполне уместна аналогия между «целесообразным» приспособлением к

[1] См. *Жаворонков Н. М.* Прогресс химии металлургии и химической технологии в СССР. М., 1975, с. 29—30.

природе и рациональным природопользованием. Рационализация природопользования, о которой много пишется всякого рода книг и статей, на наш взгляд, представляет собой более совершенное приспособление общества к географической среде. Различие состоит здесь

Население, валовой продукт и производство зерна в конце XX в. [1]

Регионы	Население (млн. человек)		ВВП* на душу населения (долл.)		Производство зерна (млн. т)	
	1990 г.	2000 г.	1990 г.	2000 г.	1990 г.	2000 г.
Северная Америка	278,6	299,9	7 440	9 070	350,3	456,3
Латинская Америка (средний доход)	325,2	414,6	1 200	2 149	187,0	331,4
Латинская Америка (низкий доход)	160,2	206,7	880	1 577	24,5	40,6
Западная Европа (высокий доход)	311,6	324,1	5 221	6 682	150,7	186,6
Западная Европа (средний доход)	145,1	165,5	1 941	3 476	80,2	124,5
Восточная Европа	119,4	126,0	4 032	5 419	90,8	112,7
Азия (с централизованно планируемой экономикой)	1 093,0	1 225,9	387	680	460,1	702,5
Япония	126,2	132,9	4 708	6 327	39,2	50,3
Азия (низкий доход)	1 714,9	2 156,0	231	353	499,7	732,6
Ближний Восток	234,6	318,0	1 737	3 111	59,4	121,1
Засушливая Африка	231 8	307,6	235	292	54,6	80,4
Тропическая Африка	247,6	332,1	196	245	41,2	72,4
Южная Африка	37,9	50,0	1 654	2 964	17,6	33,3
Океания	21,5	24,5	5 148	6 591	28,3	40,3
Весь мир	5 344,0	6 405,0	—	—	2 404,5	3 471,2

* Внутренний валовой продукт на душу населения.

[1] См. *Леонтьев В.* Назв. соч., с. 184, 186, 189, 190, 191, 195, 197, 201, 203.

лишь в том, что если природе для создания определенного неустойчивого (динамического) равновесия (в этом состоит ее гармония) требовалось колоссально много времени, то, познавая законы природы, используя их и подчиняясь им, люди могут в относительно короткие отрезки времени создавать на Земле не менее совершенное неустойчивое равновесие между обществом и остальной природой, полностью устраняя антагонистический характер противоречий между ними.

Добыча и потребление основных видов полезных ископаемых в 2000 г. [1]
(добыча — числитель, потребление — знаменатель)

Регионы	Нефть*, млн. т	Природный газ*, млн. т	Уголь*, млн. т	Медь, млн. т	Бокситы, млн. т	Железо, млн. т
Развитые страны с рыночной экономикой	3 165,3 / 7 052,5	2 473,6 / 2 480,8	4 617,5 / 4 245,2	7,2 / 15,4	23,2 / 26,6	434,7 / 792,0
Развитые страны с централизованно планируемой экономикой	2 308,4 / 2 447,4	2 328,7 / 2 141,5	2 578,2 / 2 578,2	2,7 / 5,3	3,9 / 7,5	653,9 / 564,3
Развивающиеся страны	10 205,1 / 5 414,3	1 572,1 / 1 740,3	3 112,5 / 3 253,6	20,8 / 7,5	17,2 / 10,3	811,7 / 544,1

* В угольном эквиваленте.

Очень важна своевременность в рационализации природопользования в том смысле, что ее надо начинать до или в самом начале проявления его негативных последствий. (Чем раньше усиливается рационализация природопользования, тем меньше потребуется материальных затрат.) С точки зрения общественного подхода выгодно не то, что при наименьших затратах приносит в данное время наибольший доход (максимальная экономическая эффективность), а то, что обеспечивает планомерное и долговременное развитие всего общества. Интенсификация производства по своей сути есть не что иное, как усиление и усложнение этого взаимодей-

[1] См. *Леонтьев В.* Назв. соч., с. 110, 113, 191.

ствия, вовлекающего в общественное производство все большие и большие массы материалов и видов энергии природы. Общественные, рукотворные элементы занимают внутри территориальных комплексов географической среды все более заметное место. Природные ландшафты приобретают в значительной степени антропогенный характер. Советское ландшафтоведение начинает уделять большое внимание антропогенным ландшафтам, отказавшись от изучения *только* чисто естественных, не тронутых человеком территориальных природных форм, «восстанавливаемых» ландшафтов, т. е. таких, какими они были до появления человека. В перспективе потребуется взаимодействие ландшафтоведения с геотехнологией в ее региональном выражении [1].

Процесс интенсификации в настоящее время имеет чрезвычайно противоречивый характер. Вовлечение в общественное производство огромных масс материалов природы, превращение их в производительные силы усиливают антагонизм между обществом и природой. Но этот же процесс одновременно открывает возможности для создания безотходной технологии, техники, специально предназначенной для устранения неблагоприятных качественных особенностей земной природы, устранения и предотвращения хищнического использования географической среды.

Интенсификация несомненно главное направление в развитии производства, и в частности сельского хозяйства. Но она эффективна тогда, когда возможности экстенсивного роста себя в основном исчерпали. И если интенсификация производства вводится раньше, чем исчерпаны возможности для его экстенсивного развития, она может приводить к излишним затратам общественного труда. Затраченные на нее средства будут медленно окупаться, резко снизится фондоотдача. Наиболее четко это проявляется в сельском хозяйстве, где роль географического фактора особенно велика. Элементы природы, вовлекаемые в процесс производства, как известно, превращаются в производительные силы общества. В частности, даже земля с точки зрения узко понимаемой экономической науки «цены не имеет». То же самое можно сказать о воде, ценность которой опре-

[1] См. *Мильков Ф. Н.* Человек и ландшафты. М., 1973.

делялась лишь стоимостью ее доставки к месту использования. В последнее время в стоимость воды включаются расходы по ее очистке. (Получилось, что чистая вода ничего не стоит, а грязная тем дороже, чем грязнее!)

Между тем машины и всякого рода технические сооружения обычно весьма дорого оцениваются, поскольку в них овеществлено много труда, но они могут безгранично совершенствоваться и заменяться. Даровая же земля (как и вода) не может безгранично расширяться и тем более заменяться по мере использования. Производительные силы, вовлекаемые из географической среды, имеют в действительности огромную *общественную* стоимость! Они *ограничены, невоспроизводимы и незаменимы!* Поэтому всегда следует помнить о том, что земля, вода и особенно воздух, рассматриваемые иногда как ресурсы, превратившись в производительные силы общества, остаются *компонентами географической среды,* воздействуя на развитие общества не только как важнейшая *часть производительных сил,* но и как *условие общественного развития.* Говоря иначе, они отнюдь не «выпадают» из понятия географического фактора, не ослабляют, а, наоборот, усиливают его действие. И такое двойственное значение этих производительных сил с каждым десятилетием приобретает все большую и большую значимость для всего человечества.

Организуя товарообмен и создавая необходимые продовольственные и иные запасы, люди освобождаются от власти многих случайностей (губительного воздействия засух, наводнений, неурожаев, связанных с погодными условиями, сезонными колебаниями температуры и т. д.) ценой включения новых элементов географической среды в свою общественную организацию. Непосредственная зависимость от природы превращается в опосредствованную, конкретной формой которой является необходимость пользоваться услугами торговли. Эта форма представляет собой не что иное, как особую форму отношений между людьми на основе взаимодействия общества с природой.

Специфичность состоит здесь в том, что люди, преодолевая вредные для себя влияния природы, не устраняют причин, порождающих эти влияния, а лишь смягчают их, воздействуя на следствия. Например, люди научились (далеко не в совершенстве) предвидеть возник-

новение землетрясений. Это дает возможность избежать некоторых их пагубных последствий, но до устранения землетрясений еще дистанция огромного размера. Причины остаются пока вне власти общества, и люди не могут предотвращать землетрясения, изменять циркуляцию атмосферы или тем более усиливать или ослаблять солнечное излучение.

Разделение труда — необходимое условие для интенсификации сельскохозяйственного производства. Но в США, где товарность сельского хозяйства особенно велика, тем не менее не стремились любой ценой поднимать его интенсивность, которая не столь уж там и велика. Это объясняется тем, что товарное хозяйство руководствуется принципом *производительности труда,* а не *производительности земли.* Интенсификация эффективна, когда в результате ее повышение урожайности *экономически рентабельно,* когда она не требует слишком больших затрат. Рост урожайности должен достигаться в результате повышения производительности труда, а не резкого увеличения его количества хотя бы и в виде средств, затраченных на механизацию. Можно вкладывать огромные средства в сельское хозяйство и не получать необходимой массы сельскохозяйственной продукции. И наоборот, затратив сравнительно небольшие средства, можно получить большую массу продукции в тех случаях, когда возможности экстенсивного развития сельского хозяйства далеко не исчерпаны. В ближайшей перспективе (до 2000 г.) использование земельных ресурсов окажется наиболее рациональным при сочетании *усиливающейся интенсификации с их экстенсивным использованием,* при строгом учете *местных* природно-экономических условий, что особенно необходимо в районах с низкой плотностью населения.

Интенсификация производства как главное направление его глобального развития неизбежно подразумевает усиление концентрации и централизации, что усиливает изменения в географической среде. Эти изменения затрагивают природу как в социалистических, так и в капиталистических странах. Человечество в целом выступает здесь как естественноисторическая общность, изменяющая, а в ряде случаев и создающая среду своего дальнейшего развития. Но эта общность далека от совершенства. Единство человечества противоречиво с сильными, отнюдь пока не изжитыми внутренними ан-

тагонистическими противоречиями. Отсюда разрешение противоречий внутри более крупной системы «общество — географическая среда» на ближайший обозримый исторический период представляется нам проблемой, в полной мере пока неразрешимой.

Как показано в предыдущих разделах книги, человечество в течение многих тысячелетий жило и развивалось за счет экстенсивного природопользования, по принципу *одноразового* использования. При этом использовалась лишь малая часть (не более 3%) того, что бралось у природы, остальное шло в отходы, загрязняя географическую среду. Такая открытая система могла существовать лишь временно, до тех пор пока воздействие людей на природу было сравнительно невелико, пока общество было ничтожно малой величиной в сравнении с земной природой.

В наше время стало очевидным, что масштабы изменений в географической среде в результате общественного воздействия настолько возросли, что природа Земли стала не в состоянии «самоочищаться». Возникла насущная потребность в установлении целенаправленности этих изменений с учетом того, что и само общество находится в сфере этих изменений. Возникла необходимость в управлении общественным воздействием на природу, что подразумевает создание геотехнических систем (ГТС), где природные и технические компоненты функционировали бы как целое. Внутри ГТС могут быть свои подсистемы, создающие свои зоны и подзоны. Существующие в настоящее время сельскохозяйственные угодья и энергопромышленные комплексы можно рассматривать в качестве прообразов будущих ГТС. В них присутствует техника, воздействующая на природу, сильно измененную в результате этого воздействия, существуют подсистемы контроля и управления. Антропогенный характер «окультуренных» ландшафтов также в будущем может определяться воздействием ГТС[1]. Но далеко не везде, не во всех случаях целесообразно соз-

[1] Практически создание ГТС — задача куда более сложная, чем это может показаться при чтении теоретических работ. Не всякая техника пригодна для ГТС. Успех может быть достигнут лишь при условии органической увязки общественного воздействия с естественными процессами, иначе... «Все антропогенное не прочно, все прочное не антропогенно!» — афоризм, распространенный среди географов.

давать ГТС. Территориальные массивы остающейся в максимально естественном состоянии природы абсолютно необходимы хотя бы для сохранения генофонда. Здесь определенную опасность представляют крайности. Но принцип интеграции технологии с природой вряд ли может подвергаться сомнениям. Уже теперь некоторые природные процессы детерминированы техническими сооружениями. Вряд ли можно сомневаться и в возникновении (а может быть, открытии?) новых закономерностей в сфере взаимодействия общества с природой, в частности законов организации общественно-природных структур внутри этой сферы. В самом общем определении эти законы можно характеризовать как *законы взаимодействия*. В частности, не может быть сомнения, что использование законов взаимодействия между компонентами географической среды может обеспечивать прогрессирующий рост ее производительности в интересах общества. Такого рода повышение производительности может достигаться путем конструирования и создания новых структур географической среды, где коренные природные элементы будут сохранены лишь частично, а в значительной мере преобразованы и дополнены техническими элементами, органически соединенными с ними в единое целое. «...Дальнейшее развитие общества и его производственной деятельности должно иметь своим результатом (в сфере взаимоотношений с природой) *планомерное прогрессивное* повышение общей производительности природной (географической. — *В. А.*) среды» [1].

Советские географы начинают создавать работы по функциональной классификации технологических воздействий на географическую среду. Но пока эти работы ограничиваются обычно рассмотрением взаимодействий технических и природных систем. Между тем назрела необходимость в более интегрированном подходе, в рассмотрении взаимодействий между компонентами географической среды, органически включая в природную основу результаты антропогенных воздействий. В то же время научно-практические исследования общегеографического характера называют часто междисциплинарными, хотя вся их междисциплинарность состоит лишь

[1] *Герасимов И. П.* Конструктивная география. М., 1976, с. 62.

в том, что их нельзя считать физико-географическими или экономико-географическими, а они просто географические! Наиболее типичны в этом отношении публикации А. Ю. Ретеюма и его соавторов[1]. Они непосредственно подводят к пониманию единства географии как науки, избегая одновременно теоретического, философского осмысливания своих исследований.

Кстати, не следует преувеличивать совершенство чисто природных систем. Преобразование природы путем управления происходящими в ней изменениями (в том числе и происходящими под воздействием общества) — это одновременно и ее развитие, отнюдь не снимающее воздействия внутренне присущих ей сил и космических, прежде всего энергии Солнца. Влияние магнитного поля Солнца на жизнь земных организмов, и прежде всего на жизнь человека, не подлежит каким-либо сомнениям. Не меньшее, хотя и не столь обнаруживаемое значение имеет, вероятно, и космическая радиация. Так что изменения земной природы происходят не только под воздействием общества. Но общество в этих изменениях земной природы — единственный фактор, действующий *целенаправленно,* хотя и он воздействует как преднамеренно, так и непреднамеренно. В первом случае ставилась задача преобразования природы в целях более продуктивного ее использования (например, мелиорации). Во втором — изменения происходили попутно в связи с решением хозяйственных задач, например в связи с обеспечением сырьем какого-либо промышленного производства. Такого рода «попутные» изменения огромны. Именно они и стали представлять собой экологическую опасность для человечества. В перспективе попутные изменения должны быть сведены к минимуму, если не устранены полностью. Можно согласиться с утверждениями ученых о практической важности ис-

[1] См., например: *Ретеюм А. Ю., Куницын Л. Ф.* Функции техники в процессе взаимодействия общества и природы. — В кн.: Взаимодействие природы и общества. М., 1973; *Ретеюм А. Ю., Дьяконов К. Н., Куницын Л. Ф.* Взаимодействие техники с природой и геотехнические системы. — Изв. АН СССР, 1972, № 4; *Ретеюм А. Ю., Долгушин И. Ю., Мухина Л. И.* Взаимодействие технических и природных систем. — В кн.: Проблемы ландшафтоведения. Л., 1975; *Дьяконов К. Н., Ретеюм А. Ю.* Дискуссионные вопросы гидротехнического строительства на Средней Печоре. — В кн.: Научные вопросы охраны природы. М., 1975, и др.

пользования географического прогноза, подразумевающего в условиях социалистических стран организацию государственной географической службы.

Бросая взгляд в ближайшее будущее, можно утверждать, что изменения в земной природе будут возрастать и в результате концентрации человеческой деятельности на определенных территориях. Это позволит расширять площади национальных парков и систем географической среды рекреационного назначения. Территориальная концентрация производительных сил обеспечивает возможность деконцентрации. В частности, могут быть найдены конкретные пути к избавлению человечества от необходимости занятия огромных площадей под сельскохозяйственные культуры. Но это возможно уже за пределами XX в. Предполагается, что до 2000 г. площади, занятые сельскохозяйственными культурами, будут расти во всех странах.

Установление необходимого для общества «кислородного баланса» значительно упростится, когда будут найдены способы промышленного фотосинтеза и когда потребление кислорода сократится в связи с развитием энергетики, основанной на непосредственном превращении внутриядерной, тепловой, механической энергии в электрическую. Не менее важна проблема сохранения, а возможно, и развития форм жизни, существующих на нашей планете. Химический состав живых организмов (включая, конечно, и микроорганизмы!) чрезвычайно специфичен для каждой разновидности. Каждая из них накапливает и вносит в географическую среду «свои» микроэлементы, значение которых для жизни людей чрезвычайно малоизвестно. И совершенно очевидно, что заменить деятельность живых организмов техническими средствами невозможно. Ведь существующие в природе взаимодействия складывались миллиарды лет, и их нарушения чреваты смертельной опасностью для всего живого, в том числе и для человека. Следовательно, природопользование базируется не на нарушении круговорота веществ, существующего в земной природе, а на его сохранении. Люди вынуждены изменять природу. Без этого нет и не может быть производства, а без ускоренного развития производства невозможна жизнь человечества. Но изменение совсем не обязательно означает нарушения в динамическом равновесии природы, как это иногда думают. Можно изменять природные

процессы, но по мере познания законов природы использовать эти законы таким образом, чтобы производимые изменения вписывались бы в великой кругооборот веществ, происходящий на Земле.

Управление изменениями в географической среде подразумевает управление и развитием науки. Здесь существует самая тесная связь и взаимозависимость, ибо очеловеченная природа, все результаты человеческого труда, столь ускоренно растущие внутри географической среды как ее органически связанные с земной природой компоненты, есть не что иное, как овеществленные человеческие знания.

Овеществление знания — самое непосредственное взаимодействие общества с остальной природой — нельзя рассматривать только как внешнее по отношению к природе. Оно прежде всего внутреннее, происходящее между одной частью целого — обществом и другой его частью — географической средой, где общество непосредственно взаимодействует с природой, где географическая среда, включаясь в общественное производство, превращается в материальное содержание общества. Внешняя же природа — это неисчерпаемый источник, позволяющий «наращивать» массу географической среды, меняя ее и количественно и качественно. Это, если хотите, географическая среда в потенции, и совершенно неправильно было бы не видеть ее отличия от среды общественного развития. Поясним это на примере. В Антарктиде несомненно есть природная среда, но пока там еще нет территориальных комплексов географической среды. Они там в настоящее время интенсивно создаются. Люди не могут жить в Антарктиде без импорта туда энергии и материалов, полученных в регионах развитой географической среды — в регионах, освоенных общественным производством. Нет географической среды и в космосе, где природа еще не вовлечена в общественное производство.

И какие бы части Земли (например, дно Мирового океана) или космические дали ни осваивали люди будущего, они всегда будут нуждаться в привозимой с собой или создаваемой из «местных» материалов и источников энергии географической среде. Иначе люди должны были бы изменить свою биосоциальную сущность, перестать быть людьми, что выходит за пределы реальности.

Рассматривая будущее через призму проблемы взаимодействия общества и природы, важно получить представление о тенденциях развития науки.

Наука — сложнейший феномен, включающий в себя прежде всего весь процесс познания материального мира, различные виды знаний, социальные группы людей, занимающихся наукой и обладающих особой профессиональной подготовкой, организованных в коллективы.

Как разновидность духовной деятельности, наука своей главной целью имеет исследование материального мира. Получаемые знания о материи — главное, все остальные виды деятельности, хотя и остаются необходимыми компонентами процесса познания, занимают подчиненное положение. Отсюда результаты научного познания порой могут и не иметь непосредственного практического значения, хотя в итоге они это значение неизбежно приобретают. В этом проявляется парадоксальная специфичность науки. Знакомясь с воздействием географического фактора на общественное развитие, весьма существенно представлять эту особенность познания материального мира. Это тем более так, если учитывать, что в географической среде, особенно при высоком уровне развития производительных сил, происходят качественные изменения в результате ускоренного развития науки, ставшей производительной силой общества. Наука проникает теперь во все сферы общественной жизни. Она усиливает возможности человека более глубоко проникать в мир окружающей его природы. Как наиболее активная составная часть производительных сил общества, наука стала и более действенной силой в производственных отношениях, оказывая на них революционизирующее воздействие, приобретая одновременно новые черты, усиливающие ее гуманизацию.

Выражая собой две стороны бытия материи («пространство — время»), география и история в своем развитии непосредственно базируются на философию (обеспечивая ее одновременно новыми фактами), получая от нее, в частности, методологическую основу, определяющую процесс познания природы и общества в их развитии, выражаемом в пространстве и времени. Философия науки отрицает абсолютизацию любого метода, универсализм любого частного методологического подхода в практике научных исследований. «Предпочтение одного какого-либо метода часто создает опасность внесе-

ния ошибочных выводов в исследования, причем ошибки нелегко даже найти, так как контроль возможен лишь со стороны другого метода, параллельного первому, а такой — параллельный метод — заранее устраняется... Нет лучших и нет худших методов, каждый метод исследования имеет свои сильные и свои слабые стороны...»[1] Между тем такого рода абсолютизация частных методов познания была свойственна науке прошлого. Например, аналитическая философия периода бурной дифференциации науки, сопровождавшегося распространением теории множеств и символической логики, пыталась абсолютизировать методологию философского анализа. Ученые прошлого поэтому часто с недоверием относились к применению системного подхода, явно противоречащего аналитической философии и выражающего собой не столько дифференциацию, сколько интеграцию исследуемых предметов.

Позже, когда эффективность системного подхода сделалась общепризнанной, утверждалась иногда его абсолютизация, основанная на своеобразной «синтетической» философии. Системный подход определяется как сверхновый, всеохватывающий, отрицающий какие-либо грани (=переходы) между отраслями, стирающий различия между всеми научными школами и направлениями и полностью заменяющий собой все методы и приемы, использовавшиеся наукой до применения системного подхода. В частности, такого рода абсолютизация и универсализация системного подхода получила распространение и при изучении географической среды[2].

Современная наука, включая, конечно, и науку о географической среде, сама стала объектом изучения. Но возрастающая сложность процесса познания усиливается тем, что наука является высшей ступенью познания. В этом одно из главных противоречий в области современной науки, разрешение которого, возможно, обеспечит дальнейшее развитие процесса познания в большей мере, чем все частные методологические подходы. «Исследования по истории науки, проводившиеся за последние десятилетия, показали, что философские принципы, общие мировоззренческие установки и спе-

[1] *Марков К. К.* Два очерка о географии. М., 1978, с. 84.

[2] См. Вопр. географии. Системные исследования природы. М., 1977, № 104.

циальные методологические концепции оказывают на развитие науки гораздо более сильное и радикальное влияние, чем это казалось раньше»[1].

Для изучения изменений в воздействии географического фактора на общество важно знать перспективы дальнейшего развития науки и детерминирующие воздействия, влияющие на это развитие. Абсолютизация математики и системного подхода, по сути дела противопоставляемых материалистической диалектике, отнюдь не усиливает научную ценность тех или иных исследований. Принцип системности при исследовании географической среды плодотворен только тогда, когда он органически следует из марксистской теории развития природы и общества. Структурный и системный анализы не могут иметь самодовлеющего значения, заменять собой изучаемые конкретными науками их материальные предметы. Выпячивая на первый план только системную сущность предмета, мы неизбежно изгоняем из практики научных исследований принцип детерминизма, возможность познания противоречивости и неустойчивости тех самых систем, которые якобы только и являются предметами изучения науки.

Прогнозируя будущее общественного развития под углом зрения воздействия на это развитие географического фактора, прежде всего следует избавляться от одностороннего подхода. Следует напомнить, что В. И. Ленин решительно выступал против всякой односторонности в процессе познания материального мира. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении. <...> В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...»[2]

[1] *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки. М., 1977, с. 21.
[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 42, с. 290.

Отношения и взаимодействия, происходящие в географической среде между ее компонентами, требуют (для своего познания) не какого-либо одного подхода, а сочетания всех известных современной науке приемов и методов, которые совершенствуются по мере их конкретного использования.

Обработка эмпирического материала при помощи электронно-вычислительной техники в целом ряде случаев, особенно в исследовании географических процессов, приводит к грубым ошибкам по той простой причине, что эти процессы далеко не всегда могут быть количественно выражены. Надо всегда иметь в виду, что самая совершенная электронно-вычислительная машина «выдает» решения в зависимости от «заложенных» в нее исходных данных, в свою очередь определяемых действием многих, часто противоречивых факторов, да еще меняющих иногда свое воздействие в пространстве и времени, что и делает эти исходные данные не совсем точными...

Математика, как и теория,— логическое построение, позволяющее определять суть явлений значительно короче, чем это достигается при непосредственном наблюдении и основанном на нем описании. Но короче далеко не всегда означает и *правильнее!* [1] В географии, например, математика часто не только «укорачивает» научные определения, но и сильно искажает их.

Математизация, усиливая дифференциацию в каждой частной науке, в то же время способствует интеграционным процессам в науке в целом, позволяет более четко (языком математики) формулировать некоторые проблемы и концепции, выявляемые в процессе познания того или иного предмета. В географии математика получает применение, но не в исследовании географической специфики, а, наоборот, более общих черт, свойственных многим или хотя бы нескольким регионам. Часто матема-

[1] Физика все больше отходит от казавшихся незыблемыми представлений. Например, понятие «случай» из выражения незнания превратилось в один из способов определения знания... А введение принципа дополнительности! А возврат к общечеловеческому языку при выявлении явной несостоятельности математических формул для объяснения и определения новых идей! Словом, так называемая точность естественных наук демонстрирует свою негативную сторону, начинает мешать развитию новых представлений, все в большей мере обреченных на возврат к использованию логики.

тическое моделирование в географии сводится к «портретным моделям», лишенным какого-либо дополнительного содержания, что с не меньшим (а часто большим!) успехом может быть выражено при помощи картографии. Ничего, кроме ненужной дополнительной терминологии, сопровождающейся еще более ненужными переименованиями общепринятых понятий, «портретное» моделирование не дает.

Математическое моделирование в географии может быть успешно применено при условии предварительного создания компактных представлений о пространственных явлениях, общих для многих регионов, о факторах, определяющих или хотя бы влияющих на развитие территориальных комплексов географической среды. Компактные представления усиливают возможности прогнозирования. Они позволяют познавать явления в динамике, а не статике, что и открывает перспективы для прогнозирования и управления.

Но компактные представления — это совсем не обязательно математические модели, являющиеся лишь производным (=функцией) теоретического мышления. Обобщая огромное количество фактических знаний, компактные модели по сути дела представляют собой выражения философии данной конкретной науки — ее теорию. В географии философское осмысливание явлений должно предшествовать математическому моделированию. Чтобы получить компактные представления, используется теория вероятностей. Но и она оказывается недостаточной, так как географическая изменчивость часто не зависит от вероятности возникновения того или иного явления. Наиболее вероятные явления могут и не произойти, а казалось бы, совершенно невероятные явления совершаются, коренным образом меняя географическую ситуацию в стране или районе. И связано это не только с действием непредсказуемых воздействий космоса или стихийных сил природы, но и с действием людей, которые все еще далеко не всегда предсказуемы. Превращение возможности в действительность имеет, следовательно, характер случайности. Полностью предвидеть его невозможно. В то же время не ставшие действительностью возможности могут длительное время ими оставаться, что не исключает случаев изменения ими действительности. Поэтому их учет — одно из условий предвидения будущего, и не

только предвидения. Например, одержав победу, несмотря на имевшиеся возможности поражения, важно не забывать, что эти возможности могут «взять реванш». Отсюда необходимость закрепить победу уничтожением возможностей поражения. Это отлично понимал В. И. Ленин.

Изучение возможностей, не ставших действительностью, — веление нашего времени. Сознательно создавать свое будущее означает прежде всего устранение возможностей негативных и превращение в действительность возможностей позитивных с точки зрения общественных интересов. Необходимость этого во всем процессе взаимодействия общества и природы обусловлена и тем, что одно только прошлое дает недостаточную информацию для определения будущего. Сложность географических систем максимальна, и в этом смысле они могут быть названы случайными. Только изучение всех возможностей может дать необходимые данные для активного воздействия на создание будущего общества [1]. К. Маркс неоднократно подчеркивал значимость элементов случайности, которые лишь в конечном итоге оказываются подчиненными внутренним законам исторического развития. Без учета случайностей «история носила бы очень мистический характер...» [2]. Ф. Энгельс решительно выступал против подмены конкретного изучения исторического процесса догматическим подходом: «...прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты» [3].

На современном уровне развития науки практика не в состоянии непосредственно определять направленность в ее развитии. Возрастает значение познания более широких областей материального мира безотносительно к их непосредственной практической значимости. Проявляется усиление независимости развития науки от техники. И если в недавнем прошлом сначала накапливал-

[1] Случайность мы понимаем как максимальную сложность, а не как выражение незнания. Еще далеко не все то, что мы знаем, можно свести к компактным представлениям.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 175.

[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 351.

ся опыт, а позже возникали гипотезы и теории, то теперь первоначально исследуется широкий круг явлений, а потом выделяются направления научного поиска, имеющие непосредственное значение для практики. Говоря иначе, если в прошлом ученые шли преимущественно по пути от частного к общему, то теперь — от общего к частному.

Задачи, выдвигаемые современной практикой перед наукой, отличаются необычайной сложностью. Решать их, ориентируясь на удовлетворение запросов повседневности, невозможно. Жесткие ограничения научного поиска потребностями сегодняшнего дня делали бы невозможным обеспечение потребности практики дня завтрашнего.

Возросла необходимость в широких (междисциплинарных) исследованиях материального мира, фронтальных исследованиях, существующих в природе взаимодействий между ее компонентами, между обществом и остальной природой во времени и пространстве. Отсюда в географии усиливается значение ее методологических разделов. Географизация науки в целом делается одной из необходимых сторон в ее развитии, на что уже обращал внимание К. К. Марков[1].

Возможность науки самостоятельно развиваться отнюдь не превращает ее в особую область, оторванную от практики. Скорее наоборот. Широко известно высказывание Ф. Энгельса о том, что «если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»[2]. Оно не только не устарело, но и получает более глубокий смысл и значимость. Произошло лишь изменение формы. Если практика (=техника) в прошлом шла впереди науки и тянула ее за собой, то теперь практика «переставила» науку вперед, продолжая продвигать ее развитие. *Непосредственные* практические задачи не всегда определяют теперь научный поиск. Но в опосредствованной форме, объективно практика (= техника) как была, так и осталась двигателем научного прогресса, хотя ученые и могут решать проблемы независимо от ее непосредственных запросов.

[1] См. *Марков К. К.* Два очерка о географии. М., 1978.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 174.

Современная наука территориально концентрирована. Для ее развития нужна богатая информация. В размещении научных учреждений проявляется связь с исторически сложившейся системой расселения, особенно с историческими и национальными центрами культуры.

Большое значение для изменения отношения человека к природопользованию, в преодолении технического антропоцентризма будет иметь гуманизация науки, значительно расширяющая ее горизонты. Гуманизм в прошлом характеризовался стремлением объяснить все явления с позиций разума. Гуманисты ставили на пьедестал человеческую личность, всепобеждающий разум, высоту чувств и помыслов. Человек с его неограниченными познавательными способностями противопоставлялся догматам религиозного мировоззрения.

В наше время гуманизм, сохраняя лучшие традиции прошлого, противопоставляет человеческую личность сциентизму[1] буржуазной технологии, борется за право человечества (и человека!) на жизнь, над которой нависла угроза со стороны теряющей человеческий облик элиты мирового империализма и гегемонизма, развязавших и усиливающих безумную гонку вооружений.

Устраняется, хотя не без заметных трудностей, отраслевая замкнутость ученых, заменяемая постепенно более широким подходом к изучаемым явлениям и предметам. При этом если в недавнем прошлом новые отрасли и разделы науки возникали преимущественно в результате расчленения предмета, дифференциации более широких, традиционных наук (той же географии), то теперь — и в результате синтеза наук, изучающих разные предметы. Гуманизация науки — веление времени, диктуемое жизнью в связи с усилением значимости общественного воздействия на остальной мир природы, и происшедшее отсюда изменение в действии географического фактора, приобретающего характер, угрожающий человечеству экологическим кризисом.

[1] Сциентизм — противопоставление науки всем гуманитарным идеалам и ценностям человечества. Применение отравляющих веществ, опыты на людях и, наконец, развязывание ядерной войны с уничтожением большей части человечества для представителей сциентизма всего лишь интересные «научные» эксперименты. С особенным наслаждением представители сциентизма в США смакуют возможности применения нейтронного оружия в Европе.

Чем глубже и интенсивнее взаимосвязи общества и природы, тем больше в опосредствованной форме зависит человечество от «милостей природы», зависит от общих законов развития материального мира, тем жестче будет «месть» природы за нарушение этих законов, за негуманное отношение с компонентами географической среды. Чем больше общество противостоит природе, противоположно природе, тем в большей степени проявляет себя его единство с природой. И именно поэтому при воздействии общества на природу недостаточно руководствоваться одними чисто естественными закономерностями. Все сильнее выявляется необходимость подходить к природе и с позиции гуманитарных наук, включать ее в сферу действия закономерностей этих наук. О возникновении экологического права мы уже упоминали.

Природопользование не может теперь обосновываться одними естественными закономерностями. Отношение к природе начинает определяться не только материальными, но и духовными потребностями общества, а следовательно, не только наукой, и тем более техникой, но и более широкой областью интеллектуальных интересов человеческой личности — искусством. Немаловажное значение при этом будет принадлежать эстетике. Вот почему, казалось бы, далекие от географии проблемы часто оказываются с нею связанными. Связи географии с искусством, будь то живопись, музыка, хореография, художественная литература, традиционны и общеизвестны. География развивается на гранях не только между естествознанием и обществоведением, но и между наукой и искусством, что в равной степени можно сказать и об истории. Искусство исторично и пространственно! Существует пространственная определенность художественного воображения (Сарьян немыслим вне Армении, Чайковский — вне России). Пространственная определенность — это воздействие географического фактора на искусство, которое всегда несет на себе отпечаток индивидуальности художника, полученной им на Родине! И никакой техникой, формальными методами этой пространственной определенности не заменить. В свою очередь географическая специфика в работах географов не может быть показана методами системного анализа, математизацией или экономизацией. Региональная исключительность, неповторимость требуют от

географов не только формализации, но и эмоций. Огромное значение при этом имеет патриотизм — любовь к Родине.

В последнее время в связи с гуманизацией науки заметно возрастает роль психологии. Инженерная психология — явное проявление гуманизации технических наук. Правда, ее можно назвать гуманизацией использования техники. Но наряду с этим большую актуальность приобрела и психология, как таковая. Психологические проблемы приобрели общенаучное значение. В ряде случаев их решение — необходимое условие для правильного учета географического фактора в общественном развитии.

Как нельзя отделить общество от географической среды, так нельзя и человека с его сложной психологией отделить от его биологической сущности. Среди гуманитарных наук огромную значимость приобретает эргономика, на основе которой возможно достижение согласованности конструкций машин и условий их функционирования с человеком, включая его как физические, так и социальные особенности, с его психологией и нравственными качествами, словом, согласование между техникой и человеческой личностью. Теперь при создании новых машин недостаточно «чистой» технологии, нужен системный подход. Необходимы исследования системы «человек — машина — среда», чем и должна заниматься гуманитарная в своей основе наука — *эргономика,* опирающаяся на глубокое изучение человеческой психологии и географической среды.

Бросая взгляд в будущее, можно утверждать, что дальнейшее развитие техники на основе физики, химии и прикладных технических наук без связи с изучением среды грозит серьезными негативными последствиями, ведет к нарушению необходимого соответствия и динамического равновесия между обществом и природой.

«Предметом научного исследования в области трудовой деятельности становится не техника сама по себе и не только человек как субъект производства, но и согласование его физических и психических возможностей, эстетических вкусов и других социальных качеств со свойствами современных технических систем»[1]. Тех-

[1] Укреплять взаимосвязь общественных, естественных и технических наук. — Коммунист, 1977, № 1, с. 62.

ника, как далеко ни зайдет она в своем развитии, всегда будет лишь «продолжением» естественных органов человека, его рук и мозга. Принципиальная возможность «передачи» трудовых функций субъекта технике ограничена целями человека. Она всегда будет средством труда.

Региональные разделы эргономики могут развиваться лишь при установлении тесных связей с географией. На стыке между географией и эргономикой будут происходить интеграционные взаимодействия, так как без исследований региональной специфики в формировании предметно-пространственных систем географической среды невозможно создание оптимальных условий для труда, быта и отдыха, невозможно формирование условий для всестороннего развития человека. Учет географической специфики и развитие эргономических исследований открывают новые возможности и в охране труда, обеспечивая решение задачи, поставленной Л. И. Брежневым на XVI съезде профсоюзов СССР: «Нашу цель можно сформулировать так: от техники безопасности — к безопасной технике. Мы стали на этот путь и будем идти по нему неуклонно» [1].

Для развития науки в целом важное значение имеет процесс урбанизации. Чем сильнее концентрация научных сил в отдельных урбанизированных районах, тем больше возможностей для использования и мелких населенных пунктов, включающихся в ту или иную территориальную систему урбанизации для размещения в них отдельных лабораторий, отделов, секторов крупных научных институтов данного урбанизированного района на основе общности разрабатываемых научных проблем, общности идей и информации. При этом следует формировать иерархическую структуру различных типов взаимосвязанного расселения. Для СССР в этой иерархии намечается три ранга систем: общегосударственная, региональная (республиканская) и групповая. Последняя представляет собой основной, первичный элемент расселения, обладающий более или менее развитой внутренней пространственной структурой со своими городами-центрами, концентрирующими производительные силы (места приложения труда) и использующими до-

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Т. 6. М., 1978, с. 329.

полнительные трудовые ресурсы относительно более мелких населенных пунктов. Все это обусловливается общностью в технологии. Такого рода групповые системы формируются на базе областных, краевых и других относительно удаленных от административных центров городов, имеющих значительное количество жителей (от 100 тыс. и более). Главная причина возникновения групповых систем (а затем на их базе региональных и общесоюзной) — концентрация производительных сил. Их рассредоточенность, как правило, приводит к снижению экономической эффективности производства: действие «закона концентрации» не может быть «отменено».

Размещение групповых систем во многом зависит от их экономико-географического положения. Большое значение при этом имеет близость к транзитным магистралям, портам, крупным месторождениям полезных ископаемых, столичным центрам. Не следует игнорировать и значение плотности населения прилегающей территории. Высокая плотность населения — важный фактор возникновения и последующего развития любой групповой системы. Очень большое, и притом растущее, значение для развития групповых систем имеют физико-географические условия, особенно климат, который на территории нашей страны колеблется от весьма благоприятного до такого, что он может стать фактором, исключающим возможность создания групповой системы расселения. Обеспеченность водой — фактор, связанный с климатом, — также может либо способствовать, либо, наоборот, сильно препятствовать групповой системе расселения. И наконец, большую сложность при урбанизации представляет собой проблема обеспеченности групповых систем расселения рекреационными условиями, которые есть далеко не во всех местах концентрации производительных сил. Искусственное создание рекреационных условий требует крупных дополнительных капиталовложений.

Все эти проявления географического фактора необходимо учитывать по степени их влияния (воздействия) на расселение. Между отдельными влияниями местной природы имеются сложные связи и взаимодействия, и они могут влиять на расселение по-разному, в зависимости от характера и интенсивности этих связей и взаимодействий. Отсюда огромное значение для градострои-

тельства приобретает ландшафтоведение. Именно результаты ландшафтных исследований дают комплексную оценку влияний местной природы, обобщенное представление о воздействии географического фактора на градостроительство, на весь процесс расселения. При этом под ландшафтоведением мы подразумеваем раздел *географии,* а не только ее физической ветви. В природных ландшафтах должен учитываться антропогенный фактор, а в градостроительстве важно знать воздействие не только природных условий, как таковых, но прежде всего воздействие сформировавшегося в данном месте в данное время территориального комплекса *географической среды,* представляющего собой определенную группу географических ландшафтов. При этом могут быть и городские, почти полностью антропогенные ландшафты. Современная наука представляет и будет представлять собой с точки зрения ее размещения территориально высококонцентрированное явление. Но здесь намечается тот же процесс, что и в промышленности. Концентрация перерастает в централизацию, что освобождает промышленность от полной привязанности к крупным городам и дает возможность иметь отдельные цеха или филиалы крупных предприятий в мелких населенных пунктах, связанные с основным производственным организмом *общностью технологии.* В науке также могут теперь отдельные ученые жить и работать в мелких населенных пунктах, но лишь при условии их постоянной связи с крупным коллективом ученых данной специальности, с которым они объединены общностью идей, общностью информации.

Однако такого рода размещение отдельных сравнительно небольших научных учреждений — филиалов — не должно приводить к «размазыванию» науки по территории страны. Централизация делает возможным, в частности, создание национальных научных центров, которые постепенно сами превращаются в основные центры, определяющие развитие науки. Но это процесс диалектический. Он одновременно подразумевает усиление основных центров размещения научных учреждений; централизация усиливает, а не ослабляет концентрацию, хотя и открывает возможность для территориального рассредоточения науки.

Концентрации (и специализации!) науки в очень большой степени способствует ее относительная незави-

симость от объектов изучения. Для географических исследований это проявляется в возможности самого широкого использования экспедиционного метода, включающего в себя почти всю гамму более конкретных методов и подходов. Географические экспедиции в самые отдаленные и труднодоступные уголки земного шара вполне могут базироваться в крупнейших городах, оснащенных самым совершенным научным оборудованием, имеющих наиболее полные библиотеки и центры информации, крупных специалистов в самых различных областях человеческого знания.

Помимо ландшафтных особенностей и воздействия экономических закономерностей большую роль в развитии урбанизации стало играть *пространство, как таковое,* что конкретно выражается в возросшем значении территориально-планировочных условий. Следует напомнить, что даже в СССР (не говоря о странах Западной Европы!) многие крупные города не имеют сколько-нибудь значительных территориальных резервов, поэтому часто приходится принимать весьма сложные решения, чтобы обеспечить их территориальное развитие. Создание групповых систем расселения облегчает и эти задачи, так как позволяет выявить резервные площадки в пределах сравнительно больших территорий, руководствуясь перспективами развития системы в целом, а не отдельного города. Особенно эффективен такого рода системный подход к использованию территории при развитии крупных групп расселения, где возможна предварительная комплексная оценка территории для ее использования в градостроительстве [1].

Усиление урбанизации часто приводит к противоречиям между экономическими и социальными направлениями в развитии цивилизации, что связано с концентрацией производительных сил и населения и возникающими при этом недостатками экологического, гигиенического и эстетического характера. Преодолеть эти недостатки необходимо, но прекратить рост урбанизации из-за них невозможно! Разрешить противоречия между требованиями экономики и социальной жизнью можно...

[1] Под комплексной оценкой территории понимается сравнительная оценка частей (строительных площадок) всей территории группового расселения с точки зрения их благоприятности для размещения строящихся объектов.

при условии усиления урбанизации! Чтобы избежать отрицательных последствий этого процесса, необходимо шире использовать преимущества концентрации производства и населения, а для этого в свою очередь необходима *комплексная* организация производства и расселения в районах наибольшей сосредоточенности производительных сил. Наиболее полно отвечают этому требованию так называемые *групповые системы* населенных мест — урбанизированные территории, представляющие собой определенную целостность. Распространяется и так называемый селективный (выборочный) принцип расселения, особенно при планировании дальнейшего развития урбанизированных районов, где часто бывают исчерпаны внутренние возможности для расширения производственной структуры из-за каких-либо ограничений (нехватка трудовых ресурсов, загрязнение среды, нехватка земельных участков для дальнейшего промышленного и коммунального строительства и т. д.). В этом случае определение профильных отраслей можно рассматривать как необходимое условие практического применения селективного принципа. Возникает новое явление — интегрированные в пространстве (на территории) группы взаимосвязанных населенных пунктов.

Общеизвестно, что переход к новому способу производства приводит к прогрессу в развитии производительных сил, иначе в этом переходе не было бы смысла. Но главной производительной силой был, есть и будет человек, следовательно, переход к новому способу производства открывает лучшие возможности для развития человеческой личности. И это подтверждается всей историей человечества.

Рассматривая классовое общество, следует отличать основные классы, определяющие данный способ производства, от социальных групп, представляющих собой либо остатки классов некогда существовавшего способа производства, либо зачатки классов нового способа производства, еще не утвердившегося в качестве господствующего. С установлением капиталистического способа производства, ставшего господствующим в ряде стран, буржуазия и пролетариат стали основными классами.

Переход к социализму устраняет внутри общества антагонистические отношения. «Только при таком по-

рядке вещей, — писал К. Маркс, — когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*»[1]. Но переход к бесклассовому обществу — «дело очень долгое, — отмечал В. И. Ленин. — Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил...»[2].

В нашей стране развитого социалистического общества происходит постепенное сближение (слияние) рабочего класса и колхозного крестьянства, осуществляемое в результате изменений в профессиональном и квалификационном составе работников. Отмирают одни профессии, возникают другие. Большое значение для сближения рабочего класса и колхозного крестьянства имеет урбанизация, вносящая, как указывалось, значительные изменения во всю систему расселения. Меняется и сама структура населения. Уже в начале 70-х годов XX в. рабочие и интеллигенция стали составлять не менее $^3/_5$ всего сельского населения, а доля колхозного крестьянства резко снизилась, сохранив тенденцию к дальнейшему снижению. Таким образом, сближение классов и социальных групп можно считать закономерностью этапа зрелого социализма, которое отчетливо проявляется среди молодежи.

Происходит сближение и между рабочим классом и интеллигенцией. Различия между рабочим классом и значительной частью интеллигенции, несомненно, становятся все менее значительными.

Классовые различия в условиях развитого социализма постепенно исчезают, но только «с переходом к коммунистическому распределению и потреблению завершается путь от классовой дифференциации к полной социальной однородности и полному социальному равенству»[3].

Будущее — это прежде всего новые люди. Построение бесклассового общества подразумевает в качестве одного из самых главных условий — формирование нового человека. «КПСС исходила и исходит из того, что *формирование нового человека* — важнейшая составная

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 185.
[2] *Ленин В. И.* ПСС, т. 39, с. 15.
[3] *Амвросов А. А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М., 1978, с. 236.

часть всего дела коммунистического созидания. Воспитание нового человека как творческой, духовно богатой, гармонически развитой личности — это наша программная цель»[1].

Решение проблем взаимодействия общества с природой в будущем органически связано в странах социализма с идеологической работой коммунистических партий. Радикально изменить отношение к природе, преодолеть антропоцентризм классового общества можно только при условии воспитания нового человека. Связь между воспитанием людей будущего и развитием экономики и культуры не случайно была подчеркнута и в докладе М. А. Суслова на Всесоюзном совещании идеологических работников в октябре 1979 г. «Сегодня мы достигли такого уровня развития экономики и социальных отношений, такой степени морально-политического единства советского общества, когда создана прочная основа для нового мощного подъема материальных и духовных сил страны. На этой основе партия решает сложные, крупномасштабные задачи, прежде всего в области экономики и воспитания. Успехи в этих двух важнейших сферах жизнедеятельности общества органически взаимообусловлены. Именно поэтому Центральный Комитет принял последовательно в апреле и июле этого года два постановления: «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и «О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов». Было принято также решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».

Недавно Центральный Комитет КПСС принял по инициативе тов. Л. И. Брежнева новые важные решения по ключевым вопросам развития производительных сил страны. В целях устойчивого повышения эффективности производства признано необходимым обеспечить опережающее развитие энергетики, подтягивание таких жизненно важных звеньев хозяйства, как транспорт, топливная промышленность, черная и цветная металлургия,

[1] *Суслов М. А.* Марксизм-ленинизм и современная эпоха, с. 120—121.

машиностроение, химия. При этом остается неизменным курс партии на дальнейший подъем сельского хозяйства»[1].

Приведенные выше положения отчетливо показывают неразрывность осуществляемых в социалистических странах мероприятий по воспитанию нового человека, достойного коммунистического будущего. Решение проблем, связанных с воздействием географического фактора, забота о среде общественного развития — неотъемлемая часть политики единства социального с экономическим. Только в этом единстве и может происходить техническое перевооружение производства, внедрение прогрессивной, малоотходной, а затем и безотходной технологии, уничтожающей антагонизм между обществом и природой.

* * *

Знакомство с историей человечества не оставляет никаких сомнений в том, что его развитие всегда представляло собой взаимодействие с природой, а не было простым использованием материалов и энергии природы в интересах людей. Представления антропоцентристского характера, абсолютно противопоставлявшие общество природе, без учета ответного воздействия природы на общественное развитие, вырывавшие общество из природы как якобы совершенно «особое» целое, ошибочны. Они возникли в результате естественного стремления человека к противопоставлению себя остальному, не мыслящему миру. Впоследствии это стремление усилилось в результате возникновения и господства религиозного мировоззрения, утвердившего отрыв всего духовного от материи. Человек, как обладавший «искрой божьей», полностью противопоставлялся остальной, лишенной «души» природе, рассматривавшейся лишь как внешнее условие, используемое человеком. В последнее время близкие к такого рода воззрениям высказывания делались в результате абсолютизации специфических общественных закономерностей, определяющих причины общественного развития. Не учитывалось, что для развития необходимо сочетание причин и условий. Не всегда понималось известное высказывание Ф. Энгельса о

[1] *Суслов М. А.* Марксизм-ленинизм и современная эпоха, с. 115—116.

том, что «природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя»[1]. Не всегда учитывалось и то, что кажущаяся полная свобода человека и его деятельности от природы состоит «не в воображаемой независимости от законов природы... а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»[2].

Воздействие природы на общество мы называем географическим фактором. Такое название оправданно по двум причинам. Во-первых, воздействие природы всегда пространственно различно, так как одинаковыми природные условия на земле повсеместно быть не могут. Разнообразие природы, большие различия в способах ее использования в интересах людей, а отсюда и различия в ответном «бумеранге природы» делают природное воздействие на общество региональным, т. е. географическим. Во-вторых, земная природа подверглась существенным изменениям в результате труда. В нее вошли овеществленные результаты труда, компоненты природы антропогенного происхождения, превратившие чисто природные условия в географическую среду природно-общественного происхождения, пространственно чрезвычайно разнообразную. Географический фактор, не определяя причин общественного развития, тем не менее определял и *определяет условия этого развития*. Вне действия географического фактора не только развитие, но и сама жизнь человеческого общества невозможна!

Вынуждаемые общественными потребностями, возраставшими и изменявшимися в результате действия общественных закономерностей, люди, активно приспособляясь к географической среде, вносят в нее все более и более значительные, целенаправленные изменения. Постепенно эти изменения становились все более существенными. Многие элементы внешней природы, вовлеченные в общественное производство, непосредственно вошли в материальное содержание общества — в его производительные силы. Усложнился весь процесс взаимодействия. Не утратив своего внешнего характера (взаимодействие между двумя разнокачественными це-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 56.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 116.

лыми), оно приобрело и *внутреннюю сущность,* превратившись во взаимодействие между двумя противоположностями *внутри* определенного общественно-природного единства. С этого времени произошло качественное изменение в природных условиях, которые, не переставая оставаться ими, сделались средой общественного развития, определяемого не только естественными законами природы, но и через производственную деятельность людей — *законами общественного развития.* Географическая среда — это сфера и результат взаимодействия общества с природой.

Действие географического фактора во все эпохи выражало собой не только условия общественного развития, но и вечное противоречие общества с природой. Взаимодействие между ними всегда было (и будет!) иметь противоречивый характер. Но острота этого противоречия никогда не была одинаковой на разных этапах истории. В доклассовый период общество вписывалось в природу и географический фактор влиял на биосоциальное развитие людей через разнообразие жизненных условий. Противоречие общества с природой было очень слабым, но оно все же было. Например, первобытные племена иногда были вынуждены менять свое местожительство, когда исчерпывались потребляемые ими биологические ресурсы или их делалось недостаточно для выросшего племени. Происходила полная или частичная миграция в результате действия «бумеранга природы».

В дальнейшем отношение к природе со стороны общества стало определяться интересами господствующих классов. По мере усиления масштабов эксплуатации человека человеком усиливалась и эксплуатация природы, что постепенно усиливало антагонизм между обществом и природой. Своего наивысшего уровня этот антагонизм достигает в эпоху капитализма, когда возникает угрожающая всему человечеству опасность глобального экологического кризиса.

Милитаризация экономики, гонка вооружений, которую навязывают империалистические государства, усиливают эту опасность. Разрешить остроту возникшего антагонизма может только сознательная организация общественного производства. Для того чтобы устранить погоню за прибылью как главный стимул капиталистического природопользования, «требуется... большее, чем

простое познание... требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе»[1], — писал Ф. Энгельс, показывая, что снятие антагонизма между обществом и природой подразумевает устранение капиталистического строя. Говоря иначе, устранение глобальной экологической опасности для человечества требует радикальных изменений в процессе взаимодействия общества с остальной природой. Возникла революционная ситуация в этом взаимодействии, возникла неизбежность «экологической революции», вполне вероятно далеко не первой в истории человечества. Но «по сравнению с предыдущими этапами экологическая революция будет, пожалуй, наиболее комплексной и универсальной, ибо условием ее может быть только качественная перестройка всей существующей технологии общественного производства и всей системы социальных отношений. Следовательно, необходимой предпосылкой экологической революции является революция социалистическая во всех странах, где еще сохранился капитализм.

Общество не может далее развиваться, будучи приковано к частному интересу присвоения «чужого прибавочного труда» (*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 217). Этот принцип совершенно несовместим с решением экологической проблемы, и, следовательно, капитализм теперь отрицается не только экономической, но и экологической необходимостью»[2].

Социализм в корне меняет отношение людей к природе и создает необходимые условия для полного разрешения антагонистических противоречий между обществом и природой. Географический фактор получает небывалый в прошлом простор для позитивных воздействий на общество, определяя региональную специфику его развития. В условиях бесклассового общества устанавливается единство хронологии с хорологией, взаимозависимое сопряженное развитие общества и его среды во времени и пространстве, причем воздействие географического фактора освобождается от уродливых искажений. Н. Н. Баранский подчеркивал, что К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли большое внимание воздействию

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 497.

[2] *Гирусов Э. В.* — В кн.: Общество и природа. М., 1981, с. 55—56.

географического фактора. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса имеется немало примеров страноведческих характеристик, столь необходимых для правильного понимания событий, происходящих в той или иной стране. «Эти характеристики имеют в большинстве случаев политическое содержание, но они всегда интересны именно со страноведческой точки зрения, во-первых, тем, что никогда не ограничиваются общими местами, а всегда выявляют *специфику* данной страны и народа, а во-вторых, тем, что эту их политическую специфику они не только выявляют и констатируют, но и объясняют, привлекая к объяснению особенности и природы, и положения, и исторического развития, и экономики, и соотношения классов, и государственного строя»[1].

Географический фактор несомненно играл большую роль в развитии классового общества. Но в будущем, в эпоху коммунизма, эта роль будет еще значительнее, так как более высокий уровень в развитии производительных сил подразумевает неизбежность в усилении и всего процесса взаимодействия внутри системы «общество — природа». И если непосредственная зависимость общества от природы будет продолжать сокращаться (хотя и она никогда не будет равна нулю!), то *опосредствованная* производством зависимость общества от материалов и сил природы будет бесконечно возрастать. Все большее и большее количество материалов и видов энергии будет включаться в общественное использование, превращаясь в производительные силы общества.

Глубинные законы развития общества неизбежно приводят к осознанию *единства всего человечества, всех землян,* приводят к пониманию необходимости *обобществления* всех производительных сил планеты в единый хозяйственный организм человечества. Создание такой единой, планетарной системы — процесс сложный и противоречивый. Но он происходит и ускоряется на наших глазах! Индивидуальные средства труда с индивидуальными ограниченными знаниями выглядят теперь все более явным анахронизмом. Знания и техника уже приобрели общечеловеческий характер. При современной системе информации как-то «засекретить» их друг от друга на сколько-нибудь продолжительный срок лю-

[1] *Баранский Н. Н.* Научные принципы географии. М., 1980, с. 47.

ди практически не в состоянии. *Комунизм — не только новый общественный строй, но и новая стадия в бытии планеты!*

По Марксу, «условия самого общественного жизненного процесса» будут «подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним»[1]. Но всеобщий интеллект не может быть чем-то «осредненным», он будет воплощать высшие достижения региональной цивилизации, так как усиление обобществления производительных сил, возрастание коллективизма и означают создание оптимальных условий для индивидуального творчества, для всестороннего и полного развития человеческой личности. Степень обобществления зависит от степени индивидуальной свободы. Здесь недопустимо противопоставление. Это две стороны единого явления.

Но все эти прогнозы могут быть в той или иной мере реальными только при условии предотвращения ядерной мировой войны. Поэтому в заключение следует повторить, что борьба за мир, которую во главе с КПСС ведут коммунисты всего мира и все прогрессивные силы нашей планеты, — это *единственное* средство, открывающее для человечества возможность светлого будущего!

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 215.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ОТ АВТОРА 9
ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА. ХРОНОЛОГИЯ И ХОРОЛОГИЯ О «НООСФЕРЕ» 11
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР НА ЗАРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА 42
ОХОТНИЧЬЕ ОБЩЕСТВО 78
РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО 107
РЕГИОНАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА 130
ФЕОДАЛЬНАЯ РУСЬ 159
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ РОССИИ 197
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ 242
ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ 284

THE GEOGRAPHICAL FACTOR IN THE DEVELOPMEHT OF SOCIETY

PREFACE 3

AUTHOR'S NOTE 9

FORMATION OF THE GEOGRAPHICAL FACTOR. CHRONOLOGY AND CHOROLOGY. ON «NOÖSPHERE» 11

THE GEOGRAPHICAL FACTOR AT THE DAWN OF MANKIND 42

HUNTER SOCIETY 78

SLAVE SOCIETY 107

REGIONALISM OF THE EUROPEAN FEUDALISM 130

THE FEUDAL RUSSIA 159

THE GEOGRAPHICAL FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA 197

THE GEOGRAPHICAL FACTOR IN THE SOCIALIST SOCIETY 242

GLANCE INTO THE FUTURE 284

Доктор географических наук, профессор Всеволод Анучин — крупный советский ученый, научные интересы которого не ограничиваются географическими исследованиями, а охватывают философию, историю, экономику, демографию. Публикации В. Анучина нередко вызывали острые дискуссии в связи с обоснованием им концепции единства географии, в последнее время получающей растущее признание, о чем хорошо сказал академик К. Марков: «Продолжая развивать научные взгляды Н. Н. Баранского, концепцию единства географии обосновал его ученик В. А. Анучин, и, сколько бы ни пытались некоторые географы отвергать и замалчивать эту концепцию, ей, несомненно, принадлежит будущее».

Почти все публикации В. Анучина имеют проблемный характер и основаны на теоретическом обобщении большого фактического материала. Наибольшей известностью пользуются: «Географические очерки Маньчжурии» (1948), «География советского Закарпатья» (1956), «Теоретические проблемы географии» (1960), «О критике единства географии» (1961), «Теоретические основы географии» (1972), «Основы природопользования» (1978).

Предлагаемая вниманию читателей новая книга В. Анучина «Географический фактор в развитии общества» выделяется еще большим охватом актуальных проблем, обусловленных обостряющимися противоречиями в процессе взаимодействия общества и природы. Синтезировав огромный фактический материал, использовав результаты географических, исторических и социально-экономических исследований, автор показывает, насколько большим было и остается воздействие географической среды на развитие человеческого общества. При этом все содержание книги «подано» с позиции единства пространства и времени. Охватывается вся история человечества, начиная с его возникновения и кончая современностью и «взглядом в будущее». Одновременно эта история рассматривается на конкретных примерах отдельных регионов, хотя наибольшее внимание уделяется России, ее географической специфике в историческом развитии.

В книге показаны связи между происходящими изменениями в способах производства и в природопользовании, между техническим прогрессом и формами воздействия на общество географической среды. Ярко показано, что по мере развития человечества его зависимость от природы не только не уменьшается, но и постоянно, а в последнее время особенно ускоренно возрастает, хотя и принимает все более опосредствованный характер. Автор решительно отвергает антропоцентристский подход к природопользованию, рассматривая человечество как часть природы, подчиненную ее законам. Исходя из понимания общества как особой части природы, имеющей специфические законы своего развития, определяются и основные направления его дальнейшего развития как части целого.

В мировой географической литературе до сих пор не появлялось книги, которая охватила бы столь же широкий круг проблем на гранях между естествознанием и общественными науками.

Professor Vsevolod Anuchin, doctor of geographical sciences is a prominent Soviet scholar. His scientific interests are not limited to geography only, but deal with philosophy, history, economics and demography. His publications often raised hot discussions particularly when he set forth his concept of the unity of geography, that is lately acquiring wide acceptance. As academician K. Markov put it: «Continuing the development of the scientific views of N. N. Baransky, V. A. Anuchin, his disciple, founded the concept of the unity of geography, and inspite of the efforts of certain geographers to reject or to ignore this concept, it certainly belongs to the future».

Almost all of the publications of B. Anuchin are problemoriented and are based on theoretical generalization of a voluminous amount of facts and figures. Of the more widely known works are: Geographical Essays on Manchuria (1948), The Geography of Soviet Transcarpatia (1956), Theoretical Problems of Geography (1960), On the Criticism of the Unity of Geography (1961), Theoretical Bases of Geography (1972), Principles of Utilizing Natural Resources (1978). Many papers and books were published abroad. Among them are: Teoreticke problemy geografie, Praha 1962, Dijalektika savremene geografije, Beograd, 1967; Geografska sredina i prostorno planiranje, Beograd, 1972; Theory of Geography in: Directions in Geography. Edited by R. J. Chorley, London 1973; Theoretical Problems of Geography, Columbus, 1977.

The new book of V. Anuchin «The Geographical Factor in the Development of Society» that is offered to the reader gives a broader span of the urgent problems that are rouse by increasing contradictions during the process of interaction of Society and Nature. Having synthesised gareat number of facts and the data of geographical, historical and socioeconomic studies the author shows what a great impact the geographical environment had and continues to exert on the development of Mankind. Besides this, the whole book is «presented» from the point of view of the unity of Space and Time. The entire history of Mankind is considered from the very beginning to this very day and with a «glance into the future». This history is at the same time considered on definite examples of separate regions.

Relations between the changes that take place in the modes of production and in the utilization of Nature, between the technological progress and the forms of impact of the geographical environment on society are shown in the book. It is clearly revealed that as Mankind develops its dependence on Nature does not decrease, but constantly grows, particularly rapidly of late, although to a greater extent it becomes more and more indirect is character. The author resolutely rejects the anthropocentric approach to the utilization of natural resources, regarding Mankind as a part of Nature subject to its laws. Seeing the society as a special part of Nature, that has its specific laws of development the main directions of its further development are determined as parts of the whole. In works on geography up to now there was no book like this that covered such a wide range of problems on the verge of natural and social sciences.

Doktor der Geographie, Proffessor Wsewolod Alexandrovitsch Anutschin ist ein großer sowjetischer Gelehrte. Er beschäftigt sich nicht nur allein mit Geographieerforschung. Seine Interessen sind viel umfangreiher: Philosophie, Geschichte, Ökonomik.

In diesem neuen Buch von Anutschin, daß «Geographischer Faktor in der Entwicklung der Gesellschaft» heißt, sind Verbindungen zwischen den vor sich gehenden Verenderungen in Produktionsweise und Naturnutzung gezeigt.

In der Weltliteratur hat es bis heut Tage kein Buch gegeben, daß solch eine große keine von Problemen umfaßt, die am Rande der Natur — und gesellschaftlichen Wissenschaften liegen.

El Doctor en Geografía Vsévolod Anuchin, catedrático, es eminente científico soviético cuyos intereses profesionales, lejos de limitarse a investigaciones netamente geográficas, abarcan filosofía, historia, economia y demografía. Sus publicaciones suscitaban más de una vez arduas discusiones, sobre todo, alrededor de su postulado de la unidad de geografía.

En este nuevo libro de V. Anuchin titulado «El factor geográfico en el desenvolvimiento social» son desentrañadas las ligazones entre los cambios operados en los modos de producción y el usufructo de la Naturaleza, entre el progreso técnico y formas de influencia que ejerce el medio geográfico en la sociedad humana. El autor demuestra de modo claro y convincente que conforme evolucione la sociedad, su dependencia del ambiente natural, en vez de atenuar, por el contrario, no deja de crecer constantemente, y a ritmo marcadamente aceleradoen estos tiempos últimos, aunque revista formas cada vez más oblicuas. El autor refuta de modo rotundo la actitud antropocentrista hacia el usufructo de la Naturaleza.

Entre los trabajos conocidos que traten el mismo problema, no ha habido hasta acá tratado que abarque, como la obra de V. Anuchin, un conjunto tan amplio de cuestiones que brotan en la tierra de nadie entre las ciencias sociales y naturales.

Docteur de géographie, professeur, Vsévolod Anoutchine est un savant soviétique renommé. Ses intérêts scientifiques dépassent le cadre de la recherche géographique et s'étendent à la philosophie, l'histoire, l'économie, la démographie. Ses publications font souvent naître de vives discussions, quand il s'agit plus particulièrement de sa conception d'unité de la géographie.

Dans son nouvel ouvrage que nous proposons au lecteur, «Le facteur geographique dans le développement de la société», V. Anoutchine met en évidence les liens existant entre l'évolution du mode de production et de l'exploitation de la nature, entre le progrès technique et les formes sous lesquelles le milieu géographique exerce son action sur la société. Il démontre qu'au fur et à mesure que la société avance elle ne voit guère décroître sa dépendance vis-à-vis de la nature; au contraire, celle-ci ne cesse d'augmenter, de façon accélérée au cours de ces derniers temps, quoique revêtant un caractère de plus en plus médiatisé. L'auteur rejette résolument l'approche anthropocentrique de l'usage de la nature.

Cet ouvrage marque une première publication mondiale qui embrasse autant de problèmes intéressant également les sciences naturelles et sociales.

Анучин В. А.

А73 Географический фактор в развитии общества/ Науч. ред. В. И. Куликов. — М.: Мысль, 1982. — 334 с.

В пер.: 2 р.

В новой книге известного географа В. А. Анучина рассматриваются актуальные проблемы взаимодействия общества и природы. Синтезировав огромный фактический материал по страноведению, истории, философии, этнографии, археологии, экономике, автор показывает, как по мере развития общества возрастает его зависимость от природы, как она качественно и количественно меняется. Большое внимание уделено раскрытию связей между способами производства и природопользованием.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

А $\frac{1905010000\text{-}086}{004(01)\text{-}82}$ 103-82

ББК 15.5
1МИ

ИБ № 1670

Всеволод Александрович Анучин

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Заведующий редакцией *О. Д. Катагощин*
Редактор *Л. А. Машарова*
Младший редактор *Ю. С. Макаревич*
Художественный редактор *А. И. Ольденбургер*
Технический редактор *Т. В. Елманова*
Корректор *З. В. Одина*

Сдано в набор 02.02.82. Подписано в печать 07.05.82. А04762.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. печатных листов 17,64. Учетно-издательских листов 18,85.
Усл. кр.-отт. 17,64. Тираж 11 000 экз. Заказ № 89. Цена 2 р.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский пр., 15

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.

В.А.Анучин

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА